

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Философы-победители

Сборник посвящён 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

Москва

Издатель А.В. Воробьев

2015

УДК 929:1
ББК 63:87
Ф56

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Гавриков В.Д., Козырев А.П., Никандров А.В.

**Ф56 Философы-победители. Сборник посвящён 70-летию
Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов /**
Сост. Н.М. Северикова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. — 172 с.

ISBN 978–5–93883–266–4

Годы Великой Отечественной войны — это годы священных и героических свершений: тогда воевала вся страна, и героизм в той войне стал явлением массовым. Среди тех, кто не щадя своей жизни защищал нашу Родину, — преподаватели, сотрудники и студенты философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Их подвигу посвящается этот сборник. Он включает в себя биографии профессоров, преподавателей и сотрудников философского факультета МГУ — участников и ветеранов Великой Отечественной войны и трудового фронта. В приложении даются избранные интервью и воспоминания.

Текст подготовлен научным сотрудником кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, кандидатом философских наук **Н.М. Севериковой**

ISBN 978–5–93883–266–4

© Философский факультет МГУ, 2015

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2015

Научное издание

Подписано в печать 10.04.2014. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,75. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 300 экз. Заказ № 1148.

Оригинал-макет подготовлены *А.В. Воробьевым*. **7720376@mail.ru**

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. **8(495)772–03–76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Память о минувшем	5
Они победили	
АНИСИМОВ Сергей Федорович.....	12
БЕЛОВ Павел Тихонович.....	16
БОГАТОВ Виталий Васильевич.....	19
БОГОМОЛОВ Алексей Сергеевич.....	24
ВОЙШВИЛЛО Евгений Казимирович	27
ДЕМИН Михаил Васильевич.....	30
ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович.....	34
ИЛЬЕНКОВ Эвальд Васильевич.....	38
КОВАЛЕВ Александр Митрофанович.....	42
КОЗЛОВ Никита Степанович	47
КОПНИН Павел Васильевич.....	49
КОСИЧЕВ Анатолий Данилович.....	53
МАМЕДОВ Шейдабек Фараджиевич.....	58
МОЛОДЦОВ Василий Сергеевич.....	60
НАРСКИЙ Игорь Сергеевич.....	62
НОВИКОВ Михаил Петрович.....	64
ОВСЯННИКОВ Михаил Федотович.....	67
ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич.....	69
ОРЛОВ Сергей Матвеевич.....	72
ПАНЦХАВА Илья Диомидович	76
ПАШКОВ Николай Александрович.....	78

РАЗИН Владимир Иванович	80
СЕРЦОВА Анна (Анисия) Петровна	83
СОКОЛОВ Василий Васильевич	89
СТАРЧЕНКО Анатолий Александрович	95
ХАСХАЧИХ Федор Игнатьевич.....	99
ШКУРИНОВ Павел Семёнович	104
Трудовой фронт	
БОРУНКОВ Юрий Филиппович	107
КОЗИКОВ Иван Андреевич	109
СЕВЕРИКОВА Нина Михайловна.....	112
Приложение	
<i>Зиновьев А.А.</i> Воспоминания о войне	115
Из интервью с профессором Александром Митрофановичем КОВАЛЕВЫМ. Беседу ведет доцент А.П. Козырев.....	146
<i>Соколов В.В.</i> Памятные факты о покойном друге. Воспоминания о М.Ф. ОВСЯННИКОВЕ	155
Из интервью с академиком РАН Теодором Ильичом ОЙЗЕРМАНОМ. Беседу ведет доцент А.П. Козырев. 2004 г...	161
Из интервью с профессором Анатолием Александровичем СТАРЧЕНКО. Беседу ведут доцент А.П. Козырев и к.ф.н. Д.Ю. Черников. 2006 г.	165
Помнить вечно	172

Жизнь коротка,
но слава может быть вечной.
ЦИЦЕРОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Память о минувшем

Ушли в далекое прошлое сороковые-грозовые — за ними ушла целая эпоха. Уходят и люди — участники и свидетели тех событий, живые носители Истории. Остается одно — память... Память о войне — это прежде всего память о людях: о тех, кто воевал, кто не вернулся из боя, кто держал в стране «второй фронт», работая для будущей победы.

Для участников эта война стала самым нестирающимся переживанием за целую жизнь — главным из всего, что было в юности. Но вот что удивительно: одни философы, посвятившие жизнь науке, никогда не делали упор на войну, коротко сообщая в анкете: «служба в армии», — и теперь уже почти невозможно найти сведения о том, где и как им довелось воевать; другие считали войну лишь «небольшим» (всего в 4 года!) перерывом в своей многогранной деятельности. А ведь эти четыре года были бесконечно долгими: они шли между жизнью и смертью, когда каждый день, каждый час мог стать последним!

Не всем посчастливилось дожить до светлого дня Победы — сотни тысяч навсегда остались на полях сражений. Теперь-то нам становится понятен смысл слов: «Победа любой ценой». «Любой» — значит, тем единственным, что имел солдат, — жизнью. Да, жизнь одна. Но есть ценности важнее жизни, и среди них первая — свобода своего Отечества.

А время продолжает бесстрастно отсчитывать десятилетия уже от конца Великой Отечественной. Грядущая юбилейная дата — 70-летие Победы в этой Великой войне — значительный и чрезвычайно серьезный повод напомнить современникам о том, что именно наша страна была истинным победителем во Второй мировой войне, и сегодня особенно важно не допустить очередного витка фальсификации истории.

А фальсификация началась почти сразу же после окончания войны: ведь история — средство не только познания, но и борьбы! Предвзятости в освещении событий способствовало то обстоятельство, что описанием хода Второй мировой войны по поручению военного руководства США занялись уцелевшие генералы вермахта. Они сложили легенду о «непогрешимости» германского генералитета и «непобедимости» немецко-фашистской армии, возложив вину за свое поражение на своего фюрера. Но нельзя объективно осветить историю минувшей войны, объявляя виновником ее только Гитлера: клише о его роковой роли маскировало сущность германского милитаризма, не упускавшего из виду цель — завоевания мирового господства.

Книжный рынок Запада отличается пестрой мозаикой исторических концепций историков в освещении и оценках событий и фактов Второй мировой войны — это не только отражение меняющейся мировой конъюнктуры: здесь играет превалирующую роль использование метода исторического познания, который органически связан с мировоззренческой позицией исследователя. Однако историческая правда только одна, она не допускает отступления от объективной истины и не позволяет ее исказить; и здесь важный фактор — освещение событий на основе подлинно научной методологии, которой явно пренебрегают западные авторы.

Субъективизм многих историков Запада проявляется в стремлении приспособить методы исследования к изменяющимся политическим обстоятельствам современности. Отсюда проистекают мнения о том, что гитлеровские генералы всегда были за союз с Англией и США, что Германия потерпела поражение в результате расхождения с западными державами, что США и Англия допустили ошибку, вступив в единый блок с СССР против Германии.

Авторы этих высказываний были не столь уж далеки от истины: вскоре после разгрома вермахта Черчилль намеревался «исправить» эту ошибку: именно в это время, как стало известно впоследствии, он давал указание фельдмаршалу Монтгомери: «...Старательно собирать германское оружие и складывать так, чтобы его легко можно было раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось», — читаем мы в «Daily Gerald» от 24 сентября 1954 года.

Одной из фальсификаторских тенденций западных авторов является стремление изобразить советское военное искусство отсталым, стоящим по своему уровню ниже военного искусства вермахта, а также вооруженных сил США и Англии. Путем умолчания или грубого искажения исторических фактов они отрицают решающий характер наступательных операций Красной Армии. Во многих американских и английских изданиях о действиях советских войск не упоминается вообще, а все блестящие победы в ходе войны относят только к действиям англо-американских войск. Однако существует непреложный исторический факт: всю тяжесть войны СССР героически, с огромными людскими потерями, нес на своих плечах, ибо союзники — США и Англия — преднамеренно уходили от решения вопроса об открытии Второго фронта. Об этом с огорчением говорил по возвращении в Англию лорд Бивербрук, участник Московского совещания 1943 года. Второй фронт был открыт в Европе только 6 июня 1944 года, когда союзникам стало ясно, что советские войска способны и без их помощи завершить разгром фашистской Германии. Часто также повторяется фальсификация об экспансионистской политике СССР во Второй мировой войне. Миф о советской угрозе распространяли те, кто создавал агрессивный блок НАТО.

Говорят, что война у каждого своя... А для всех советских людей она стала общей — точнее, общей бедой всех поколений, ибо война, какой бы она ни была, — это трагедия для всего народа... Ученые подсчитали, что за последние 5,5 тысяч лет наше человечество устроило себе 14 500 войн; в них погибло 3 миллиарда 540 миллионов человек, что равно, например, всему населению плане-

ты в 1970 году. Однако по масштабам насилия и жестокости недавно истекший XX век превзошел все предшествующие. Общее же число погибших в годы только Первой и Второй мировых войн составляет 65 миллионов человек. Эти войны навсегда останутся мрачным пятном современной истории.

XX столетие на скрижалях истории сплошь окрашено в багровые тона; особо кровавой была Вторая мировая, которую можно назвать чудовищным, жестоким и беспощадным истреблением людей. Миллионы погибших на поле боя, страдания их матерей и жен, оставшихся сирот, незаживающие раны душевной боли воспоминаний, — все это принесла советскому народу Вторая мировая, ставшая для нашей страны Великой Отечественной войной. Ее терновым венцом стала Победа в мае 1945 года.

Годы Великой Отечественной войны — это священный и героический эпос: тогда в течение 1418 дней воевала вся страна, от мала до велика, и героизм в той войне стал явлением массовым. Люди самоотверженно боролись за каждую пядь родной земли, каждый ее клочок был полит кровью верных ее сынов и дочерей. Их имена высечены золотыми буквами на мемориалах и памятниках. Они высечены и в наших сердцах и душах как зарубки памяти о трагедии нашей страны и нашего народа.

По всей огромной России стоят символы скорби и утрат —obelisks. Величественный памятник «Героям битвы под Москвой» установлен на Перемиловской высоте в Яхrome, недалеко от канала имени Москвы. Это символ вечной памяти и славы тем, кто выстоял и остановил врага на подступах к столице России. Именно здесь проходил исторический рубеж, который определил будущее не только нашей страны, но и всего мира.

Там же, в Яхrome, недавно установлен монумент, выполненный участником Великой Отечественной войны, знаменитым скульптором В.В. Глебовым-Вадбольским. Этот памятник воину-освободителю 30-метровой высоты виден за 10 километров. Он символизирует самую первую и самую крупную победу советских войск над немецко-фашистскими захватчиками. Защитники Москвы, отстояв столицу, стали провозвестниками Великой Победы, ее творцами. Они перечеркнули планы гитлеровской военщины, поте-

рявшей здесь не только живую силу и технику, но и малейшие надежды на так называемый блицкриг. На просторах Подмосковья фашистов ожидала не победа, о которой 3 октября 1941 года торжественно оповестил мир Гитлер: мол, СССР «уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил». Победное настроение гитлеровцев вскоре сменилось осознанием своей катастрофы.

В небе Москвы 5 августа 1943 года прогремел первый победный салют, эхо которого пронеслось над всей Советской страной и за ее пределами. Президент США Франклин Делано Рузвельт направил И.В. Сталину послание: «Советский Союз может справедливо гордиться своими историческими победами». А спустя год, 17 июля 1944 года, под конвоем провели по Москве 57 000 гитлеровских солдат, офицеров и генералов, взятых в плен на белорусской территории. Только так завоеватели Европы смогли «проникнуть» в столицу Советского Союза.

Защитникам Москвы помогала вся Советская страна: фронт и тыл были нераздельны. Битва под Москвой была выиграна благодаря массовому героизму и боевому мастерству советских войск. Именно в сражениях под Москвой родилось понятие «гвардейский» — гордое наименование отличившихся в боях различного рода войск. И уже в наши дни воздвигнут памятник первой женщине, награжденной званием Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны: этой высокой чести удостоена Зоя Космодемьянская — юная партизанка «Таня», казненная фашистами 29 ноября 1941 года в деревне Петрицево под Москвой. Война для всех стала тогда опасным и тяжелым трудом, суровым испытанием на мужество и выносливость.

Московский государственный университет. Около 6000 студентов, аспирантов и преподавателей ушло из университетских стен: 2000 — на фронт, 3000 — на строительство оборонных укреплений на подступах к Москве, более 1000 вступили в народное ополчение. И почти половина осталась на полях сражений...

Но сколько бы лет ни минуло с той поры, когда закончилась Великая Отечественная война, те, кто пережил военное лихолетье, кто терял близких, кто воевал и победил, — запомнили то время навсегда. Воины-победители вернулись в МГУ — учиться и рабо-

тать. Теперь они уже ветераны той далекой войны, — однако они по-прежнему

в походе;
И если дней прервется бег —
Не умирают, а уходят
В легенды Родины навек.

Они превращаются в легенду потому, что через битву за Москву и за Сталинград, через сражения на Курской дуге — через много дней, километров и человеческих жизней, преодолев с ожесточенными боями три оборонительные линии уже в самом Берлине, — пришли в логово фашизма, поработившего всю Европу.

И пусть помнят все: Советский Союз участвовал во Второй мировой войне с программой антифашистской освободительной борьбы, отвечавшей чаяниям всего прогрессивного человечества. Советские войска освободили от фашистов 11 стран Запада и около трех миллионов квадратных километров не только советской земли, но и территории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Тогда сдались фашистам почти все европейские государства, а народ Советского Союза выстоял и победил. Победа досталась ценою огромного напряжения сил армии, флота и тружеников тыла, объединенных патриотическим девизом: «Всё для Победы».

Великая Отечественная война 1941–1945 годов для многих людей, юными вступивших в XXI век, — это уже далекое прошлое. А ведь минуло всего 70 лет со дня Великой Победы нашего народа — для Истории срок не такой уж большой. Победа позволила нам прожить в мире все эти годы. Праздник Победы — 9 мая 1945 года — дорог сердцу каждого из нас: дорог памятью о тех, кто ценой своей жизни отстаивал свободу Родины. Однако мы никогда не должны забывать о жертвах, которые понесли народы в то грозное время, когда Отечество было в опасности. То, что было для нас светлым, казалось значительным и прочным, распалось на наших глазах. Но История продолжает безжалостно раскручивать свое «красное колесо». Это должно служить предостережением для человечества: необходимо остановить безумные мысли о создании

новейших типов вооружения, отказаться от безрассудной политики «на грани войны» между государствами. Необходимо ясно понять: третьей мировой войне, если она возникнет, не понадобятся ни свои летописцы, ни свои читатели, ибо исчезнет человечество и всякая жизнь на Земле.

И если мы хотим иметь будущее — надо свято хранить память о прошлом.

Н.М. СЕВЕРИКОВА

кафедра истории русской философии
МГУ имени М.В. Ломоносова

Они победили

Нет у солдата выше долга,
чем устоять и победить

АНИСИМОВ Сергей Федорович

(20 июня 1922 г. — 10 июня 2005 г.)

Сергей Федорович Анисимов родился вблизи Казани. После окончания средней школы в 1939–1941 гг. учился на философском факультете МИФЛИ имени Н.Г. Чернышевского. Вместе с другими студентами допризывного возраста 1 июля 1941 года пошел добровольцем в армию и участвовал в боевых действиях комсомольского истребительного батальона в прифронтной зоне Смоленской области. С сентября 1941 по март 1942 г. С.Ф. Анисимов — слушатель курсов военных переводчиков на военном факультете 2-го Московского института иностранных языков. В апреле 1942 г., получив звание лейтенанта, был назначен инструктором батальона в 6-й бригаде воздушно-десантного корпуса на Северном Кавказе. Через два месяца его перевели на Сталинградский фронт, в штаб 753-го стрелкового полка 192-й дивизии 62-й армии, где он выполнял работу шифровальщика и военного переводчика.

С.Ф. Анисимов принимал активное участие в боях против частей 6-й немецкой армии фельдмаршала Паулюса; будучи ранен в ногу и получив многочисленные ранения от осколков разорвавшегося снаряда, попал в плен. После пребывания в лагере раненых военнопленных вместе с другими выздоровевшими был вывезен в Австрию, где работал в штольнях, на железной дороге, на лесоповале в горах. В апреле 1944 г. бежал из эшелона и три месяца

скрывался в Словакии под видом гражданского лица, увезенного на работы с Украины.

После ареста и заключения в тюрьме в Илаве — в штрафном лагере Оберланцендорф — его перевезли в рабочий лагерь при металлургическом заводе Энцесфельд. За попытку бегства в январе 1945 г. в Леоберсдорфе подвергся аресту, а при приближении фронта вместе с другими заключенными его отправили по этапу в западном направлении. Из маршевой колонны он бежал уже в Леоберсдорфе, целый месяц скрываясь в альпийских лесах, однако полиция выследила беглеца и препроводила в лагерь иностранных рабочих в Брук-на-Муре. И только в начале мая 1945 г. он был освобожден Красной армией.

Пройдя проверку в СМЕРШ, С.Ф. Анисимов продолжил прерванную службу в 1037-м Венском стрелковом полку, в составе которого совершил в июне 1945 г. марш Победы через Австрию, всю Венгрию и часть Румынии, затем по железным дорогам — до города Канска, закончив военную службу в Красноярске.

Сергей Федорович Анисимов был награжден орденом Отечественной войны II степени (1975), боевыми медалями «За Победу над Германией» (1946), «За отвагу» (1958), «За оборону Сталинграда» (1993), десятью юбилейными медалями Отечественной войны и Советской армии. В 1996 г. ему вручили «Медаль Жукова», в 2000 г. — знак «Фронтвик 1941–1945 гг.»; ранее — медали «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы».

По окончании войны С.Ф. Анисимов учился на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, закончив его с отличием в 1949 г. В течение нескольких лет преподавал логику, математику, психологию, философию в московских средних и высших учебных заведениях, в том числе в Московском областном педагогическом институте имени Н.К. Крупской (1958–1968), в Высшей заочной школе профдвижения (1958–1959); читал лекции на кафедре истории и теории атеизма философского факультета МГУ (1960–1967).

Сергей Федорович позже вспоминал, что в становлении его как философа большую роль сыграли лекции и семинарские занятия по истории философии и логике профессоров Б.С. Чернышева, В.Ф. Асмуса, П.С. Попова и доцента А.С. Ахманова.

А.С. Ахманов был, пожалуй, единственным знатоком истории формирования логики в Античности и Средневековье. Основная монография ученого, посвященная логическим сочинениям Аристотеля, к сожалению, издана столь малым тиражом, что малоизвестна даже специалистам.

Теперь — о профессоре Павле Сергеевиче Попове, который в 40-х годах был пропагандистом преподавания логики в Московском университете и педагогических вузах Москвы. Павел Сергеевич был одним из представителей старой русской интеллигенции чеховского склада. В его квартире на Арбате царил традиционная русская атмосфера высокой духовности. Здесь внимательно читали и анализировали произведения известных писателей; роман «Русский лес», например, обсуждали вместе с автором — Л.М. Леоновым. П.С. Попов был ближайшим другом М.А. Булгакова, с произведением которого «Мастер и Маргарита» кружок П.С. Попова познакомился еще в рукописи. Павел Сергеевич поддерживал своих учеников не только духовно, но иногда помогал и материально.

В 1954 г. С.Ф. Анисимов экстерном защитил кандидатскую диссертацию «Объективная закономерность и законы науки»; опубликовал в журналах «Вопросы философии», «Коммунист», в научных сборниках, в том числе и в ГДР, несколько статей по вопросам логики науки, по философским проблемам кибернетики. С 1958 г. С.Ф. Анисимов — научный сотрудник, доцент, а с 1970 г. — профессор философского факультета МГУ.

Защитив докторскую диссертацию — «Христианская мораль в свете марксистской этики» (1966) — он участвовал в создании на философском факультете первой и единственной тогда в стране кафедры этики. Сергей Федорович с благодарностью вспоминает имена ученых и администраторов, помогавших ему в этот сложный период: декана В.С. Молодцова, ректора А.Н. Несмеянова, И.Г. Петровского, Р.В. Хохлова и других ученых, стоявших во главе университетской науки.

В 1968 г. С.Ф. Анисимов был назначен заведующим созданной им кафедры этики на философском факультете. В качестве первого заведующего он собирал кадры специалистов, разрабатывал программы общих и специальных курсов, учебные и методиче-

ские пособия; организовывал всесоюзные и международные конференции по этике, постоянно сотрудничал с учеными из других университетов своей страны и стран Восточной Европы. К началу 80-х годов XX века кафедра стала ведущим центром преподавания этики в нашей стране.

С.Ф. Анисимов — автор 150 научных работ: монографий, учебно-методических разработок по вопросам теоретической философии, науковедения, философии религии, этики, изданных не только в России, но и за рубежом: на немецком, английском, болгарском, китайском, венгерском, словацком и литовском языках. Успехом пользовались его монографии, посвященные вопросам морали и духовным ценностям, а также учебные пособия: «Этика как философская наука», «Социальная сущность, структура и функции морали», «Методика преподавания этики в высшей школе». В 2001 г. вышло первое в России учебное пособие для изучающих философию — «Введение в аксиологию».

В своих работах ученый развивает концепцию, согласно которой мораль не только форма отражения действительности в сознании, но и фундаментальное свойство всей человеческой жизнедеятельности. «Эта уникальная роль морального сознания, — отмечал он, — плод всей социальной и даже космической эволюции». Исследуя проблемы теории ценностей, ученый утверждает, что феномен ценности можно правильно понять и определить только в границах человеческой жизнедеятельности, в единстве ее объективных и субъективных компонентов.

С.Ф. Анисимов подготовил более 40 кандидатов философских наук, был консультантом при подготовке нескольких докторских диссертаций. Сергею Федоровичу Анисимову присвоено почетное звание заслуженного профессора Московского университета; он действительный член Международной академии наук высшей школы.

Вспоминая прошедшие годы, ученый сказал: «МГУ — мой дом родной. С ним связаны — с небольшим перерывом на войну — 60 лет моей жизни».

БЕЛОВ Павел Тихонович
(19 декабря 1910 г. — 8 октября 1977 г.)

Павел Тихонович Белов родился в трудовой крестьянской семье. Окончив сельскую школу, учился в сельскохозяйственном техникуме, получил специальность агронома и до 1931 г. работал в колхозе, а затем поступил на рабфак Академии им. К.А. Тимирязева в Москве. Жажда знаний и стремление активно участвовать в пропаганде атеизма привели рабфаковца П. Белова в МИФЛИ, который он и закончил с отличием. П.Т. Белов был оставлен в аспирантуре на философском факультете, одновременно он работал преподавателем в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, а с 1939 по 1941 г. — в только что созданной Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

С первых дней Великой Отечественной войны П.Т. Белов добровольцем вступил в ополчение и до конца войны находился на политработе в Красной армии. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию «Социологические воззрения Д.И. Писарева»; с этого времени он ведет педагогическую работу в Академии общественных наук и в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

В 1948–1952 г. П.Т. Белов возглавлял философскую редакцию Госполитиздата; в 1952–1955 г. заведовал сектором диалектического материализма Института философии Академии наук СССР. В течение ряда лет, начиная с основания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, он заведовал в нем кафедрой философии.

В МГУ имени М.В. Ломоносова П.Т. Белов читал курс диалектического материализма; на кафедре истории философии народов СССР — часть курса по отечественной философии — «Философские взгляды российских естествоиспытателей», вел семинарские занятия для студентов, работал с аспирантами. Обладая энциклопедическими знаниями, незаурядной памятью, широкой эрудицией, хорошо знал историю нашего Отечества и историю общественной мысли, любил русскую культуру и прививал эту любовь студентам.

В своих лекциях, знакомя слушателей с процессом духовного развития России, он показывал величие ее культуры и науки. Для Павла Тихоновича, как серьезного, глубоко мыслящего человека, было характерно стремление объективно оценивать мировоззрение каждого ученого, не сводя его к той или иной «линии в философии»; он обращал внимание студентов на сильные, исторически оправданные и ценные не только для философии, но и для науки вообще философские выводы ученых; а общественно-политические течения тесно увязывал с конкретно-историческими условиями жизни общества.

П.Т. Белов побуждал студентов к глубокому изучению предмета: его лекции были насыщены важными теоретическими выводами, обобщениями — здесь четко прослеживается творческая направленность мысли ученого.

Павел Тихонович оставил яркий след в памяти студентов, был одним из самых уважаемых и любимых преподавателей. «Его влияние на студенческую аудиторию было огромно, — вспоминает те незабываемые годы на факультете профессор И.А. Козиков. — Об этом свидетельствует тот факт, что треть студентов нашего курса писала дипломные работы по кафедре русской философии и, главным образом, о философских взглядах отечественных ученых. Многие из его студентов-дипломников стали кандидатами наук, а некоторые защитили и докторские диссертации».

П.Т. Белов много сделал для исследования философских и общественно-политических взглядов российских естествоиспытателей, создав целый ряд научных работ: «Материализм Сеченова» (1949), «И.В. Мичурин как диалектический материалист» (1949), «Основные этапы истории социалистических учений» (1958), а также «Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX века» — именно это исследование и было темой его докторской диссертации (1970). В педагогической деятельности ученого органично сочетались широко эрудированный преподаватель и воспитатель, прививавший студентам чувства патриотизма и гражданственности.

Первая в СССР кафедра научного коммунизма была создана в 1961 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Ее

целью было освоение и преподавание теории научного социализма и научного коммунизма как теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма. Преподавание новой учебной дисциплины потребовало более глубокой разработки истории социалистической мысли. Так возникла необходимость создания в то время еще одной кафедры — истории социалистических учений, которой профессор П.Т. Белов и заведовал с 1970 по 1974 годы. Он внес значительный вклад в разработку важного пласта в истории отечественной науки и общественно-политической мысли, в становление и формирование необходимых курсов по истории социалистической мысли, в методическое обеспечение учебного процесса, в подготовку высококвалифицированных специалистов. Кафедра истории социалистических учений под руководством Павла Тихоновича Белова вписалась в структуру формировавшегося в тот период на философском факультете отделения научного коммунизма.

БОГАТОВ Виталий Васильевич

(18 января 1925 г. — 2 апреля 1997 г.)

Виталий Васильевич Богатов не оставил обстоятельной биографии, поэтому последовательность событий его жизни пришлось восстанавливать по воспоминаниям его дочери Татьяны Витальевны Богатовой и по разрозненным заметкам, сохранившимся в архиве ученого.

Виталий Васильевич Богатов родился в крестьянской семье в селе Виноградово Московской области, где в 1932 г. начались его школьные годы. Учебу продолжил в г. Михайлове (ныне Рязанской области). Его родители переехали туда в связи с назначением отца инспектором волостной РКИ. В Михайловской средней школе юноша вступил в ряды ВЛКСМ, а весной 1941 г. кончил 9-й класс. Потом началась война, и старшеклассников направили в Смоленскую область на строительство укреплений.

В заметках В.В. Богатова, написанных в 1995 г. как бы со стороны — от третьего лица, — подводится итог размышлений о пережитом в те годы: «Вся его жизнь разделена на две неравные половины: до сентября 1945 г. — первые 20 лет жизни, — а после того остальные 50 лет». Что же пришлось испытать ему в первую половину жизни? *«Первый период* — Великая Отечественная война, которую ему пришлось познать в разных ипостасях. В июле 1941 г. — рытье противотанковых рвов между Смоленском и Оршей; ошеломление жестокостью войны; на Соловьевской переправе — сильная бомбежка, потрясение от погибших товарищей, разорванных бомбами», — читаем мы в заметках.

Вернувшись домой в Михайлов осенью 1941 г., Виталий начал учиться в 10-м классе. Приближение фронта вынудило мать с тремя младшими детьми (старший был курсантом Армавирского летного училища) эвакуироваться в г. Ашاپ Пермской области. Там, продолжая учебу в 10-м классе, Виталий одновременно работал в эвакуированном из Москвы интернате для детей Бауманского района столицы.

В результате зимнего наступления наших войск под Москвой в декабре 1941 г. был освобожден и г. Михайлов, и в марте 1942 г. Богатовы прошли — через полстраны — обратный путь. Виталий попал в больницу, — и только полгода спустя смог встать на ноги, буквально заново начал учиться ходить. Вскоре приступил к учебе — снова в 10-й классе. Из школы 18-летний юноша был призван в армию, но последствия болезни оказались столь серьезными, что его признали «нестроевым» и отправили в Отдельный учебный автополк. В июне 1943 г. в числе лучших выпускников его откомандировали в 444-й отдельный дивизион связи резерва Главного командования в качестве шофера пункта сбора донесений. Эта часть в августе 1943 г. была направлена в район Орловско-Курской дуги, затем в состав Западного фронта (впоследствии вошла в III Белорусский фронт), где В. Богатов пробыл до начала июня 1944 г. В середине июня по болезни он был направлен в госпиталь и эвакуирован в г. Баку: там на излечении находился до ноября 1944 г. Полученная контузия привела к тяжелым последствиям — сложной операции. В январе 1945 г. юноша вновь сел за парту, в четвертый раз предприняв попытку окончить среднюю школу, — на этот раз успешно.

Второй период жизни В.В. Богатова начался с осени 1945 г., когда он приступил к учебе на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Почему избрал именно философский факультет — он объяснил в своих «Размышлениях»: «Ему хотелось разобраться в жизни, понять, почему удалось победить в такой тяжелой войне». Он надеялся, что изучение классической философии и политэкономии поможет найти ответ на беспокоящие его вопросы не только внешней, но и внутренней политики страны.

Первый год учебы в университете оказался самым трудным: это и закладка фундаментальных знаний и основательного формирования мировоззрения. Записи, сделанные в 1946 г. первокурсником в своем студенческом дневнике, свидетельствуют о формировании его позиций: «Первый год самостоятельной жизни... перевернул многое в отношении к самой жизни и в понимании ее законов и случайностей. То же можно сказать и про общее развитие — духовное. Это в первую очередь относится к самому глав-

ному — познанию основ учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина... Я, советский человек, нашел в марксистской теории как раз то, что искал, и стал ее последователем. И все же я не принимаю марксизм на веру: изучая теорию, я всегда стараюсь найти ей подтверждение в жизни — как в настоящей, так и в прошедшей, и всегда она (теория), применительно к конкретным условиям, целиком и полностью подтверждалась».

Однако «беспокойство осталось». Что же тревожит студента-первокурсника? Это относится к политике, проводимой правительством в деревне. «Краеугольным камнем российской политики, который так и не нашел своего полного разрешения, был вопрос: “Что нужно для того, чтобы поднять на ноги деревню и сельское хозяйство?”». Он предлагает конкретные меры: «Во-первых, оказать серьезную помощь послевоенной деревне в снабжении самыми необходимыми промтоварами по доступной цене. Во-вторых, усилить культурно-просветительскую работу в деревне, развернуть агитацию и пропаганду за укрепление колхозов и совхозов. В-третьих, реорганизовать машинно-тракторные станции (МТС), которые фактически не обеспечивают проведение сельскохозяйственных работ в соответствии с агротехническими требованиями. Каждый колхоз должен иметь свои тракторы и необходимый инвентарь. Отсюда — отмирание МТС как государственной организации».

Самым злободневным вопросом советской действительности, требующим немедленного разрешения, В.В. Богатов считал стирание граней между городом и деревней. Именно эта проблема «больше всего меня волнует и служит причиной колебаний в осознании правильности политики партии и правительства в деревне».

На втором году аспирантуры (в 1951 г.) В.В. Богатов уже преподавал историю русской философии — сначала почасовиком, а после защиты диссертации «Мировоззрение Н.А. Некрасова» в 1953 г. стал преподавателем кафедры истории философии народов СССР. Молодой кандидат наук много и с удовольствием работал: читал лекции на разных факультетах МГУ, вел семинарские занятия, руководил дипломными и аспирантскими работами. С 1960 г. читал курс истории русской философии уже философом — на ве-

чернем и дневном отделениях. После творческого отпуска (1967–1969) и выхода монографии Виталий Васильевич в 1972 г. защитил докторскую диссертацию («Философия П.Л. Лаврова») и год спустя был избран профессором. В 1972–1983 годах он — заместитель декана философского факультета МГУ по научной работе, в 1983–1985 годах исполнял обязанности заведующего кафедрой истории русской философии.

Читая лекции по истории русской философии для основного потока студентов 3-го курса, В.В. Богатов дополнил программу разработанным им разделом по истории русского теизма XIX века и идеологии «православия, самодержавия, народности». Его первое в СССР методическое пособие по курсу истории русской философии было издано еще в 1956 г.

Виталий Васильевич любил и умел работать с молодежью — студентами и аспирантами. Будучи строгим экзаменатором, умел он и заинтересовать дипломника темой, подсказать, где найти необходимые материалы, как их интерпретировать, а также помочь аспиранту подготовить публикацию, дать совет по содержанию основного текста диссертации. Он был руководителем, неравнодушным к делам своих подопечных. Среди его учеников — десятки дипломников, более 30 кандидатов и 3 доктора наук.

Им опубликовано более 100 научных работ, в том числе «Философия П.Л. Лаврова» (1972), «Основные черты мировоззрения выдающихся представителей движения петрашевцев» (1958), «М.И. Михайлов — мыслитель и революционер» (1959), «Социологические взгляды Н.А. Серно-Соловьевича» (1961), а также статьи в сборниках и журналах, главы в коллективных монографиях.

К наградам, полученным Виталием Васильевичем Богатовым за военные заслуги, а это орден Отечественной войны II степени, медаль «За Победу над Германией», юбилейные медали ко дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и в честь юбилейных дат Вооруженных сил СССР; в 1973 г. профессор был награжден и «мирной» серебряной медалью ВДНХ.

В 1990 г. по состоянию здоровья Виталию Васильевичу пришлось завершить чтение лекций, но он активно занимается с аспирантами, передавая накопленный опыт и знания новому поко-

лению. В «Размышлениях», написанных им в то время, он сам оценивает и подводит итоги своей научной деятельности: «Основные научные интересы связаны с историей отечественной философской и общественной мысли XVIII и XIX веков, главным образом с историей радикальной (революционной) и материалистической мысли, а также с историей теистической мысли России XIX века».

«...И вообще Виталий Васильевич считает, что его жизнь состоялась». В этом весь В.В. Богатов — с его оптимистическим ощущением жизни, с его преданностью университету, науке и Родине.

БОГОМОЛОВ Алексей Сергеевич

(20 августа 1927 г. — 27 февраля 1983 г.)

Алексей Сергеевич Богомолов родился в Москве. В философию пришел из военной авиации — после увольнения в отставку по болезни. В 1955 г. окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, затем аспирантуру. Защитив кандидатскую диссертацию по теме «Теории “творческой” эволюции в современной англо-американской философии» (1958), стал преподавателем кафедры зарубежной философии, где проработал около 25 лет, сочетая педагогическую работу с научно-исследовательской. Он прошел все ступени — от ассистента до ведущего профессора кафедры. С 1964 г. — доктор философских наук. Тема докторской диссертации — «К истории идеи развития в буржуазной философии XIX и XX веков» (1963).

А.С. Богомолов — автор более 200 научных трудов. Он плодотворно сотрудничал в историко-философском секторе Института философии Академии наук СССР; был одним из основных авторов и редакторов учебного пособия «Современная буржуазная философия» (1-е издание — 1972 г., 2-е — 1977 г.), а также книг: «Из истории зарубежной философии XIX–XX веков» (1967); «Историко-философский сборник» (1968); «История философии и современность» (1976); «Современная философия и религия» (1977); «Кант и кантианцы» (1978); «Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ» (1978).

А.С. Богомолов участвовал в написании статей для «Философской энциклопедии» и «Философского энциклопедического словаря» (во 2-м издании — 1989 г.): *Баденская школа, Идеографический метод, Кантианство, Критический реализм, Неореализм, Эмерджентная революция* и др. Необычайно широк круг его научных интересов. Он переводил на русский язык произведения Т. Гоббса, Дж. Локка, Т. Карлейля, Т. Пейна, Р.В. Селларса, Г. Лотце, А. Тренделербурга, Р.У. Эммерсона и др.

Перу А.С. Богомолова принадлежит первый в нашей литературе подробный критический анализ теории познания, онтологии и

метафизики английской и американской буржуазной философии, а также немецкой философии второй половины XIX — первой половины XX столетий. Стиль научной работы профессора — детальное изучение источников — не только основных, но даже второстепенных работ. В работах А.С. Богомолова по истории античной философии его исследования античной диалектики имеют отношение к современной концепции диалектики и, прежде всего, к концепции противоречия и его разрешения.

В течение ряда лет А.С. Богомолов был заместителем главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия “Философия”», членом редколлегии журнала «Вопросы философии», научным консультантом журнала «Философские науки». В журнале «Вопросы философии» опубликованы разработки ученого, связанные с вопросами теории познания: «Диалектика и рациональность» (№ 7 за 1978 г.); «Наука и иные формы рациональности» (№ 4 за 1979 г.); «Наука логики» Гегеля и современные проблемы диалектики» (№ 2 за 1981 г.); «Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита» (№ 3 за 1982 г.); «Проблема абстрактного и конкретного: от Канта к Гегелю» (№ 7 за 1982 г.); «“Быть и иметь”: эллинизм и современность» (№ 6 за 1984 г.) и др.

Разработанная ученым тема о предмете, функциях и тенденциях развития философии как формы общественного сознания вошла в «Историко-философский ежегодник — 1986» (М., 1986).

Алексей Сергеевич был замечательным педагогом. Его лекции на философском, психологическом и других факультетах МГУ, его спецкурсы и спецсеминары пользовались неизменным успехом у слушателей. Он преподавал также в Институте повышения квалификации при МГУ, в других университетах страны и за рубежом.

Отличное знание мировой философии и ее истории обеспечило ему высокий авторитет в мировом философском сообществе. В немалой степени это качество помогло ему собрать отличную философскую библиотеку из книг, многие из которых в то время в нашей стране было трудно обнаружить даже в специальных хранилищах государственных библиотек: его зарубежные коллеги непременно дарили ему собственные сочинения, а из своих многочисленных поездок за рубеж он неизменно возвращался с со-

лидным багажом книг. На книги тратил он и гонорары, которые получал за свои многочисленные публикации в Союзе и за рубежом. Его квартира, с такой библиотекой и хозяином, всегда готова помочь собратьям по профессии, стала центром, где регулярно собирались его молодые коллеги, аспиранты и студенты; здесь образовалась подлинная историко-философская школа. Библиотека А.С. Богомолова вошла в фонд Московской библиотеки русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

Богомолов никоим образом не был узким специалистом в сфере современной англоязычной философии, хотя знал ее досконально: его труды отличает широчайший социокультурный контекст, а также великолепное знание истории предмета. Последние годы жизни он был занят проблематикой закономерностей исторического развития мировой философской мысли; результатом было опубликование нескольких статей и двух книг по античной философии и теории историко-философского процесса. Внезапная кончина (диабетическая кома во время лекции) не позволила ему осуществить этот исследовательский проект.

ВОЙШВИЛЛО Евгений Казимирович

(14 (27) сентября 1913 г. — 18 декабря 2008 г.)

Евгений Казимирович Войшвилло родился во Владивостоке в семье профессионального революционера. После смерти отца в 1922 г. сестры Евгения Казимировича называли своего старшего брата «надежной защитой и опорой».

В 1934 г. Е.К. Войшвилло закончил Пермский металлургический техникум по специальности «сталеварение». Уже в то время проявились его незаурядные способности и характер «неформального лидера». В техникуме практиковался «бригадный метод обучения»: экзамены и зачеты сдавал «бригадир группы», остальные студенты получали такие же оценки. В его «бригаду» стремились все студенты: «отлично» по всем предметам было гарантировано.

По существовавшему в то время положению 5% выпускников техникумов имели право сразу поступать в институт. Е.К. Войшвилло попал в эти «счастливые проценты», и для продолжения своего образования он выбрал физико-математический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Там он познакомился со своей будущей супругой — Зоей Матвеевой Аристовой, ставшей на долгие годы его преданным другом и неизменным помощником. Когда в 1986 г. Евгений Казимирович практически потерял зрение, Зоя Матвеевна под его диктовку писала статьи, тексты лекций, доклады для научных форумов.

Е.К. Войшвилло закончил Университет в 1939 г. и был рекомендован в аспирантуру. Тогда он работал ассистентом в Казанском финансово-экономическом институте, но вместо подготовки к экзаменам в аспирантуру ему пришлось встать на защиту двух преподавателей Казанского университета, несправедливо исключенных из партии. Последствия его поступка не замедлили сказаться: рекомендацию в аспирантуру заменили направлением на работу в Хабаровск. Там он преподавал математику в средней школе, вскоре стал ее директором. В феврале 1941 г. вступил в ряды Коммунистической партии.

Великая Отечественная война застала Е.К. Войшвилло в Хабаровске; там его в 1943 г. призвали в армию в звании младшего сержанта. Боевую службу проходил в должности командира 126-й отдельной стрелковой роты в частях Второго Дальневосточного фронта. День победы сержант встретил в Комсомольске-на-Амуре. После демобилизации в октябре 1945 г. он уехал в Пермь, к своим родным.

Фундаментальное математическое образование, а также интерес к общественным наукам сыграли решающую роль в выборе дальнейшего пути. Е.К. Войшвилло едет в Москву и становится слушателем Всесоюзных курсов по подготовке преподавателей логики, затем аспирантом Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

После защиты кандидатской диссертации по теме «Критика “логики отношений” как релятивистского направления в логике» в 1949 г. он стал преподавателем кафедры логики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Защита докторской диссертации состоялась в 1968 г. по теме «Понятие как форма мышления». С 1969 г. он — доктор философских наук, свыше 50 лет — профессор кафедры логики.

Научную и педагогическую деятельность Е.К. Войшвилло всегда сочетал с большой организационной работой. В течение многих лет был членом совета по защите диссертаций по специальности «Логика» в Московском университете и в Институте философии РАН. К характеристике его как личности в полной мере применимы определения «бескомпромиссный характер», «негибкое упорство», «несокрушимая воля», «кристальная честность». Ничего не бояться, стремиться к победе, идти своим путем — этим принципам Евгений Казимирович следовал всю жизнь.

Е.К. Войшвилло внес неоценимый вклад в становление кафедры логики, в определение перспектив ее научных исследований, в разработку общего курса логики для студентов-философов, отвечающего требованиям современной науки, в создание уникальной системы подготовки высокопрофессиональных специалистов в области логики. Среди учеников профессора — 6 докторов и более 20 кандидатов философских наук, в том числе многие известные зарубежные ученые.

Евгений Казимирович Войшвилло является признанным во всем мире авторитетом в области релевантной логики — одного из

наиболее актуальных направлений современной логической науки. С использованием арсенала средств и методов символической логики им создан современный вариант теории понятия. В работах Е.К. Войшвилло представлено наиболее систематическое в отечественной литературе исследование понятия как формы мышления и познавательной деятельности; уточняется понятие смысла имен, выясняется логическая природа универсалий.

Различается основное и полное содержание понятия и на базе этого выясняются основные закономерности развития понятий; уточняются понятие сущности и понятие информации и т. д. Ученый детально исследует многие философские вопросы логики, логики научного познания, применения логики к философии. Значителен вклад Е.К. Войшвилло и в разработку других разделов логики и методологии науки — модальной логики, логической семиотики, алгебры логики, силлогистики, логики научного познания.

Им опубликовано 4 монографии, 5 учебников и учебных пособий, более 100 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях. Фундаментальный труд «Понятие» стал классикой мировой логической мысли XX столетия. За научную разработку «Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ» Е.К. Войшвилло удостоен премии имени М.В. Ломоносова I степени. Стал победителем в конкурсе на лучшую монографию (в соавт.), посвященную 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ.

За многолетнюю безупречную работу Евгений Казимирович Войшвилло награжден медалью «Ветеран труда», имеет почетное звание заслуженного профессора Московского университета; он действительный член Академии гуманитарных наук.

Указом Президиума Верховного Совета был награжден орденом Отечественной войны II степени, «Медалью Жукова», юбилейными медалями, в том числе «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Ему вручены нагрудные знаки «Фронтовик 1941–1945 годов» и «Ветеран войны 1941–1945 гг.»

Евгения Казимировича Войшвилло, по утверждению его родных, можно отнести к категории тех людей, которых американцы называют «self-made man» (человек, добившийся успеха своими собственными силами).

ДЕМИН Михаил Васильевич
(4 ноября 1923 г. — 9 февраля 2007 г.)

Михаил Васильевич Демин родился в поселке Любимовка Лукояновского района Нижегородской области — в удивительном по красоте уголке России, который называли «малой Швейцарией».

Учиться юноше пришлось в разных школах Нижегородской области. Лукояновскую среднюю школу закончил 15 июня 1941 г., а через неделю началась Великая Отечественная война. Желание недавних школьников идти добровольцами на фронт военкомат не одобрил, и в армию их призвали только осенью. Десятиклассников направили в Ленинградское артиллерийское училище — по тем временам учебное заведение «повышенного типа», куда принимали не только со средним, но и с высшим образованием: готовили квалифицированные кадры для армии. Как вспоминает Михаил Васильевич, «учеба и служба были напряженными — на пределе сил». Из выпускников училища, сдавших экзамены с оценкой «отлично», была создана отдельная группа в 25 человек, будущих командиров артиллерийских батарей, в их числе М.В. Демин.

В воинской части, сформированной в Гороховецких лагерях под Нижним Новгородом для отправки на фронт, командир батареи М.В. Демин оказался самым молодым: в свои 19 лет он командовал «стариками», которым было уже за 50. Его батарею направили на Северо-Западный фронт, где в 1942–1943 годах велись интенсивные бои, причем в исключительно сложных природных условиях: «Местность оказалась болотистая, и невозможно было врыться в землю, выкопать окопы, построить землянки. Боевые действия развивались неудачно, несмотря на свой размах и масштабность, и войска несли огромные потери в людской силе и технике». Таких потерь, вспоминает М.В. Демин, «не довелось видеть даже во все последующие годы войны».

С участка фронта, находившегося около Старой Руссы (где Достоевский писал свой роман «Братья Карамазовы»), артиллерийскую бригаду отвели на отдых в Тульскую область, а после пере-

формирования бригаду включили в состав Третьей армии, которой командовал генерал А.В. Горбатов. Третья армия воевала на Брянском фронте и участвовала в Курско-Орловской операции, окончательно обозначившей перелом в войне в пользу Красной армии. Бои показали превосходство современной стратегии и тактики: противник начал отступать.

В начале августа 1943 г. был взят Орел, вскоре освободили Брянск и многие города северо-западной части страны. М.В. Демин получил звание старшего лейтенанта, а за участие в боях на Курской дуге его наградили орденом Александра Невского, чуть позже — орденом Красной Звезды. В звании капитана весной 1944 г. он был назначен начальником штаба 1-го дивизиона, которым командовал М.М. Чужан, опытный, умный и распорядительный командир.

Летом 1944 г. началась самая крупная по размаху и самая блестящая по своей скоротечности и результатам операция по освобождению Белоруссии. Под Минском Михаил Васильевич Демин был ранен и отправлен в госпиталь. После неполного выздоровления он вернулся на фронт, в свою артиллерийскую бригаду, находившуюся в то время уже в Польше. За бои в Восточной Пруссии капитану вручили ордена Отечественной войны I и II степени и медаль «За взятие Кенигсберга».

Михаил Васильевич делится впечатлениями о первом знакомстве с Германией: «Вот она, немецкая земля! Здесь все казалось удивительным: прочные и красивые каменные дома, мощные крепкие дороги, обилие скота в сельской местности — поразительный контраст с деревянной, бездорожной, скудной и нищей Россией в довоенное и тем более в военное время».

В апреле 1945 г. Третья армия генерала Горбатова получила приказ передислоцироваться на реку Одер, на Франкфуртский плацдарм, в состав Первого Белорусского фронта. Вскоре началось наступление на Берлин. В тяжелых, кровопролитных боях столица Германии была окружена и окончательно взята 2 мая 1945 г. На стенах рейхстага возле Бранденбургских ворот оставил свою подпись и М.В. Демин.

Однако война еще продолжалась. Третья армия двинулась от Берлина на Запад, в сторону Эльбы, и о капитуляции Германии и

конце войны бойцы узнали 9 мая 1945 г. в городе Цезар. Радости, разумеется, не было границ! Многих поздравляли с наградами; М.В. Демину присвоили воинское звание майора и вручили медаль «За взятие Берлина».

С 1945 г. несколько последующих лет Михаил Васильевич продолжал служить в Германии в составе оккупационных войск, демобилизовавшись в звании полковника только в 1958 г. «Романтика войны, ее страшные трудности и катастрофы закончились, началась проза послевоенной жизни, но возникали новые задачи, новые проблемы и необходимость их решения, — вспоминает Михаил Васильевич. — И главная, насущная задача — продолжить образование». Будучи в армии, он закончил в 1953 г. Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (ныне — Военный гуманитарный университет). Специализировался по кафедре философии, затем преподавал в Вечернем университете. В 1959 г. поступил в очную аспирантуру философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. После защиты кандидатской диссертации с 1963 г. работал на кафедре исторического материализма, где прошел последовательные ступени — ассистента, старшего преподавателя, доцента и профессора (1978). В докторской диссертации — «Личность как предмет социально-философского анализа» — ученый исследует проблемы личности, человеческой деятельности, общественного и индивидуального сознания, философии истории, а также проблемы биологического и социального в человеке.

М.В. Демин читал лекции по общему курсу философии и специальным курсам: «Личность в системе общественных отношений», «Деятельность и проблемы ее детерминации», «Категория сознания в системе понятий философии». Профессор был научным руководителем 50 дипломных работ студентов, консультировал 35 аспирантов и двух докторов наук.

Около 40 лет Михаил Васильевич Демин состоял членом ученых советов по философии в Московском университете, из них 10 лет был председателем Ученого совета философского факультета; редактировал сборники статей: «Социологические проблемы личности» (1967), «Актуальные проблемы развития исторического материализма» (1974), «Исторический материализм и анализ со-

циальных явлений» (1977), «Личность в социалистическом обществе» (1988).

С 1962 г. М.В. Демин опубликовал лично и в соавторстве около 80 научных статей и монографий по проблемам социальной философии. В 2005 г. была рекомендована к публикации его монография «Основные фазы истории (развитие общества как ступени прогресса)».

Михаил Васильевич вспоминал: «Работать в МГУ в высшей степени интересно. Я рад, что судьба предоставила мне возможность трудиться с предельным увлечением и удовольствием».

ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович

(29 октября 1922 г. — 10 мая 2006 г.)

А.А. Зиновьева можно отнести к тем ученым, для которых, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, «философия — синоним возвышенного творческого героизма». Добавим: и не только философия! Он был логик, социолог, поэт, художник и писатель — создатель новых литературно-художественных жанров.

Александр Александрович Зиновьев родился в селе Пахтино Чухломского района Костромской области. Там же, в глухой деревне, окончил четырехлетку, а в 1933 г. по настоянию школьного учителя его отправили в Москву, куда на заработки уехали из деревни отец и старший брат. В московской школе был «захвачен той системой ценностей, которую нам стремились привить, — вспоминает А. Зиновьев. — Я стал идеальным коммунистом». Но ко времени окончания средней школы «идеальный коммунист взбунтовался против реальности советского общества, против реального коммунизма». Он вступил в группу учащихся, которые считали, что строительство новой жизни идет «с отступлением от настоящего коммунизма», и вину возлагали на Сталина. В 1939 г. поступил в Московский институт истории, философии и литературы, но в том же году за выступление против Сталина был исключен из комсомола и МИФЛИ.

Начало Великой Отечественной войны юноша встретил на Украине уже в рядах Красной армии, куда был призван еще в 1940 г. Щербаковским военкоматом. Ему довелось участвовать в военных действиях в составе 98-го кавалерийского и 29-го танкового полков; при обороне г. Орши получил ранение. В Орше стал курсантом авиационной школы; в течение полугода учился в 14-й авиационной школе пилотов в г. Богородске, затем в г. Ульяновске. В 1943 г. участвовал в Сталинградской операции. Звание младшего лейтенанта молодому летчику 110-го Гвардейского авиационного штурмового полка присвоили в 1944 г. — к этому времени он совершил уже 31 боевой вылет.

С выработкой новой стратегии ведения войны произошел, как определяет это время А.А. Зиновьев, «коренной интеллектуальный перелом: возросла роль штабов, которые укомплектовывались молодыми, с хорошим образованием командирами». В оценке прошлого следует отметить объективность А.А. Зиновьева. Каким бы ни было ранее его отношение к сталинскому режиму, он утверждает, что «по уровню наш Генштаб во главе со Сталиным был на порядок выше не только немецкого, но и Генштаба любого государства, участвовавшего во Второй мировой войне, а в Тегеранской конференции Сталин уже завоевал себе место ключевой фигуры в мировой политике». Для А.А. Зиновьева Сталин — «один из величайших людей в истории человечества... До смерти Сталина я был антисталинистом, но всегда считал его гениальной личностью, потому что он создал великую супердержаву — Советский Союз, который одержал потрясающую победу».

И у Александра Александровича вызывает немалое удивление тот факт, что теперь даже в знаменательные дни Великой Победы некоторые политики «забывают» упоминать имя Верховного Главнокомандующего.

1947–1951-е годы — это счастливые годы учебы А. Зиновьева на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. После окончания аспирантуры в 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Логика Капитала» К. Маркса»; а защита докторской — «Философские проблемы многозначной логики» — состоялась в 1963 г. С 1955 по 1976 годы он — сотрудник Института философии АН СССР; по совместительству (1963–1969) профессор кафедры логики философского факультета МГУ, с 1965 по 1967 годы — ее заведующий. В эти годы труды А.А. Зиновьева по логике, методологии науки, социологии и политологии издавались не только в России: значительная их часть выходила за рубежом в переводе на европейские и восточные языки.

Мировую известность А.А. Зиновьев приобрел своими исследованиями по многозначной и классической логике. основополагающий принцип его теоретических построений — применение средств логики к анализу фундаментальных понятий физики — *логической физики*. (См. его научные труды: «Логика и методология

науки: Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логическая физика» (1974) и др.)

А.А. Зиновьев заложил основы логического анализа языка и методов социологии — *логической социологии*, а также научной теории социальной организации современных стран Запада. В книге «На пути к сверхобществу» (2006) автор установил факт эволюционного перелома в истории человечества во второй половине XX века, охарактеризовав это явление как «переход от эпохи обществ к эпохе сверхобществ», а начавшийся процесс глобализации назвал «новой мировой войной», чему посвящены его работы «Запад» (1995) и «Глобальный человек» (1997). Кроме того, ученый «детальнейшим образом» исследовал сущность, причины и последствия социальных перемен в Советском Союзе в 1985–1995 годы, подвергнув критике социальную организацию постсоветской России, которая, по его твердому убеждению, «живет под неусыпным контролем западного сверхобщества во главе США». «По степени краха и низости падения никакую другую эпоху нельзя сопоставить с крахом советской социальной системы». Трагические события тех лет оправдать невозможно: «Русские позорно сдали все высшие завоевания своей истории». Свою позицию он изложил в книгах «Катастрожка» (1998), «Горбачевизм» (1998), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994), подвергнув нелепым критике тех, кто в угоду западному миру «громил свою собственную страну, обрекая ее народ на деградацию и вымирание».

Не по своей воле он в 1978 г. покинул СССР: его литературно-публицистические произведения, выходявшие за рубежом, вызвали негативную реакцию правительства, начиная с первой и самой знаменитой книги «Зияющие высоты», изданной в швейцарском издательстве в 1976 г.

Жизнь А.А. Зиновьева за границей была наполнена неустанным трудом: он читал лекции в университетах Европы, США, Латинской Америки; выступал по радио и телевидению. В эти годы им написано более 30 книг, неоднократно переиздававшихся во многих странах и получавших престижные премии Запада. Европейские премии ему присуждают за лучшее эссе (1978), за лучший

научно-фантастический роман (1980); премию Медичи — за лучший зарубежный роман (1979).

Многие академии избрали А.А. Зиновьева своим членом: Академия наук Финляндии, Римская академия наук, Баварская академия изящных искусств, Международная академия наук Евразии; он — вице-президент Академии российской словесности; почетный гражданин Авиньона, Оранжа, Равенны, Костромы (посмертно).

Вынужденная эмиграция А.А. Зиновьева закончилась в 1999 г.: после официального извинения со стороны правительства он был восстановлен в гражданстве России. Ему вернули прежние должности, звания и награды, перечень которых указан в Справке о службе в Советской армии, полученной по запросу из Мюнхена 29 июня 1998 г.: орден Красной Звезды, медали «За штурм Берлина», «За освобождение Праги», «За Победу», и — Почетное оружие. Ученый возвратился в Московский университет, на философский факультет, стал профессором кафедры этики философского факультета МГУ. По возвращении на родину был создан Исследовательский центр А.А. Зиновьева в Московской гуманитарной академии (ныне: Московский гуманитарный университет). Он возглавил Исследовательский центр при Московской гуманитарно-социальной академии, работал профессором на Высших литературных курсах Литературного института им. М. Горького.

А.А. Зиновьев — автор более 300 публикаций в различных жанрах: он логик, социолог, писатель, поэт, драматург, художник, философ. Внутреннюю системность своего творчества он раскрыл в итоговой книге «Фактор понимания», над которой работал до 3 мая 2006 г. — вплоть до своей кончины.

Александр Александрович Зиновьев самой главной наградой — «За служение истине» — считал присужденную ему «Звезду Московского университета».

ИЛЬЕНКОВ Эвальд Васильевич

(18 февраля 1924 г. — 21 марта 1979 г.)

«Философ на все времена» — так лаконично и ёмко назвал Э.В. Ильенкова писатель Анатолий Петрович Проскурин, отметив самое главное в духовной жизни ученого. И это справедливо, ибо в философии Ильенкова заложена непреходящая нравственно-гуманистическая ориентация теории и присущая любой философской мысли независимость исследования, бескорыстное стремление к истине и открытость всей мировой культуре, без которой невозможно развитие цивилизованного общества.

Эвальд Васильевич Ильенков родился в Смоленске, а рос под крышей писательского дома в Москве, куда в 1931 г. переехал его отец Василий Павлович Ильенков, известный в то время нашумевшими романами «Ведущая ось», «Солнечный город», «Большая дорога»; лауреат Государственной премии СССР (1950). Эвальд уже с детства прошел школу ума и чувств мировой художественной культуры. Его неудержимо влекла к себе музыка, открывавшая огромный мир душевных переживаний, человеческих дерзаний, страданий, восхождения к истине и добру. В его дневнике появляется запись: «Музыка пробудила стремление проявить себя, выявить свои возможности. Меня увлекал мир человеческой мысли, сознания». Философия и музыка, наука и искусство, мышление в понятиях и мышление в образах, их диалектическое взаимодействие в процессе духовного и практического освоения мира стали позже одной из ключевых тем в наследии Ильенкова, определили своеобразие его философского творчества.

В 1941 г. он поступил в МИФЛИ, где с восхищением изучает Платона и Аристотеля. Вместе с институтом он выехал в начале ноября 1942 г. в Ашхабад. Но учиться в МИФЛИ пришлось недолго. Ускоренный курс артиллерийского училища — и с 1943 г. 19-летний студент становится участником Великой Отечественной войны. О боевом пути командира орудия Э. Ильенкова известно немного. Сам он не любил об этом рассказывать, а его послужной список

похож на такие же списки сотен тысяч лейтенантов, попавших на войну прямо со школьной скамьи. И только его жена, Салымова Кадрия-Ольга Исмаиловна, тоже фронтовичка, знала, что артиллерийский расчет Ильенкова «первым вошел в Берлин и первый выстрел принадлежал ему»; участвовал он и в штурме рейхстага. Военные заслуги артиллерийского командира отмечены орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Войну старший лейтенант Ильенков закончил в Берлине. По возвращении домой работал в редакции «Красной звезды». Далее — учеба на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирантура. Уже в аспирантские годы он преподает на философском факультете. Кандидатская диссертация выполнена по теме «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”» (1953). Страна тогда выбиралась из руин, философия же, как писал в журнале «Коммунист» в 1989 г. И.Т. Фролов, «лежала в развалинах». Новое мироощущение, накопленное Э. Ильенковым и другими освободителями Европы в военные и послевоенные годы, обрело в дальнейшем идейно-теоретическое, философское выражение, став своеобразным «капиталом» мысли, обобщением глубинных общественных процессов.

Первая публикация его статьи «О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании» в первом номере журнала «Вопросы философии» за 1955 г., произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Рассказывают, что когда в Москву на XX съезд КПСС прибыла делегация Итальянской компартии, Пальмиро Тольятти еще в аэропорту на вопрос о пожеланиях по программе пребывания ответил, что хотел бы встретиться с автором этой статьи. Может быть, это всего лишь легенда? Во всяком случае, именно с этой статьи началось возрождение марксистской философской проблематики в ее действительной, а не декларативной связи с жизнью.

Несмотря на возражения ортодоксальных противников концепции Э.В. Ильенкова, книга в 1960 г. была издана, правда, в сокращенном варианте и под заголовком «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса», а в более полном объеме вышла через год сначала на итальянском языке в издательстве Feltri-

nelli, затем последовали французское, мексиканское, японское, финское, югославское и другие издания — в Канаде, Великобритании, Германии, Греции.

Труды Э.В. Ильенкова, посвященные проблеме создания теории материалистической диалектики как логики, способствовали выдвижению современной марксистской философской мысли на более высокий теоретический уровень. «Абстрактное» и «конкретное» ученый называет универсальными философскими категориями, так как они выражают всеобщие формы развития природы, общества и мышления. «Абстрактное» не просто умозрительное понятие — это один из моментов процесса познания; «конкретное» же философ определяет, следуя диалектической традиции, как единство в многообразии вообще, — в противовес обыденному. Взаимодействие абстрактного и конкретного — это и есть основной закон теоретического отражения действительности в сознании человека. Переход абстрактного к конкретному, по Ильенкову, — типичный случай диалектического единства противоположностей, универсальный метод научного мышления, всеобщий способ развития понятий.

За исследование актуальных проблем теории познания диалектического материализма Э.В. Ильенкову присуждают академическую премию имени Н.Г. Чернышевского (1965).

В течение нескольких лет Э.В. Ильенков участвует в качестве переводчика в издании трудов Фихте, Гегеля, Маркса. Он был научным редактором при подготовке пятитомного издания «Философской энциклопедии», которая выходила в течение 10 лет (1960–1970).

Вся последующая жизнь Э.В. Ильенкова связана с Институтом философии АН СССР; там же в 1968 г. состоялась защита докторской диссертации «К вопросу о природе мышления».

По мнению Э.В. Ильенкова, разработка философских категорий — не самоцель: важен окончательный результат всей работы в области философской диалектики — решение конкретных проблем конкретных наук. Но достигнуть этого философия в одиночку не может: здесь важен союз, деловое сотрудничество философии и естествознания, философии и социально-исторических наук. При этом ученый решительно выступал против сведения философского знания как сложного феномена к более простому

знанию, получаемому в рамках частных наук. И чтобы диалектика стала «полноправной сотрудницей конкретно-научного знания», необходимо, по мнению исследователя, построить систему материалистической диалектики как логики и теории познания.

Научные труды Э.В. Ильенкова — отражение многообразия его идей. Для «Философской энциклопедии» он пишет статьи «Идеальное» и «Количество» (1962 г., том 2); в журнале «Вопросы философии» появляются статьи «Психика и мозг» (№ 11 за 1968 г.), «Гегель и герменевтика (Проблема отношения языка и мышления в концепции Гегеля)» (№ 8 за 1974 г.); в сборниках: «Об эстетической природе фантазии» (в сб.: Вопросы эстетики. Вып. 6. М., 1964); «Гуманизм и наука» (в сб.: Наука и нравственность. М., 1971); «Проблема противоречия в логике» (в сб.: Диалектическое противоречие. М., 1979).

Отдельные издания философа, публиковавшиеся еще в 60–70-е годы XX века, переиздаются в наши дни: в Москве вышли книги Э.В. Ильенкова «Философия и культура», «Личность и творчество», «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании»; в Киеве — «Об идолах и идеалах». В обществе вновь возник спрос на литературу, в которой популярно и вместе с тем на высоком научно-теоретическом уровне раскрывается сущность таких понятий, как «идеология», «человек», «мышление», «идеал».

...Вот уже 30 лет, как Эвальд Васильевич ушел из жизни. Но каждый год 18 февраля — в день его рождения — в Москве, Санкт-Петербурге, Берлине и в других городах многих стран собираются его ученики и единомышленники, чтобы принять участие в обсуждении книг и поднятых русским мыслителем философских проблем, которые приобрели особую остроту в современных условиях. Эти конференции завершаются публикациями сборников. Так, «Сборник аналитических статей об Э.В. Ильенкове», изданный Институтом философии РАН в 2008 г., вышел с приложением трудов ученого и перечнем 154 работ о нем, опубликованных в 1991–2004 гг.

...А на Новодевичьем кладбище Москвы стоит в глубокой задумчивости бронзовый Ильенков. Проект надгробного памятника был создан друзьями и учениками философа, вылеплен молодым провинциальным скульптором и отлит в бронзе в простой заводской литейке.

Это ли не пример восхождения к конкретному?

КОВАЛЕВ Александр Митрофанович

(22 мая 1923 г. — 23 декабря 2010 г.)

Александр Митрофанович Ковалев родился 22 мая 1923 года в белорусском местечке Милославичи Климовского района Могилевской области в крестьянской семье. Милославичскую среднюю школу закончил с Похвальной грамотой — это давало право без экзаменов поступить в вуз, и в 1940 г. юноша стал студентом философского факультета МИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского. 22 июня 1941 г., узнав о начале войны, первокурсники в полном составе подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Военкомат направил всех под Ельню копать противотанковые рвы, и только в октябре 1941 г. студентов зачислили в Подольское военно-пехотное училище, а дальнейшую службу и учебу курсанты продолжили в г. Иваново.

Через 6 месяцев, в июне 1942 г., в звании лейтенанта А.М. Ковалева назначили на должность командира взвода 299-й стрелковой дивизии, формирувавшейся в городе Коврове. Спустя две недели после прибытия в дивизию бойцы получили приказ об участии в маневрах, но вместо маневров и дивизия, и взвод лейтенанта Ковалева оказались под Камышином, — на станции Лапшинской, в двухстах километрах севернее Сталинграда, где в то время начались тяжелые бои. К Сталинграду шли ночами, и в пути предстало незабываемое грозное зрелище: «Мы увидели, — вспоминает Александр Митрофанович, — рвущийся из земли огромный костер; столбы красного и бурого дыма поднимались до самых облаков. Это пылал Сталинград, на который были сброшены немецкие бомбы».

Уже в августе 1942 г. А.М. Ковалеву пришлось участвовать в тяжелых кровопролитных боях под Сталинградом. Советские войска заставили противника ослабить атаки на город. В течение нескольких месяцев бойцы держали оборону, затем началась ликвидация немецкой группировки, насчитывавшей около 330 тысяч человек.

299-я стрелковая дивизия, в которой воевал А.М. Ковалев, вела тяжелейшие бои и на Курской дуге в июле 1943 г., затем под Харьковом (дивизии присвоили звание Харьковской). Шли с боями и

по Украине, превращенной гитлеровцами в выжженную, обезлюдевшую пустыню: немцы всех угоняли за Днепр. Однажды бойцам удалось отбить около 80 тысяч мирных жителей с детьми — они потом вернулись в родные места. Особенно тяжело пришлось при форсировании Днепра и в боях на днепровском плацдарме юго-западнее Кременчуга — примерно два километра по фронту и полтора в глубину. Тогда в течение суток приходилось отбивать 7–8 немецких атак. А таких суток было более 50. А после Днепра были Молдавия, Румыния, Югославия, Венгрия, Болгария — и бесконечные бои... Запомнились встречи нашей армии с народами Болгарии и Югославии. В населенных пунктах люди тепло приветствовали бойцов нашей армии, скандировали «Сталин — Тито!».

Сообщение о капитуляции Германии 8 мая 1945 г. застало А.М. Ковалева в Австрии, однако бойцам было приказано атаковать еще не сдавшуюся в плен группировку немцев; к счастью, сражение не состоялось: немцы ушли сдаваться американцам. Другой немецкий батальон, который сдался со всем вооружением, А.М. Ковалев сам привел в расположение советских войск, стоявших под Веной.

Только после капитуляции Японии А.М. Ковалев демобилизовался в мае 1946 г. в звании старшего лейтенанта. В том же году он восстановился на философском факультете Московского университета. Сдав экзамены экстерном за второй курс, начал учебу на третьем. Увлеченность учебой и общественной работой среди вернувшихся с войны была удивительной: это было искреннее желание активного участия в завоеванной ими мирной жизни!

Студенты с интересом слушали лекции авторитетных ученых того времени: высококвалифицированных специалистов по истории философии В.Ф. Асмуса, О.В. Трахтенберга и М.А. Дынника; лекции логиков П.С. Попова и С.А. Яновской; психологов С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

На философском факультете наряду с учебой А.М. Ковалев активно занимался общественной работой: заведовал агитпунктом, затем был избран зам. секретаря партбюро философского факультета, а в конце 1948 г. его избрали секретарем партийного бюро факультета, на котором было 176 коммунистов, в том числе много профессоров, доцентов и ассистентов. Через два года А.М. Ковале-

ва избрали заместителем секретаря парткома Московского университета по идеологии. С 1952 г., после защиты кандидатской диссертации по теме «Ленинско-сталинская теория социалистической революции и ее значение для борьбы народных масс за демократию и социализм», А.М. Ковалев стал ассистентом кафедры исторического материализма, читал лекции и вел семинарские занятия.

После окончания работы в парткоме МГУ А.М. Ковалев активно занялся научной работой. В 1961 г. была создана им на философском факультете первая в стране кафедра научного коммунизма, а года через два и в других вузах страны появились кафедры научного коммунизма. Создание самостоятельной отрасли науки означало тогда попытку преодолеть хотя бы частично тот догматизм и начетничество, которые царили в общественных науках. За книгу, ставшую основой докторской диссертации «Ленинская теория социалистической революции и современность» (1963), А.М. Ковалев получил Ломоносовскую премию.

По предложению ЦК КПСС в 1965 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук А.М. Ковалев выступил с результатами разработки теоретических проблем научного коммунизма и методикой преподавания новой дисциплины. По инициативе ученого на философском факультете было открыто отделение научного коммунизма, которое Александр Митрофанович возглавлял до 1991 г. Долгие годы он был главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия 12. Теория научного коммунизма», который потом получил название «Социально-политические исследования».

В настоящее время внимание ученого привлекают методологические проблемы современной философской науки. Подвергая глубокому анализу закономерности общественного развития, А.М. Ковалев делает вывод: социальные, демографические и экологические процессы необходимо рассматривать в неразрывном единстве, что важно не только для понимания главной роли человека в поступательном развитии общества, но и в решении глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество.

Профессор выдвигает концепцию способа производства общественной жизни, включающего в себя способ производства как

материальных благ, так и способ духовного производства и производства собственной жизни, а также отношения общества с природой. Исследования проблем общественного развития нашли отражение в монографиях «Общество и законы его развития» (1975) и «Человек — продукт среды и основа социума» (2000).

В научных трудах последних лет ученый делал попытку рассмотреть проблемы развития общества будущего, показать способы воплощения мечты человечества о социально-справедливом обществе. Целью всех преобразований в обществе, прежде всего, становится забота о человеке как основе социальной жизни. Ученый рассматривает особенности современной цивилизации, судьбы и перспективы России. Он формулирует также и законы политики, характеризуя ее как своеобразную стратегию, присущую всем формам человеческой деятельности.

Мировоззренческая позиция А.М. Ковалева, разработанные им концепции, сформулированные законы нашли отражение в более чем 300 научных трудах. Среди них десятки монографий и учебных пособий, в том числе: «Общество и законы его развития» (1975), «Диалектика способа производства общественной жизни» (1982), «Социализм и закономерности общественного развития» (1982), «Что же такое социализм?» (1991), «Целостность и многообразие мира» (1996), «Собственность, власть и политика» (в соавт. — 1996), «Россия накануне XXI века» (в соавт. — 1998), «Общество — развивающийся организм» (2000), «Справедливое общество — утопия или возможность: идеи, размышления, гипотезы» (2005), «Человеческое сообщество на рубеже столетий» (2008). Ученый подготовил 122 кандидата наук и консультировал 12 докторов наук.

Александр Митрофановичу Ковалеву присвоены почетные звания заслуженного профессора МГУ, заслуженного деятеля наук Российской Федерации. Он лауреат Ломоносовской премии МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Международной славянской академии.

А.М. Ковалев имеет правительственные военные награды: орден Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды и орден Болгарской Республики «За храбрость», медали «За взятие Белграда», «За оборону Сталинграда»; в мирное время он получил

орден «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть» и многие юбилейные медали.

В 2008 г., когда на базе отделения политологии философского факультета МГУ образовался факультет политологии, А.М. Ковалев стал профессором кафедры истории и теории политики на факультете политологии, председателем Профессорского собрания факультета политологии. 22 мая 2013 года на факультете политологии прошла научная конференция к 90-летию со дня рождения ученого: «От традиции к инновации в политических науках».

КОЗЛОВ Никита Степанович

(7 сентября 1918 г. — 23 августа 2004 г.)

Никита Степанович Козлов родился в селе Игнатовка Новомосковского района Днепропетровской области. С 12 лет работал в сельском хозяйстве; с 1934 по 1937 годы учился в Днепропетровской русской педагогической школе, после окончания которой работал учителем русского языка.

В 1939 г. был призван в Красную армию и принимал участие в качестве рядового в военных действиях в период финской кампании. В 1941 г. окончил военно-политические курсы в Ленинградском военном округе, и его назначили заместителем по политчасти 8-й огневой батареи в составе 43-го артиллерийского полка. Во время Великой Отечественной войны стал командиром батареи и воевал на Северо-Западном и Западном фронтах: на Карельском перешейке, в районе Великих Лук и Острова; участвовал в боях у озера Селигер и населенных пунктов Торопец, Белый, Оленино, Калинин.

В 1942 г. под Ржевом Никита Степанович получил тяжелое ранение и находился на излечении в госпитале до июня 1944 г., после чего был демобилизован по инвалидности.

В 1947 г. Н.С. Козлов закончил филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и работал учителем русского языка, затем заведующим учебной частью и директором средней школы в Брянской области. В 1947–1950 годы исполнял обязанности заместителя директора по учебной и научной работе Суражского учительского института.

С 1951 по 1954 г. — аспирант кафедры истории философии народов СССР философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. После защиты кандидатской диссертации «Развитие общественно-политической мысли в период образования и укрепления русского централизованного государства» (1954) работал старшим научным сотрудником в ректорате МГУ (до 1961 г.), сотрудником Научно-методического кабинета Министерства высшего и среднего специального образования СССР; с 1963 г. — старший преподава-

тель, затем доцент кафедры истории философии народов СССР (ныне истории русской философии) философского факультета МГУ.

Никита Степанович Козлов вел большую общественную и партийную работу: избирался членом парткома МГУ, членом бюро и секретарем партбюро ректората МГУ, председателем профкома философского факультета. Им опубликовано свыше 60 научных работ — брошюр, рецензий в философских журналах и сборниках; из них оригинальные работы: «Революционно-демократическая и философская мысль на Украине в XVIII — начале XX вв.» (1966); «Лев Толстой как мыслитель и гуманист» (1985); «Русская философская мысль X–XVII веков» (в соавт. — 1990).

В 1954–1961 годы Н.С. Козлов выступал в качестве редактора учебно-методической литературы по общественным дисциплинам; один из авторов труда «История философии народов СССР» (издания 1960, 1965, 1970 годов). Через его руки прошло около 300 печатных листов.

В научных работах Н.С. Козлова особое внимание уделяется противоборству сторонников государственности с феодально-княжеским сепаратизмом. Многие исследования ученого посвящены философским аспектам творчества Л.Н. Толстого.

Н.С. Козлов читал лекции по истории русской философии, вел семинарские занятия, руководил дипломными работами студентов; подготовил к защите 13 аспирантских работ — в основном по кафедрам этики и эстетики.

Никита Степанович Козлов был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, боевыми и юбилейными медалями.

Библиотека профессора Н.С. Козлова была передана его сыном — Александром Никитичем Козловым — в дар библиотеке читального зала философского факультета МГУ.

КОПНИН Павел Васильевич

(27 января 1922 г. — 27 июня 1971 г.)

Павел Васильевич Копнин родился в крестьянской семье в селе Гжель Раменского района Московской области. В 1939 г. поступил на философский факультет МИФЛИ. О военном лихолетье 1941–1945 годов в анкете сказано лаконично — «служба в армии». Учебу он возобновил уже на философском факультете в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова после войны. Окончив аспирантуру в Московском пединституте, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Борьба материализма и идеализма в развитии учения о сущности суждения» (1947). С должности лаборанта его перевели тогда на должность старшего научного сотрудника кафедры философии Академии общественных наук. Затем, до 1955 г., он руководил кафедрой философии в Томском университете.

После защиты докторской диссертации — «Формы мышления и их роль в познании» (1955) — П.В. Копнин был назначен заведующим кафедрой философии Академии наук СССР, заведовал также сектором Института философии АН СССР.

В Киеве, куда переехал в 1958 г., руководил кафедрой философии в Политехническом институте, позже — кафедрой диалектического и исторического материализма в Киевском университете. В течение 7 лет — с 1962 по 1968 г. — работал директором Института философии АН УССР. С 1967 г. — академик АН УССР; с 1963 г. — член Исполнительного комитета Международной федерации философского общества.

Все основные научные работы П.В. Копнин написал в Киеве: «Диалектика как логика» (1961); «Гипотеза и познание действительности» (1962); «Идея как форма мышления» (1963); «Теория познания и кибернетика» (1964, на укр. яз.); «Введение в марксистскую гносеологию» (1966); «Логические основы науки» (1968). На киевский период «пришелся высший взлет его таланта и творческой работы как философа и как организатора», — так характеризует этот период деятельности П.В. Копнина член-корреспондент РАН В.А. Лекторский.

После переезда в Москву П.В. Копнин стал директором Института философии АН СССР (с 1968 г.), преподавал в МГУ имени М.В. Ломоносова; с 1970 г. — член-корреспондент АН СССР, член редколлегии журнала «Вопросы философии» и «Философской энциклопедии» (с 1961 г.).

Он был прекрасным педагогом: его живые, интересные лекции вызывали у студентов множество вопросов, связанных с его специфической трактовкой философских проблем. Аудитория всегда была переполнена слушателями: «на Копнина» приходили не только аспиранты-философы.

Серьезную помощь оказывал ученый и молодым преподавателям. С благодарностью вспоминает П.В. Копнина ныне известный философ, профессор П.В. Алексеев, автор популярных современных учебников по философии, испытавший в 70-е годы XX века огромное влияние Павла Васильевича, который дал «толчок дальнейшему осмыслению философских проблем под новым углом зрения», стимулировал отказ от навязываемых в то время философам шаблонов и догм. Особенно ценными в этом отношении были такие труды П.В. Копнина по философии, как «Проблема мышления в современной науке» (1964); «Логика научного исследования и ее основные понятия» («Вопросы философии», № 3 за 1964 г.); «Об объективных основах философского метода и его отношении к методам специальных наук» («Философские науки», № 6 за 1967 г.); «Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования» (1973) и др. Перечень научных работ П.В. Копнина, в том числе на иностранных языках, дан на девяти страницах в книге «Диалектика как логика и теория познания» (1973).

П.В. Копнин занимался решением многих теоретических проблем. Одной из неотложных задач он считал систематизацию всеобщих категорий; при этом пытался обосновать принципы систематизации, определить критерии включения новых понятий в систему философского знания. В статье «Развитие познания как изменение категорий» («Вопросы философии», № 11 за 1965 г.) он обосновал это положение: «Философскими категориями являются те понятия, которые вырабатываются для решения проблем, составляющих предмет философии на данном уровне развития на-

учного знания». Здесь он закономерно ставит задачу — впервые (!) в советской философской литературе: раскрыть природу и особенности языка философии, подчеркивая, что всякая теория, в том числе и философия, есть определенный язык как «совокупность средств, используемых для построения и выражения мысли» («Мышление и язык», 1957).

В связи с возникновением новой отрасли самостоятельной науки *кибернетики* П.В. Копнин анализирует проблему отношения человека и техники — так называемого «машинного мышления» («Понятие мышления и кибернетика» — в «Вопросах философии», № 2 за 1961 г.).

Оригинальностью отличалась разработка ученым проблемы «рассудок и разум», а также решение сложных вопросов эмпирического и теоретического уровней мышления в их отношении к чувственному и рациональному аспектам познания.

Многое сделал П.В. Копнин и для укрепления связи философии с естественными науками; в частности, предпринял попытку применения диалектики и логики научного исследования к методологии диагноза в медицине. Посвященная этой теме книга «Основные вопросы теории диагноза», выполненная в соавторстве с И.Н. Осиповым, вышла двумя изданиями: в Москве (1951) и в Томске (1962).

П.В. Копнин одним из первых заявил, что философия «должна сама стать предметом особого теоретического анализа». Философия для ученого не сводилась ни к особой науке, ни ко всеобщим законам развития, — «она имела плоскости, общие со всеми сферами человеческой культуры». Он утверждал: в центре проблематики философии должен быть человек и его отношение к миру в целом, — в этом и заключается специфика философского знания. «Философия начинается с того момента, когда ставится вопрос об отношении бытия и мышления» («Введение в марксистскую гносеологию»). По его мнению, самостоятельной дисциплиной в структуре философских исследований могла стать метафилософия — это способствовало бы решению ряда спорных философских вопросов. Он проанализировал специфику диалектики как логики и ее взаимосвязь с формальной логикой в научно-познавательном процес-

се. Изучал роль в системе научных исследований такого специфического образования, как идея («Идея и ее роль в познании» — в «Вопросах философии», № 9 за 1959 г.).

Суждения П.В. Копнина отличались актуальностью и смелостью. Однако, сообразуясь с условиями жизни того времени, иногда ему приходилось проявлять и некоторую осторожность. И все же идейная независимость чувствовалась во всех его работах — это понимали его читатели. Властные структуры встречали П.В. Копнина «в штыки». «В Киеве ему было нелегко, но в Москве во сто крат тяжелее» («Вопросы философии», № 10 за 1997 г.).

В возглавляемом им Институте философии АН СССР в течение трех лет почти ежемесячно (!) организовывались «мероприятия», где подвергались жестокой критике (точнее, «разносу») либо собственные труды ученого, либо работы, выполненные в ИФ под его руководством. Так, обсуждение книги «Философские идеи В.И. Ленина и логика» (1969) длилось три дня. В чем только не обвиняли Павла Васильевича! И в ревизионизме, и в антропологизме, и в гносеологизме! Происходили «разборки» и в ЦК КПСС, а по чьим-то доносам — даже в КГБ! «Философия для самоотверженных людей была формой духовного сопротивления тоталитаризму, — заявляет В.А. Лекторский. — За это сопротивление они платили дорогой ценой». Павел Васильевич Копнин ушел из жизни в 49 лет...

В последние годы ученый занимался вопросом исследования форм практической реализации знания. П.В. Алексеев вспоминает свой разговор с Павлом Васильевичем незадолго до его кончины. На вопрос, какой проблемой он хотел бы в дальнейшем заниматься, Павел Васильевич дал отчетливый, короткий ответ: «Специфической философского знания». Что ж, эта проблема вряд ли когда-нибудь потеряет свою актуальность...

КОСИЧЕВ Анатолий Данилович

(1 (14) августа 1914 г. — 8 марта 2014 г.)

А.Д. Косичев родился 1 августа 1914 года в Москве в семье рабочего. В 1940 г. он окончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета (бывший II МГУ) по специальности «история общественной мысли в России».

В середине июля 1940 г., после сдачи государственных экзаменов, А.Д. Косичев получил повестку о призыве на действительную военную службу. Фрунзенский военкомат направил его в 403-й гаубично-артиллерийский полк резерва Главного командования. А.Д. Косичев был назначен старшим группы, состоявшей из лиц с высшим образованием. Обучение проходило в знаменитых Гороховецких военных лагерях под Нижним Новгородом в отдельном специальном взводе, которым руководили строгие командиры, ставившие задачу «выбить» из бывших студентов «дух гражданки и вольности». Новобранцев обязали освоить все виды артиллерийского оружия, особенно дальнобойные гаубицы. В программу входило изучение теории вероятностей, без знания которой нельзя точно рассчитать цель попадания снарядов. Зимняя зарядка с минимумом одежды, ходьба по теодолиту, использование компаса в незнакомой местности, дальние походы с полным боевым снаряжением — это была не только серьезная подготовка солдат к преодолению трудностей, но и стремление создать из них профессиональных военных.

Боевая жизнь А.Д. Косичева началась ровно через год: в июле 1941 г. их взвод перебросили через Смоленск в район Рославля. К тому времени под ударами советских войск немцы были изрядно потрепаны, но вели усиленную подготовку к захвату Москвы. Немецкие самолеты занимались фотографированием местности, особенно шоссежных дорог. В октябре 1941 г. немецкие войска начали активные боевые действия.

Особенно памятным для Анатолия Даниловича оказался теплый солнечный день 2 октября 1940 г. «Все небо покрыли эскад-

рильи самолетов с фашистской свастикой на борту, земля дрожала от взрыва бомб. Немцы смяли наши передовые части и, уничтожив систему управления войсками, перешли в наступление. Нам дали команду отступить, — вспоминает А.Д. Косичев. — Вместе с отступающими войсками на восток в сторону Москвы двинулось и мирное население. С воинскими автомобилями и солдатами смешались запряженные лошадьми повозки колхозников — это был своего рода “железный поток”, описанный когда-то А.С. Серафимовичем в одноименном романе».

Припомнились А.Д. Косичеву также и скандальные факты дезорганизации наших войск на отдельных участках подмосковного фронта. Еще в начале октября 1941 г. Г.К. Жуков предупредил Сталина о возможности внезапного появления бронетанковых войск немцев под Москвой. Но когда армейская разведка донесла руководству штаба, что по Варшавскому шоссе двумя колоннами к Москве движутся немецкие танки и пехота, это сообщение «вверху» расценили как «стремление создать панику». А позже выяснилось, что — действительно — немецкий танковый корпус вместе с пехотой, в обход флангов наших войск, практически без боя, вошел в наш тыл.

Небезызвестен такой факт. Готовясь к захвату Москвы, Гитлер дал своему военному командованию строгую директиву, зафиксированную в материалах Нюрнбергского процесса: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не смог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа». Это злодеяние Гитлер намеревался осуществить путем открытия шлюзов водоканала «Москва — Волга»...

После окружения в районе Вязьмы нескольких советских армий сложилась обстановка столь драматическая, что тогда трудно было даже предполагать скорую победу над фашистами. Но величие нашего народа и его героической армии проявилось в том, что в этих почти безвыходных условиях фашистская мощь была со-

крушена. В боях под Москвою и за Москву сражались не только военные, но и рядовые москвичи, вступившие в народное ополчение. Уже в начале декабря 1941 г. наши войска перешли в наступление: разгромив ударную группировку немецких армий «Центр», отбросили врага от столицы на полтораста километров. Разгром немцев под Москвой стал началом великой победы нашего народа над гитлеровской Германией, над мировым фашизмом. После побед советских войск под Сталинградом и на Курской дуге началось освобождение родной земли от фашистов.

В зарубежных странах, освобождаемых советскими войсками от оккупантов, было создано особое воинское подразделение — «Спецкомендатура сборного пункта для освобожденных военнопленных и интернированных граждан союзных стран».

А.Д. Косичева, хорошо владеющего немецким языком, перевели в Спецкомендатуру, подчинявшуюся непосредственно штабу Первого Украинского фронта. На территории оккупированных немцами стран и в самой Германии фашисты создали концентрационные лагеря, в которых содержались гражданские лица и военнопленные, и основной задачей Спецкомендатуры стало освобождение лагерей. Трудный период наступил в конце войны: немцы особенно зверствовали, уничтожая концлагеря и сваливая вину за их уничтожение на Красную армию. Воинской части Спецкомендатуры приходилось участвовать в непрерывных боях с немецкой охраной концлагерей.

А.Д. Косичев вспоминает, как в январе 1945 г. нашими войсками были освобождены две столицы Польши: современная — Варшава и древняя — Краков, с его величественной архитектурой. Немцы заминировали Краков и хотели взорвать его, но войска маршала Конева не дали немцам осуществить это злодеяние — город был спасен.

Особенно запомнился А.Д. Косичеву немецкий город Дрезден, бои за который шли два дня. Но еще до взятия Дрездена советскими войсками наши союзники — американцы и англичане «постарались» превратить город в сплошные развалины. Тогда при авиационных налетах были уничтожены машиностроительные, авиационные и другие крупные промышленные объекты. Погибли тысячи мирных жителей.

В середине апреля 1945 г. советские войска овладели столицей Австрии — Веной — и сравнительно быстро восстановили жизнь в городе: заработали магазины, столовые, кафе. А советским солдатам из стройбата пришлось возводить мосты через Дунайский канал. В кинотеатрах Вены демонстрировались фильмы союзников, но особенным успехом пользовались советские кинокартины, смотреть которые приезжали жители предместий австрийской столицы. Молодежь с удовольствием напевала понравившиеся песни на русском языке.

Вплоть до демобилизации в июне 1946 г. А.Д. Косичеву и другим военнослужащим Спецкомендатуры приходилось выполнять боевые задания на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, вступая в бои с группами власовцев, бендеровцев, которые под руководством не сдавшихся в плен немецких офицеров нападали на сборные пункты и эшелоны советских военнопленных и репатриированных.

К празднованию Октябрьской революции — 6 ноября 1945 г. — каждый участник боев получил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». При ее вручении комендант Спецкомендатуры подполковник Быстров произнес памятные слова: «Дорожите и цените эту медаль. Она выше всех орденов, так как подводит итог победоносной Отечественной войны». На обратной стороне медали был выгравирован силуэт Главнокомандующего, — и фронтовики называли эту почетную награду «орден Сталина».

После демобилизации для старшего лейтенанта А.Д. Косичева началась новая, уже мирная жизнь: он поступил в аспирантуру философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1950 г. А.Д. Косичев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика В.И. Лениным идеологии анархии в России». В это же время он исполнял обязанности заместителя декана философского факультета по учебной работе; в 1952 г. его утвердили в ученом звании доцента. В 1955–1957 гг. А.Д. Косичев был командирован в Китай в качестве советника ректора Шанхайского университета и профессора философии.

После защиты докторской диссертации «Маркс, Бакунин, Прудон; анализ их теоретических взглядов» в 1964 г. А.Д. Косичеву

присвоили звание профессора (1965). Его избирают на должность декана философского факультета (1977–1988); более 20 лет он заведовал кафедрой истории марксистской философии. В 1973–1991 гг. А.Д. Косичев — главный редактор общесоюзного теоретического журнала «Научный коммунизм», с 1978 по 1992 гг. — главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия».

Анатолий Данилович — активный участник различных научных обществ и научных советов: член президиума Научно-технического совета при Минвузе СССР и председатель секции философии этого совета; член президиума философского общества СССР; в течение 15 лет являлся председателем Ученого совета ВАК при МГУ по защите докторских диссертаций по философии; входил в состав ученых советов Института философии и Академии общественных наук, был членом редакционно-издательского совета по общественным наукам Госкомиздата СССР (1986–1991).

А.Д. Косичев опубликовал 14 монографий и учебных пособий и более 250 научных статей, посвященных исследованию философских и социологических взглядов Маркса, Ленина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина и др. Основные философские положения изложены в его научных трудах: «Теория и история философии» (1957), «Дискуссионные вопросы истории философии» (1958) — на китайском языке, «Марксизм и субъективная философия в России» (1961), «Ленин и критика им анархизма» (1967), «Учение Ленина о социализме» (1970), «Теория социальной революции» (1980), «Духовность и наша жизнь» (1998). Книжки «Анархизм и современность» (1973) и «Марксизм и анархизм» (1976) публиковались на Кубе и в Аргентине.

Профессор А.Д. Косичев подготовил 50 кандидатов наук и 10 докторов философских наук. Военную и трудовую деятельность Анатолия Даниловича Косичева увенчали высокие награды: ордена Отечественной войны II степени и Трудового Красного Знамени, а также 15 медалей, в том числе юбилейные. А.Д. Косичев — заслуженный профессор Московского университета.

МАМЕДОВ Шейдабек Фараджиевич

(10 (23) января 1912 г. — 19 июня 1984 г.)

Шейдабек Фараджиевич Мамедов родился в дагестанском городе Дербенте. В 1938 г. он окончил МИФЛИ, а затем — и аспирантуру. В мае 1941 г., защитив кандидатскую диссертацию «Философские и социально-политические взгляды М.Ф. Ахундова», он уехал отдыхать на родной Каспий. Здесь его и застала весть о начале войны. Через три дня Мамедов был уже в Москве и в конце июня добровольцем ушел на фронт, став инструктором политотдела бригады по пропаганде.

Боевое крещение Шейдабек Фараджиевич получил под Москвой. Потом были бои за Калинин. Начало этой операции положила группа разведчиков, среди которых был и Ш. Мамедов. Было дано задание снять наблюдателей с вышки, установленной на подходах к городу. Переодетый в крестьянина, Ш.Ф. Мамедов отвлек внимание немцев, и разведчикам удалось захватить в плен трех наблюдателей, ликвидировать огневую точку. Таков был их воинский вклад в успешное начало наступления на Калинин. За выполнение этого задания Ш. Мамедов был награжден медалью «За отвагу».

В декабре 1942 г. Ш.Ф. Мамедова перевели на работу в Главное политуправление Вооруженных сил СССР. Он вел агитационную и пропагандистскую работу на разных фронтах; принимал участие в боях за освобождение Варшавы, Будапешта, Вены, Берлина. Его заслуги перед Родиной отмечены многими наградами, в том числе орденом Красной Звезды.

В 1956 г. по ходатайству МГУ полковника Ш.Ф. Мамедова демобилизовали и направили на кафедру истории философии народов СССР философского факультета. В 1962 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Основные этапы развития философской мысли в Азербайджане». В 1963 г. стал профессором этой кафедры. В течение ряда лет (с 1958 по 1969 гг.) был членом редколлегии журнала «Философские науки», затем научным консультантом этого журнала.

Ш.Ф. Мамедов — член авторского коллектива трудов «Краткий очерк истории философии» (1960), «Мировоззрение Гасан-бека Меликова Зардаби» (1960), «Мировоззрение М.Ф. Ахундова» (1962), «История философии в СССР» (1968–1972), «Краткий очерк истории философии», «Антология мировой философии» (1969–1972). Кроме того, он был одним из авторов и редактором книг «Очерки по истории философии в России. Вторая половина XIX и начало XX в.» (1960), а также «Актуальные проблемы истории философии народов СССР» (Вып. 5–9. М., 1978–1981).

Ш.Ф. Мамедов — автор более 100 научных работ. В своих трудах ученый освещал богатые философские традиции народов Востока и их вклад в историю духовной культуры человечества. Выступая против европоцентристской точки зрения на историю философии, он отстаивал мысль о неправомерности противопоставления восточной и западной философских культур, показывал, что в своих главных направлениях философская мысль Востока развивалась в идейной связи с течениями западноевропейской философии. Он исследовал влияние, оказанное на общественную мысль Закавказья и Средней Азии со стороны арабской и русской национальных культур; рассматривал восточный пантеизм, суфизм, мусульманскую теософию.

Книги Ш.Ф. Мамедова о философских взглядах Ахундова, Низами, Зардаби, Физули выходили не только в Москве, но и в Баку, Ашхабаде, Праге. Ш.Ф. Мамедов активно участвовал в общественной жизни факультета: неоднократно избирался секретарем парткома факультета; был председателем секции ветеранов войны философского факультета.

Шейдабек Фараджиевич Мамедов удостоен почетного звания заслуженный деятель науки Российской Федерации.

МОЛОДЦОВ Василий Сергеевич

(20 декабря 1899 г. / 1 января 1900 г. — 30 сентября 1985 г.)

Василий Сергеевич Молодцов свою трудовую деятельность начал в качестве библиотекаря читальни имени И.С. Тургенева в Москве. В годы Гражданской войны был политпросветработником на Туркестанском фронте. В 1922 г. поступил на физико-математический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; в 1930–1933 гг. продолжил учебу в Коммунистическом университете; в 1934–1935 гг. — аспирант МИФЛИ; в 1935–1937 гг. — слушатель Института красной профессуры.

В 1937 г. В.С. Молодцова назначили заведующим издательским сектором ЦК ВКП(б), а в 1940 он стал директором Политиздата при ЦК ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны В.С. Молодцов находился на ответственной работе в Совинформбюро, принимал участие в пропагандистской работе на фронте.

Преподавательской деятельностью начал заниматься с 1929 г.: читал лекции по философии в Московском институте инженеров связи, Московском торфяном институте, Институте массового заочного обучения при ЦК ВКП(б).

С 1946 г. — преподаватель, а затем заведующий кафедрой философии в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). В 1952 г. профессор В.С. Молодцов был избран деканом философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и занимал эту должность до 1969 г. — в течение 17 лет! — заведовал кафедрой диалектического материализма.

В течение 15 лет Василий Сергеевич был членом редколлегии журнала «Вопросы философии». Именно он основал и стал первым главным редактором серии «Философия» журнала «Вестник Московского университета».

В.С. Молодцов — автор более 90 научных работ по проблемам возникновения философии и основным этапам ее эволюции. В журнале «Вопросы философии» он пишет статьи «Об ошибках в по-

нимании предмета диалектического материализма» (№ 1 за 1956 г.); «Классовые и гносеологические основы ревизионизма» (№ 12 за 1958 г.).

Проблемам диалектической науки посвящены его сочинения: «Диалектика и метафизика» (в журнале «Большевик», № 2 за 1939 г.); «Марксистская диалектика как наука» (1951); «Марксистская диалектика о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе» (1953); «Диалектика превращения возможности в действительность» (1958) и др.

Василий Сергеевич Молодцов награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, медалями; ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

НАРСКИЙ Игорь Сергеевич
(18 ноября 1920 г. — 7 августа 1993 г.)

Игорь Сергеевич Нарский родился в городе Моршанске Тамбовской области. В 1939 г. поступил в МИФЛИ; в 1941 г. ушел на фронт и воевал до конца Великой Отечественной войны. В 1948 г. закончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1951 г. — аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию по теме польского младогегельянства 40-х годов XIX века. В течение 20 лет — с 1951 по 1971 г. — работал на кафедре истории зарубежной философии МГУ сначала старшим преподавателем, затем доцентом, а после защиты докторской диссертации «Анализ логического позитивизма» (1961) — профессором.

В 1971 г. И.С. Нарский перешел на работу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. В течение нескольких лет — с 1974 по 1980 г. — занимал должность старшего научного сотрудника в Институте философии АН СССР; далее — до последних лет жизни — профессор Российской академии управления.

Долгие годы — с 1963 по 1992 г. — И.С. Нарский был членом редколлегии журнала «Философские науки», а также членом редколлегии «Кантовского сборника» — со времени его основания в Калининграде в 1971 г. Он составитель, редактор и автор вступительных статей к изданиям: «Избранные произведения польских мыслителей» (1956–1958), «Польские мыслители эпохи Возрождения» (1960), «Джон Локк. Сочинения: В 2 т.» (1985), «Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки» (1986), «Д. Лукач. Прологомены онтологии общественного бытия» (1991); им написаны вступительные статьи к эстетическим сочинениям Д. Юма, А. Смита, лорда Кеймса и к антологии английских эстетиков XVIII века.

В 1991 г. И.С. Нарский издал «Избранные сочинения» А. Шопенгауэра. Участвовал в коллективных трудах: «История Польши в трех томах» (1956–1958); «История философии» (в 6 томах, 1957–1962); «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли» — тома 4-й (1968) и 5-й (1970).

В научных исследованиях Игоря Сергеевича Нарского показана взаимная необходимость диалектического мышления и современных структур формальной логики для успешного развития теории познания; дается анализ взаимоотношений «рассудка» и «разума» во всех отделах философии Канта и Гегеля.

Следует также отметить работы по теории познания Юма и серию статей о Канте во многих выпусках «Кантовского сборника» (Калининград, 1971–1991), а также статьи по эволюции неопозитивизма, прояснившие многие гносеологические аспекты истории принципов верификации и фальсификации, истины и истинности.

Ученый проанализировал понятие «идеального» (см.: Ученые записки Тартуского университета. Труды по философии. 1986. № 731), а также взаимодействие идеализаций и конкретизаций в методе Маркса. Установлены судьбы авторского предисловия Д. Юма ко второму тому его «Истории Англии». Разработана история польского гегельянства в 30–40-х годах XIX века.

Перечисление одних только результатов деятельности И.С. Нарского свидетельствует о многогранности его интересов, о всесторонней одаренности и необыкновенном трудолюбии ученого.

В 1981 г. Игорь Сергеевич Нарский получил почетное звание заслуженного деятеля науки СССР.

НОВИКОВ Михаил Петрович

(25 июля 1918 г. — 4 марта 1993 г.)

Михаил Петрович Новиков родился в городе Середино-Буда Сумской области в семье рабочего. В 1934 г., закончив Магнитогорский педагогический техникум, в течение трех лет работал учителем в начальной школе. В 1938 г. он экстерном сдал экзамены за 10-й класс и поступил в Магнитогорский педагогический институт на отделение «Филология и история». Все годы учебы получал Сталинскую стипендию и по окончании института получил диплом с отличием, — но в школе работать так и не довелось: началась Великая Отечественная война.

Призванный в Красную армию, он уже с июля 1941 г. участвует в боях с немецко-фашистскими захватчиками как командир ракетно-артиллерийской установки — «Катюша». После излечения полученного ранения и контузии старший лейтенант Новиков воевал на Забайкальском фронте — уже с японскими милитаристами в составе 74-го отдельного Гвардейского минометного полка 14-й танковой дивизии.

После демобилизации с 1946 г. М.П. Новиков работал штатным пропагандистом Середино-Будского райкома партии Сумской области; был редактором районной газеты «Колхозная правда» (1947–1949); два года заведовал Отделом пропаганды и агитации; в 1950 г. был избран секретарем Середино-Будского райкома КПУ.

В 1953 г. М.П. Новикова направили в аспирантуру кафедры философии Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской. В этом же институте он преподавал философию, затем работал референтом отдела философии Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР. После защиты диссертации (1958) кандидат педагогических наук М.П. Новиков был назначен заведующим отделом теории и истории атеизма журнала «Наука и религия».

В 1960 г. он перешел на работу в качестве старшего преподавателя на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, где

в 1963 г. ему присвоили звание доцента. В 1966 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по теме «Идеология современного русского православия». В ученом звании профессора М.П. Новиков был утвержден в 1969 г., — и с этого времени в течение 18 лет беспрерывно руководил кафедрой истории и теории религии и атеизма философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ныне кафедра философии религии и религиоведения). Михаил Петрович Новиков осуществил ряд новых направлений в науке: взаимодействие культуры и религии, соотношение теологии и философии. В трудах ученого исследуются особенности современного религиозного модернизма; обосновывается необходимость историко-философского подхода к оценке изменений в области религиозной идеологии и религиозных отношений; дается общая оценка перспектив и будущности религии в целом и ее конкретных разновидностей.

Свои идеи профессор реализовал в общем курсе лекций, которые читал на дневном и вечернем отделениях философского факультета МГУ, а также в разнообразных спецкурсах: «Современное русское православие», «Православная философия», «Принципы свободы совести и их реализация в советском законодательстве о религиозных культурах», «Основные направления современной религиозной философии».

По актуальным проблемам философии М.П. Новиков опубликовал около 150 научных работ. Он был редактором трех изданий «Словаря атеиста», трех изданий учебника «История и теория атеизма». Пользовались популярностью его монографии «Православие и современность» (1965), «Тупики православного модернизма (критический анализ богословия XX века)» (1979), «Христианизация Киевской Руси: методологический аспект» (1991), «Богословская фальсификация общественных явлений» (1975 г., в соавт. с Н.К. Дмитриевой).

Научные труды М.П. Новикова издавались и на иностранных языках: «Очерки современной философии и теологии» (Братислава, 1983 г., на словацком языке); «Русская православная церковь» (в книге: «Религии в СССР», М.: «Прогресс», 1986 — на француз-

ском языке); «Русское православие. 1917–1987 гг.» (М.: «Прогресс», 1988 — на английском и итальянском языках).

М.П. Новиков был членом редколлегии журналов «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», «Наука и религия», а также членом редакции издательства «Московский рабочий»; являлся членом экспертного совета ВАК по философским наукам.

Минвуз СССР неоднократно отмечал благодарностями успешную деятельность М.П. Новикова по подготовке высококвалифицированных кадров. Под его руководством 42 аспиранта успешно защитили кандидатские диссертации. В 1980 г. в связи с 225-летием МГУ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ученый был награжден Почетной грамотой «За достигнутые трудовые успехи и многолетнюю плодотворную работу в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова».

В числе заслуженных ратным трудом правительственных наград значится орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Японией», «30-летие Победы над милитаристской Японией» и юбилейные медали участника Великой Отечественной войны.

Члены коллектива кафедры видели в Михаиле Петровиче человека огромного обаяния, доброты и отзывчивости, ценили его прекрасные человеческие качества. О нем вспоминают не только в дни Победы. Об этом свидетельствует тот факт, что недостающие для очерка детали биографии ученого стали известны благодаря материалам, предоставленным доцентом кафедры Н.К. Дмитриевой.

Михаил Петрович был не только крупным ученым, блестящим организатором науки и учебного процесса в Московском университете: его научные труды получили широкую известность и заслуженное признание за рубежом — во многих странах мира.

ОВСЯННИКОВ Михаил Федотович
(21 ноября / 4 декабря 1915 г. — 11 августа 1987 г.)

Михаил Федотович Овсянников родился в селе Пузачи Курской губернии. Свой путь к постижению знаний начал в 1933 г. на рабочем факультете при московском заводе «Фрезер». В 1935 г. он поступил на филологический факультет Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. С 1939 г. учился в аспирантуре кафедры истории зарубежной литературы МГПИ и одновременно сдавал кандидатские экзамены по специальности «философия» в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Учебу в аспирантуре прервала война: в июне 1941 г. М.Ф. Овсянников ушел с московским ополчением. В октябре, выйдя из окружения, он оказался в составе 49-й армии и до октября 1942 г. выполнял специальные задания, принимал участие в сражениях. Осенью 1942 г. в связи с тяжелой болезнью ему дали отпуск, после которого оставили в Москве для продолжения учебы в аспирантуре философского факультета МГУ. После защиты в 1943 г. кандидатской диссертации он вел педагогическую работу в качестве ассистента на кафедре диалектического материализма (1943–1947), затем стал старшим преподавателем кафедры истории зарубежной философии.

С 1947 по 1955 гг. в той же должности работал на кафедре Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской, а в 1955 г. возвращается на философский факультет МГУ, становится доцентом кафедры истории зарубежной философии.

После защиты в 1961 г. докторской диссертации — «Философия Гегеля» — М.Ф. Овсянников возглавил кафедру марксистско-ленинской эстетики и руководил ею четверть века. С 1963 г. он был заведующим сектором эстетики Института философии АН СССР; в 1968 г. его избрали деканом философского факультета МГУ — и с 1968 по 1974 гг., в течение шести лет, он руководил факультетом! С 1969 по 1983 гг. он — главный редактор журнала «Вестник Московского университета». Серия «Философия».

Михаил Федотович вел большую общественную работу, являясь руководителем семинара пропагандистов при горкоме партии, председателем секции эстетического воспитания в Совете по коммунистическому воспитанию молодежи при ЦК ВЛКСМ.

Студенты, слушавшие курс лекций Михаила Федотовича Овсянникова, вспоминают, как читал он особенно трудный раздел программы, связанный с философией Гегеля. Ученый умело вводил студентов в лабиринты гегелевской философской системы: не упрощая, ясно и тонко раскрывал логику системы Гегеля, выделяя в ней главное и второстепенное; учил студентов глубоко овладевать философской культурой. Некоторые из студентов после его лекций пытались самостоятельно переводить Гегеля на русский язык.

Под редакцией М.Ф. Овсянникова и при его непосредственном участии были созданы «История эстетики» (в 5 томах), «История эстетики в памятниках и документах» (выпущено более 30 книг) и др.

Им опубликовано более 140 научных работ, среди которых 11 монографий по истории зарубежной философии, по истории и теории эстетики, диалектическому и историческому материализму.

Михаил Федотович Овсянников подготовил более 100 кандидатов и консультировал нескольких докторов философских наук. Его называют признанным главой московской эстетической школы.

В ознаменование заслуг М.Ф. Овсянникова как выдающегося ученого и основателя первой в СССР кафедры эстетики на философском факультете МГУ начиная с 2005 года проходят Овсянниковские международные эстетические конференции (ОМЭК). Тот «мощный заряд, который был дан отечественной эстетике М.Ф. Овсянниковым» (по выражению профессора кафедры эстетики А.С. Мигунова) не теряет силы и придает энергию современным ученым в области эстетики, вдохновляя на новые свершения в науке. В 2015 году пройдет юбилейная мемориальная Овсянниковская конференция, связанная со столетием со дня рождения выдающегося ученого, корифея отечественной эстетики.

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич

(р. 1 (14) мая 1914 г.)

Теодор Ильич Ойзерман родился 1 (14) мая 1914 года в селе Петроверовка Одесской области. В 1938 г. он окончил философский факультет МИФЛИ, аспирантуру кафедры истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на факультете, но ушел на фронт. После окончания Великой Отечественной войны вернулся к преподавательской деятельности на философском факультете МГУ. С 1953 г. — профессор, а в 1954–1968 годы — заведующий кафедрой истории зарубежной философии.

В 1968 г. Т.И. Ойзерман перешел на работу в Институт философии Академии наук СССР, где в 1971–1987 гг. руководил сектором, затем отделом истории философии; с 1987 г. — советник Российской академии наук; с 1981 г. — действительный член РАН. Т.И. Ойзерман являлся членом редколлегии и одним из ведущих авторов «Истории философии» (в 6 томах, 1957–1965), а также «Краткого очерка истории философии»; член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Философские науки» (до 1958 г.), «Вестник МГУ» (до 1965 г.).

Многие работы ученого посвящены немецкой классической философии. Он стремился преодолеть одностороннее представление о Канте лишь как о предшественнике Гегеля, считая, что в ряде отношений Гегель возвращается к тому типу метафизики, несостоятельность которого была убедительно показана Кантом. Выдающееся значение кантовской гносеологии Ойзерман видит в том, что присущие реальности формы всеобщности впервые были поняты и как субъективные, т. е. присущие сознанию, формы. Он исследовал также вклад, внесенный в философию Фихте и Шеллингом.

В работах Ойзермана по теории историко-философского процесса исследуются процессы дифференциации, дивергенции, поляризации философских учений, сочетающиеся с интеграцией философских идей.

Т.И. Ойзерман, разрабатывая вопрос о типологии мировоззрений, разграничивал их философские, естественно-научные, социально-политические и религиозные типы. Философию Ойзерман определяет как систему убеждений, образующих общее теоретическое мировоззрение: это позволяет осмысливать и критически обобщать повседневный опыт, феномен человеческой личности, общественную практику, научное познание, историю человечества, а также исследовать многообразие присущих природе и обществу форм всеобщности, разрабатывая на этой основе принципы познания, оценки поведения и практической деятельности вообще, с которыми люди в различные эпохи связывают свои коренные жизненные интересы.

Критически переосмысливая историю марксизма, Ойзерман отрицает существование «верховных», всеохватывающих законов, неизвестных какой-либо науке, доказывая, что то, что именуется «законами диалектики», не является таковыми, а представляет лишь обобщение некоторых общих процессов, изучаемых науками.

Анализируя основы исторического материализма, Ойзерман приходит к выводу, что «общественное бытие» есть не что иное, как общественная жизнь, которая включает в себя и общественное сознание, обуславливаемое ею подобно тому, как целое обуславливает свои части.

В теории познания ученый обосновывал положение о существовании абстрактных истин, пересматривая идущее от Гегеля утверждение, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Конкретной истиной, согласно Ойзерману, является согласование абстрактных истин, которое далеко не всегда возможно.

Научные труды Т.И. Ойзермана публикуются также и за рубежом. Ученый избран действительным членом Международного института философии (1981), д-р *honoris causa* Иенского университета (1979), иностранный член АН ГДР (ныне Берлин-Бранденбургская академия наук).

Из вышедших уже в новом, XXI веке, книг Т.И. Ойзермана следует особо выделить «Марксизм и утопизм» (2003), «Оправдание ревизионизма» (2005), «Возникновение марксизма» (2011), — работы, в которых глубоко анализируется теория марксизма и просле-

живается история этого направления философско-политической мысли на протяжении всего его существования, начиная с момента возникновения и заканчивая современными российскими и зарубежными критическими исследованиями. В 2014 г. в ознаменование столетия со дня рождения издательством «Наука» выпущено в свет пятитомное собрание избранных трудов Теодора Ильича Ойзермана, включающее как историко-философские исследования ученого, так и работы по философии, поднимающие проблемы ее сущности, острые вопросы «партийности» философии, — проблемы, дискуссии о которых не прекращаются и по сей день.

Теодор Ильич Ойзерман — лауреат нескольких премий: Ломоносовской премии (1965), премии им. Плеханова (1979), Государственной премии СССР (1983).

ОРЛОВ Сергей Матвеевич

(р. 8 октября 1925 г.)

Сергей Матвеевич Орлов родился 8 октября 1925 года в г. Таганроге, в семье потомственных железнодорожников. Его школьная жизнь была прервана в апреле 1942 г. с уходом добровольцем в действующую армию. В составе 26-го стрелкового полка НКВД он принял участие в битве за Кавказ. Эта битва была одной из крупнейших битв Великой Отечественной войны. Она продолжалась с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. — 422 дня и ночи шли упорные бои на равнинах Северного Кавказа, горных перевалах Главного Кавказского хребта и в небе над Кубанью. Потери советских войск в битве за Кавказ составили 800 тысяч человек.

Кавказ был главной целью Гитлера. Фашистское командование стремилось установить контроль над всем кавказским регионом: в случае успеха Гитлер мог получить в свое распоряжение нефтяные источники и богатейшие сельскохозяйственные районы, полное господство над Черным морем и условия для вторжения в страны Ближнего и Среднего Востока. Он добивался вступления Турции в войну.

С.М. Орлов вспоминает: «После ряда успешных операций советских войск против фашистских захватчиков под Ростовом-на-Дону, Тихвином в ноябре — и сокрушительного разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 г. — весной и летом наступила полоса неудач на юго-западном и южном участках нашего фронта: потеряны Керчь и Севастополь в Крыму, поражение под Харьковом, пал Ростов-на-Дону — а это ворота Кавказа. Создалась критическая обстановка на юге страны. Именно в эти грозные годы набатом прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., в котором прямо и жестко говорилось: “Отступать дальше — значит погубить себя и вместе с тем нашу Родину. Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины”».

Превосходство немцев в техническом оснащении, особенно в танках и авиации, было подавляющим, и фронт откатывался к предгорьям

ям Кавказа. Ожесточенные бои развернулись на подступах к Туапсе. По решению Военного совета Черноморской группы Закавказского фронта 26-й стрелковый полк НКВД 1 октября 1942 г. выступил из поселка Ново-Михайловский и после 45-километрового броска овладел поселком Фанагорийский, в течение нескольких дней удерживал его, отбивая ожесточенные атаки врага. С обострением обстановки на Хадзыженском направлении полк был переброшен в район пос. Шаумян, где с 15 октября 1942 г. до конца месяца держал оборону.

После окружения группировки Паулюса в Сталинграде обстановка на Кавказе резко изменилась: немцы приступили к выводу своих войск через Ростов-на-Дону, а наши войска — к преследованию отступающего противника. Но все же часть соединений 17-й немецкой армии закрепилась на линии Новороссийск — Тамань. После трудной зимы на Кубань пришла яркая весна, какая бывает только на юге. В апреле наши войска, продолжая наступательные бои, отгеснили немцев на высоты у станицы Крымская, которую немцы превратили в мощный узел обороны. Значение ликвидации Таманского плацдарма было настолько значимо, что И.В. Сталин лично поручил возглавить эту операцию Г.К. Жукову, разрешив использовать в боях за Тамань особую дивизию из резерва Ставки. Она имела в то время наибольшую укомплектованность до 11 тысяч человек. Командовал ею полковник И.И. Пияшев. В состав дивизии входил и наш 26-й полк под командованием подполковника Соколенко.

Штурм станицы Крымской начался 29 апреля и продолжался несколько дней. На пятый день была введена в бой наша дивизия. К исходу 4 мая немцы были выбиты из Крымской, но развить дальнейшее наступление не удалось. Войска остановились на рубеже станиц Киевская и Молдовановская. Перед нами была мощная, глубоко эшелонированная оборонительная немецкая “Голубая линия”. Очередная операция по прорыву “Голубой линии” началась 26 мая. Утром после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска 56-й армии, к которой была придана наша особая дивизия, прорвали оборону противника, углубились на 3–5 км. Но прорвать оборону немцев на всю глубину тогда не удалось».

А 29 мая в ночном бою Орлов был ранен и эвакуирован в госпиталь № 2464 в Тбилиси, в котором находился до 20 ноября 1943 г.

После излечения служил до июля 1944 г. в 8-м мотострелковом полку, из которого был направлен на учебу в Высшее военноморское пограничное училище в Ленинград. Заканчивал свою военную службу уже в 1-м Черноморском отряде погрансудов г. Очамчиры. После демобилизации 22 мая 1946 г. переехал в Москву. В Москве некоторое время работал воспитателем и комендантом ремесленного училища № 24.

В 1949 г. поступил на юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, по окончании которого был ученым секретарем в Научно-исследовательском институте часовой промышленности (1954–1962), затем — старшим инспектором Управления преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

В 1966 г. поступил в аспирантуру философского факультета МГУ, после ее окончания работал в Совете по делам религий при Совете Министров СССР в должности заместителя заведующего отделом (1968–1976). После защиты кандидатской диссертации — «Социальная сущность методизма» (1975) — был приглашен на кафедру истории и атеизма в качестве доцента (годы работы: 1976–1993). Читал курс лекций на юридическом факультете, на факультете журналистики и механико-математическом, вел спецкурс в группе студентов философского факультета, опубликовал 30 работ по проблемам истории религии, современных религиозных культов, свободы совести.

В учебнике «Основы религиоведения» (М.: Высшая школа, 1998; изд. 2-е) основная часть 19-й главы, посвященной развитию свободы совести и ее современному состоянию в России, написана С.М. Орловым, который анализирует содержание конституционных норм, касающихся свободы совести, а также федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый Государственной Думой 19 сентября 1997 г.

С.М. Орлов подготовил 13 кандидатов философских наук. За время работы на философском факультете С.М. Орлов активно участвовал в общественно-политической работе, был членом Специализированного ученого совета философского факультета (1980–

1992), членом парткома факультета (1983–1986) — ответственным за военно-патриотическое воспитание студентов.

Сергей Матвеевич Орлов — ответственный секретарь Московской группы ветеранов 56-й армии, энтузиаст патриотической работы. Сергей Матвеевич награжден 30 боевыми наградами, в том числе орденом Великой Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа».

ПАНЦХАВА Илья Диомидович

(5 марта 1906 г. — 2 июня 1986 г.)

Илья Диомидович Панцхава родился в 1906 г. в Костроме. Его отец Диомид Васильевич окончил медицинский факультет Дерптского (Юрьевского) ун-та и был направлен врачом в губернскую больницу Костромы. Мать — Ольга Моисеевна Шавгулидзе, воспитала 5 детей. Школьные годы И.Д. Панцхавы прошли в Кутаиси. В годы Первой мировой войны отец был назначен начальником военного госпиталя в Галиции. В Кутаиси на его доме установлена мемориальная доска.

В 1923 г. И.Д. Панцхава поступил на социально-экономический факультет Тбилисского госуниверситета. Увлекался историей, психологией, философией, изучал античных и византийских мыслителей, греческий и древнегрузинский языки. В числе его учителей — Д.Н. Узнадзе, Ш.И. Нуцубидзе и др.

В 1928 г. он окончил социально-экономический факультет Тбилисского государственного университета, затем аспирантуру в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). С 1931 г. вел научно-педагогическую работу. Некоторое время был заместителем народного комиссара просвещения Грузии. С 1936 г. приступил к исследованию творчества средневекового грузинского мыслителя Иоанэ Петрици. Когда перевод книги И. Петрици «Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха» был сдан в издательство, грянула война. С первых дней Великой Отечественной войны Илья Диомидович находится в действующей армии. Весной 1943 г. в боях под Туапсе И.Д. Панцхава получил тяжелую контузию, после лечения в госпитале был демобилизован.

В 1944 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию, посвященную творчеству Иоанэ Петрици. С 1959 г. работал на философском факультете МГУ. Здесь им была создана кафедра истории и теории атеизма. С 1968 г. профессор Панцхава заведовал кафедрой исторического материализма. На протяжении ряда лет работал в Москов-

ском областном педагогическом институте имени Н.К. Крупской, где руководил кафедрой философии; позже — в Высшей школе профсоюзного движения.

Многие годы посвятил исследованию творчества выдающегося грузинского мыслителя средневековья И. Петрици. Монография «Петрици» вышла в Москве в 1982 г. И.Д. Панцхава перевел на русский язык сочинение И. Петрици «Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха», которое издавалось дважды: в Тбилиси (1942) и в Москве (1984).

Ученый разносторонне исследовал проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия человека, что нашло отражение в его статье «Смертность и бессмертие человека», опубликованной в журнале «Философские науки» (№ 6 за 1963 г.), а также в книгах «Человек, его жизнь и бессмертие» (М., 1967) и «О смерти и бессмертии» (М., 1972).

Проблеме соотношения религии и свободомыслия посвящены работы ученого «Атеизм в прошлом и настоящем» (1958), «Религиозный модернизм и современная буржуазная философия» (1969), «Гуманистическая природа марксистско-ленинского атеизма» (1970).

Под редакцией и с активным участием Ильи Диомидовича Панцхавы изданы сборники трудов: «Материализм и религия» (1958; именно в этом сборнике были — и в этом несомненная заслуга Ильи Диомидовича — две статьи П.С. Попова), «Основные вопросы научного атеизма» (1962). Им написан один из первых (после войны) учебников по диалектическому материализму.

В течение многих лет И.Д. Панцхава руководил философской секцией Всесоюзного общества «Знание». Член Президиума Правления Всесоюзного общества «Знание». Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Трудового Красного Знамени.

ПАШКОВ Николай Александрович (1923–1982)

Имя Николая Александровича Пашкова, к сожалению, не значится ни в одном справочном издании, но благодаря воспоминаниям Зульфийи Абдулхаковны Тажуризиной, профессора кафедры философии религии и религиоведения, удалось восполнить этот пробел.

Н.А. Пашков попал на войну совсем молодым человеком, отважно воевал, вызываясь на самые рискованные задания. Его представляли и к наградам, но он их не получал. Этот момент Зульфийа Абдулхаковна оценивает так: награды «обходили его стороной». Николаю Александровичу пришлось пережить тогда немало горьких минут. А причина была в том, что отец Н.А. Пашкова, крестьянин-середняк, был в свое время незаконно «раскулачен», — и кто-то постоянно помнил об этом, «оберегая» бойца от наград.

Н.А. Пашков был человек ответственный, серьезный, знающий. Философия, русская культура, политика, экономика, военное дело и, конечно, религиоведение (в то время эта учебная дисциплина называлась «научный атеизм») во всей его глубине составляли существо его духовной деятельности. Собеседников поражали его свежие, оригинальные идеи, неординарное мышление, необычный взгляд на исторические события и верная оценка современной ему действительности.

С 1962 г. и до конца жизни Н.А. Пашков работал на кафедре, читал лекции по курсу истории и теории религии и атеизма на заочном отделении философского факультета и ряд спецкурсов для специализирующихся по кафедре студентов. Его как преподавателя огорчало невнимание «верхов» к проблемам атеистического воспитания: формальное отношение к воспитанию научного мировоззрения было несовместимо с натурой ученого. В трудах авторов работ по научному атеизму или другим философским проблемам он всегда мог найти яркую, глубокую мысль, раскрывая которую, интересным образом связывал ее с событиями общественной и культурной жизни, переосмысливая уже в практическом плане.

Своих студентов и аспирантов Николай Александрович заставлял творчески работать над такими проблемами, которые «подтягивали» их к уровню современной философской культуры. В руководстве аспирантами он был безупречен: каждого основательно готовил к защите диссертационной работы.

На кафедре издавна установилась традиция доброжелательного отношения к товарищам, всегда можно было рассчитывать на помощь Николая Александровича. Были и споры с ним, и разногласия, но никогда ни у кого не возникало чувства обиды: характер открытых, принципиальных отношений обуславливал уважение друг к другу, располагал к еще большему взаимодоверию и открытости. При этом, обладая большим чувством собственного достоинства, он никогда не позволял себе унижить другого человека.

Его работы по актуальным проблемам научного атеизма (а их было более 50) публиковались в периодических изданиях тех лет и были примером взыскательности к себе, ответственности перед читателем. Так же тщательно редактировал он сборники аспирантских работ.

В 1972 г. появилась книга кандидата философских наук, старшего научного сотрудника кафедры Н.А. Пашкова «История и теория атеизма. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников философских факультетов государственных университетов». В теоретическом и методическом плане это пособие можно назвать шедевром педагогической литературы: в каждой теме выделены основные для студентов вопросы, подобрана новейшая по тем временам исследовательская литература. Автор пособия акцентирует внимание студентов на понимание причин возникновения религии, предлагая детально рассмотреть социальные, гносеологические и психологические корни религии.

Николай Александрович Пашков внес плодотворный вклад в дело воспитания и образования студентов философского факультета, — и в этом сыграл немалую роль его личный опыт участника Великой Отечественной войны, придававший особую значимость и авторитетность его словам и деятельности.

РАЗИН Владимир Иванович

(29 июля 1922 г. — 5 сентября 2009 г.)

Владимир Иванович Разин родился в Москве, в семье инженера-строителя. После окончания средней школы с 1941 г. служил на кораблях и в частях Северного военно-морского флота. В ходе военных действий он много раз попадал в критические ситуации: однажды его смыло штормовой волной с палубы корабля; в результате авиакатастрофы оказался в ледяных водах Белого моря; побывал и в волнах Баренцева. Это произошло уже в октябре 1944 г. — в Петсамо-Киркенесской операции. Историки характеризуют то время как начало освобождения Северной Норвегии от ига фашистской оккупации. Гитлеровское командование стремилось любой ценой удерживать за собой районы Петсамо и Киркенеса, откуда враг вывозил никель и медь, в которых остро нуждалась военная промышленность Германии. Советские войска блокировали петсаамскую группировку фашистов со стороны Баренцева моря. Моряки прорвали фронт гитлеровцев, и на занятое врагом побережье был высажен десант морской пехоты. В жестоких боях был освобожден город Петсамо, а затем и порт Киркенес. К ноябрю 1944 г. Северная Норвегия и все Заполярье были очищены от фашистов советскими войсками.

И каждый раз Владимиру Ивановичу удавалось, благодаря его воле к жизни, преодолевать суровые испытания и вновь возвращаться к активной деятельности. Об участии В.И. Разина в боях свидетельствуют награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией», медаль Ушакова. Однако сам он на просьбу подробнее рассказать о военном периоде его жизни ограничился тогда одной только фразой: «Участвовал в походах, тонул, был контужен, лечился в госпиталях разных городов и был демобилизован по инвалидности».

Но В.И. Разин не только воевал: он был еще и инструктором радиооператоров, командиром взвода в знаменитой школе юнг, расположенной в Соловецком монастыре. Юнги любили своего наставника. Некоторые приезжали к нему уже спустя многие годы после

войны, чтобы рассказать о своих успехах. Затем В.И. Разин учился на офицерских курсах, работал лектором Политуправления Северного флота. В 1950 г. он окончил Московский юридический институт; через три года — аспирантуру по философии, и преподавал в этом же институте до его ликвидации в 1955 г. По конкурсу прошел в МВТУ имени Баумана и там же получил звание доцента.

В 1960 г. В.И. Разин был приглашен на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию он защитил по теме «Диктатура пролетариата как союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства». После защиты докторской — «Политическая организация общества» (1968) — получил звание профессора. С 1975 по 1988 г. — в течение 13 лет — заведовал кафедрой исторического материализма; два года был заместителем декана факультета по научной работе; позже стал профессором-консультантом на кафедре социальной философии.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что за время руководства кафедрой им была написана и издана книга «Исторический материализм», которая явилась новым этапом в развитии социально-философской теории марксизма. Книга была удостоена Ломоносовской премии и стала первым учебным пособием для студентов и аспирантов.

Перу В.И. Разина принадлежит около 100 научных работ. Из них особого внимания заслуживает монография «Политическая организация общества», которая фактически положила начало разработке нового направления в философии.

В.И. Разин известен как автор учебников по историческому материализму, трудов по методике преподавания философии. Заслуженной популярностью пользовалась его книга «Методика преподавания философии в вузах» (1977), созданная на основе двухгодичного курса лекций, которые он читал для студентов дневного и вечернего отделений факультета.

Его основной научный интерес сосредоточен на разработке проблем политической системы общественной жизни. В его трудах выдвигается идея о необходимости разработки системы политических категорий в плане социальной философии. Разрабатывая понятие политической организации общества, ученый исследует закономерности ее изменения и взаимодействие различных ее час-

тей; раскрывает также понятия международной политической организации общества и политического режима.

Другое направление научной деятельности В.И. Разина связано с методологией, разработкой категориально-понятийного аппарата социальной философии. В ряде работ автор аргументировал идею о том, что система категорий не является единой при любом исследовании, что она зависит от объекта анализа и его целей. В учебниках и коллективных монографиях ученым подготовлены главы по таким вопросам, как методологическая функция исторического материализма; законы и категории; философия и политика; демократия и диктатура; образ жизни; базис и надстройка; политическое строение общественно-экономической формации; государство как орудие управления.

В.И. Разин много сделал для развития международного сотрудничества Московского университета с Берлинским университетом им. А. Гумбольдта. Монография «Категории исторического материализма» (Берлин, 1978; М., 1980), выполненная совместно с учеными кафедры философии этого университета, была переведена на китайский и словацкий языки. На китайском языке публиковалась также и монография «Исторический материализм как социально-философская теория», — в 1980 г. книга вышла в Москве и Братиславе и получила первую премию Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

В.И. Разин упорядочил выпуск учебных пособий для студентов; организовал издание нескольких коллективных монографий, где был редактором и соавтором. Под его редакцией в 1989 г. вышла созданная сотрудниками кафедры социальной философии монография «Общество как целостное образование».

За время работы на философском факультете МГУ ученый подготовил более 50 кандидатов наук и консультировал нескольких докторов. Владимиру Ивановичу Разину присвоены почетные звания: заслуженный профессор Московского университета и заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Владимир Иванович был не только прекрасным педагогом и ученым, но и замечательным воспитателем. Безусловно, под его влиянием формировались такие черты личности, как трудолюбие, высокая требовательность к себе, целеустремленность в достижении целей.

СЕРЦОВА Анна (Анисия) Петровна

(1 июля 1920 г. — 28 августа 2009 г.)

Анна Петровна Серцова родилась на станции Поповка Запорожской области. В возрасте 14 лет работала подсобницей на одном из предприятий Луганска; среднюю школу закончила в украинском городе Токмак. В 1938 г. поступила на философский факультет МИФЛИ, где с первых дней подружилась и навсегда связала свою жизнь с однокурником Г. Карповым. Оба с увлечением осваивали углубленные философские курсы, слушая Б.С. Чернышева, А. Куна, С.Д. Сказкина.

Забота о хлебе насущном заставила молодых супругов заняться поисками подработки, которую предложил начальник военной кафедры, поручив организовать тренировочные упражнения для студентов учебных групп в тире и корректировку их стрельбы. Самим организаторам тоже пришлось овладеть стрелковым оружием, начиная от станкового пулемета до различных систем ручного оружия.

Кроме того, А. Серцова и Г. Карпов сумели получить работу в одном научно-исследовательском институте, где делали обзоры немецких газет по заданной тематике — в основном о спорте, но интересовались также и разделами, связанными с политикой.

Они активно участвовали и в философских диспутах, которые помогали не только ориентироваться в содержании диалектического и исторического материализма, в истории философии, теории познания, но и готовиться к преподавательской работе. Дискуссии давали простор для размышлений, особенно при выяснении гносеологических, социально-исторических причин и предпосылок возникновения разных теорий и понятий.

21 июня мифлийцы сдавали последний экзамен. Анне Серцовой предстоял экзамен на получение диплома в школе медсестер; потом — каникулы и отдых у моря. А 22 июня студенты МИФЛИ уже записывались в комсомольский добровольческий батальон: война перечеркнула все их планы. Строки опубликованного 22 июня в

газете «Красная звезда» стихотворения В. Лебедева-Кумача — «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» — стали не только гимном для ветеранов, но и обрели вечность.

В тревожные июльские дни 1941 г. после выступления И.В. Сталина стали создаваться отряды народного ополчения. В Московское ополчение по зову сердца вступали мирные жители. На добровольной основе функционировали — по официальным данным — 16 дивизий народного ополчения в Москве и 10 — в Ленинграде.

Призывы создать отряды ополченцев в каждом городе побудили комсомольский актив МИФЛИ заняться разъяснительной работой на агитпунктах. Из истории России мифлильцы помнили имена Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Невского и Дмитрия Донского; знали о подвигах ополченцев, изгнавших из Москвы польских и литовских интервентов в 1612 г., а спустя два века, в 1812 г., — французских завоевателей. В беседах на агитпунктах главная тема звучала так: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!»

А.П. Серцова была зачислена бойцом третьей роты истребительного батальона Сокольнического района Москвы и обеспечивала медицинское обслуживание роты. Приближение фашистов к Москве требовало от всех бойцов особой бдительности: это усиленное патрулирование, особенно в ночное время, проверка документов, устройство засад в Сокольниках, где враг мог высадить парашютные десанты, а также обязательные занятия по военной подготовке. Политический обзор в батальоне вел Ф.И. Хасхачих.

На московские воинские и ополченские дивизии были нацелены мощные удары противника. Немецкие соединения, которые по плану операции «Тайфун» должны были с ходу взять Москву, были скованы сопротивлением находившихся в окружении в районе Вязьмы советских дивизий, в том числе и ополченческих. Вяземское окружение ветераны считают особенно трагическим: тогда нависла смертельная угроза над Москвой, ставшей уже фронтовым городом.

В середине октября 1941 г. истребительный батальон Сокольнического района уходил на боевую позицию. Соответствующей была и экипировка каждого бойца: винтовка, запас патронов, гра-

наты, противогаз, пристегнутый сбоку котелок и вещевой мешок за спиной с запасной парой белья и НЗ — неприкосновенным запасом, состоявшим из сухарей и пресованной каши.

Работа по укреплению рубежей столицы шла днем и ночью, несмотря на налеты вражеской авиации. Не обходилось без жертв: окопы спасали не каждого.

1941 год — это год тяжелейших испытаний — вошел в историю России: Москва выстояла! В январе 1942 г. 158-я стрелковая дивизия, в которой пришлось воевать А.П. Серцовой, была направлена на Калининский фронт. Она принимала участие в боях под Ржевом, которые войдут в историю как Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция Калининского и Западного фронтов. Боевая медсестра вспоминает изнурительный многокилометровый переход по снежной целине в направлении к фронту. Прямо с марша бойцы вступили в жестокий бой за укрепленное немцами село Холмец. Потери были большими. Медсестра Серцова отважно выносила с поля боя раненых бойцов и командиров, но и сама была ранена 23 февраля 1942 г.

Ф.И. Хасхачих гордился своей студенткой. Он дал ей рекомендацию в партию. В новогоднем номере журнала «Работница» в 1981 г. была воспроизведена фотокопия его письма в госпиталь. Вспоминая случай, когда Анна Серцова в числе первых вступила в бой, он писал: «Страна, которая воспитала таких славных дочерей, никогда не может быть побеждена». После ранения А.Д. Серцова на некоторое время возвращается на философский факультет МГУ, частично уже вернувшийся из эвакуации, и продолжает обучение, посещает спецкурс А.Ф. Лосева по логике и семинар по «Малой логике» Гегеля. Впоследствии, когда она возвращается на фронт, Лосев присылает ей письмо.

Посещавшая эти семинары А.А. Гарева вспоминает: «Сейчас я перелистываю тетради полувековой давности; вспоминаю доклады студентов — Серцовой, Туровского, Новожиловой, Петрашик и других. Они прекрасно вписывались в занятия, которые вел Алексей Федорович: доклады интересные, серьезные, сделаны, так сказать, на большой высоте. Чем бы мы потом ни занимались, не знаю, достигли ли мы той высоты впоследствии. Позволю себе небольшой экскурс в прошлое. Представьте себе: Отечественная

война. Мы молодые (цветущий студенческий возраст!). Наши сверстники на фронте. Мальчики почти все ушли на фронт. На фронт ушли и многие девочки. (Я лично очень переживала, что не могу уйти на фронт, но, когда началась война, моему ребенку было 4 месяца. Пришлось остаться в тылу.)

Часть университета была в эвакуации. В Москве учились в основном девушки и мальчики, освобождённые от армии (сердечники или вернувшиеся с фронта после ранения и т. п.). На факультете было мало студентов (был даже курс из трех человек). Но когда преподавал профессор Лосев — набиралась полная аудитория, — приходили студенты со всех остальных курсов, аспиранты и студенты других факультетов.

В Москве голодно, холодно. Помещения университета не отапливались. Преподаватели и студенты в аудиториях в пальто, в шапках, в перчатках. Лекции записывали не всегда в тетрадях, часто на каких-то бланках, чернила не всегда бывали, многие лекции приходилось записывать карандашом»¹.

Со студенческой скамьи, восстановившись после ранения, Анна Серцова снова уходит на фронт — уже в качестве инструктора газеты 299-й стрелковой дивизии 66-й армии на Сталинградском фронте. Затем сотрудничала в Комиссии по истории Великой Отечественной войны: выполняла задания по сбору материалов на Курской дуге, во время боев на Сандомирском плацдарме, при освобождении Польши, Чехословакии, Румынии. День Победы А.П. Серцова встретила в столице Чехословакии — Праге. Большой радостью для А.П. Серцовой и Г.Д. Карпова была встреча их в Праге с академиком Зденеком Неedly и доцентом Когоутом, которые работали в МИФЛИ преподавателями и читали студентам курс по истории Чехословакии. Теперь, с первых дней освобождения Праги, они встречали бывших студентов уже как воинов-офицеров Красной армии — «Руде Армады». Зденек Неedly стал министром просвещения в первом правительстве республики, а Войтех Когоут — заместителем главнокомандующего военно-воздушных сил Чехословакии.

¹ *Гареева А.А.* Гегелевский семинар А.Ф. Лосева. Воспоминания // iosev-library.ru/index.php?pid=5596.

В Рокицанах бывшим мифлиям присвоили звание «Почетный гражданин». А.П. Серцова и Г.Д. Карпов приняли участие в открытии русской школы в Праге — для обучения детей советских дипломатов и военных, а также чехов, которые намеревались дать образование своим детям на русском языке. А.П. Серцова работала весь 1945/1946 учебный год преподавателем истории, Г.Д. Карпов был заместителем директора по воспитательной работе.

Ответственным заданием стала также подготовка и участие в Первом Международном студенческом конгрессе, который проходил в Праге в ноябре 1945 г. В 1968–1969 г. А.П. Серцовой довелось снова работать в Праге — сотрудником пресс-группы при посольстве СССР.

По возвращении на Родину А.П. Серцова окончила аспирантуру философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и в 1958 г. защитила кандидатскую диссертацию — «Исторические особенности возникновения и развития народно-демократического строя в Чехословакии», а в 1973 г. и докторскую — «Формирование и развитие социалистических наций. Об опыте СССР и ЧССР». В 1975 г. она стала профессором кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ, читала курсы лекций по теории и истории философии, вела семинарские занятия по проблемам национальных и социальных отношений, по современной зарубежной истории философии.

В сфере ее научных интересов проблемы: национальные отношения; исторические общности людей; развитие национальных культур; пути разрешения межнациональных конфликтов; факторы обеспечения мирного сосуществования стран с разными политическими системами; интеграция и интернационализация общественных отношений; вопросы гуманизации культурных отношений между Востоком и Западом и др. По этим проблемам опубликовано около 250 работ. А.П. Серцова — автор глав в ряде коллективных монографий, в том числе «Современный правый ревизионизм» (М.—Прага, 1973); «Формирование творческого мышления в процессе преподавания философии» (М., 1983).

Ею опубликованы работы, в которых освещаются узловые события истории Великой Отечественной войны. Книги эти написаны совместно с ее мужем — Г.Д. Карповым, профессором Россий-

ской академии управления, доктором философских наук, и отражают события военного периода жизни страны и личный опыт авторов: «22 июня 1941 года» (1995); «Москва устояла. 1941. История и судьбы людей» (1996); «На солдатском поле» (1998).

Анна Петровна Серцова подготовила 30 кандидатов наук и консультировала 2 докторов. Она награждена орденами Отечественной войны I и II степени и «Знак Почета», 12 медалями СССР и медалью Братиславского университета, знаком «Отличник высшей школы»; имеет почетное звание заслуженный профессор Московского университета.

СОКОЛОВ Василий Васильевич

(р. 14 августа 1919 г.)

Василий Васильевич Соколов родился 14 августа 1919 г. года в семье крестьянина в селе Петрушино Скопинского района Рязанской области (ранее — Епифанского уезда Тульской губернии). Учился в сельской школе, среднюю закончил в Москве в 1936 г., и тогда же поступил на исторический факультет МИФЛИ им. И.Г. Чернышевского. Окончив три курса, в 1939 г. перешел на философский, сразу на второй курс. На историческом факультете в те времена преподавали профессора и академики, получившие образование в гимназиях и университетах еще в дореволюционные времена: Ю.В. Готье, В.С. Сергеев, В.И. Авдиев, Н.А. Машкин, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, А.И. Неусыхин и др. На философском факультете можно было сравнить с ними историков философии Б.С. Чернышева и Д.Ю. Квитко.

Война прервала учебу студентов. Лишь немногие из них эвакуировались в Ашхабад, где в декабре 1941 г. МИФЛИ был влит в МГУ. Множество студентов философского и других факультетов в первые же дни войны записались добровольцами в армию и различными группами были призваны в июле-августе. В.В. Соколов оказался в группе из нескольких десятков мифлийцев. Их направили в 139-й зенитный запасной артполк, квартировавший в Бронницах. Около двух месяцев они осваивали здесь зенитные орудия и уже в середине сентября были переброшены в Москву. Большинство курсантов стали зенитчиками. Однако прорыв немецких войск в Подмоскovie в октябре 1941 г. потребовал формирования противотанковых истребительных полков из зенитных орудий. В.В. Соколов стал командиром орудия в 694-м противотанковом истребительном полку.

В середине октября, прибыв на Волоколамское направление (это 16-я армия Рокоссовского), в течение нескольких дней бывшие студенты осваивали дополнительную квалификацию — метание тяжелых противотанковых гранат (кусочек тола в жестяном корпусе, куда вставлялся запал) и бутылок с горючей смесью (почему-то в дальнейшем эту смесь стали называть «коктейлем Молотова»).

В.В. Соколов вспоминает о своем участии в боях на Волоколамском направлении: «В Бронницах и Москве мы в общем-то знали об отступлении наших войск, но только увидев усталых и изможденных солдат и офицеров, вырывавшихся и выходявших из “вяземского котла”, нам стали известны огромные масштабы нашего поражения.

В октябре — первой половине ноября мы действовали по зенитному назначению, стреляя по немецким самолетам. Но около середины ноября, перед наступлением фашистов на Москву (операция “Тайфун”), наша 3-я батарея заняла позиции на танкоопасном направлении на окраине деревни Горки. Утром 18 ноября последовал мощный налет минометных снарядов, и — что составляет для нас загадку — все они попали в дом, в котором находились командир и комиссар батареи и двое командиров огневых взводов. Они оказались ранеными, руководить боем не могли и были эвакуированы. Однако четыре командира орудия со своими расчетами заняли боевые позиции. Мы видели, как на окраину ближнего леса выходили танки и накапливались автоматчики, сновавшие между ними. Их подготовка к броску дала нам некоторую паузу. Из штаба батареи удалось связаться со штабом полка, располагавшимся в соседней деревне; оттуда тотчас же прибыл его комиссар Ф. Бочаров и заместитель командира полка Королев, которые и приняли на себя командование батареями.

Когда танки начали покидать лесную опушку, мы открыли по ним огонь из своих скорострельных орудий, каждая обойма которых состояла из пяти снарядов. Видны были попадания в танки, отступившие вместе с автоматчиками и пехотой в укрытие под деревья. Мы продолжали стрелять, но с немецкой стороны полетели десятки минометных снарядов. Были разбиты первое орудие и третье; убит был и замполка Королев. Мое орудие уцелело, но осколком его заклинило. Комиссар Бочаров приказал моему расчету ползком отступить к четвертому орудью. Оно было поставлено на самом краю Горок, между домами. С гранатами, бутылками и карабинами мы заняли оборону вокруг этого орудия.

Последовал новый мощный минометный огонь по первым трем орудиям, хотя они уже были выведены из строя, а мое — эвакуировано в лес. Считая, что сопротивление полностью подавлено,

немецкие танки вышли на открытое поле, чтобы занять деревню, и здесь автоматчики из взвода разведки схватились с немецкими. Танки же, подойдя к нам вплотную, напоролась на прицельный огонь четвертого орудия, о котором они даже не подозревали. Великолепно стрелял основной наводчик мифлиеца Ефим Дыскин. Одни танки загорелись, другие вертелись с перебитыми гусеницами и переползали на деревенскую улицу. Стрельба по ним из карабинов была бесполезна, и комиссар, командовавший теперь четвертым орудием, приказал поджечь танки бутылкой. Я взял ее, а боец моего расчета подал мне запал, но в напряжении — от гранаты. Бутылка разлетелась вдребезги, лицо обдало дымом (запал в такой жидкости, естественно, взрыва не дает и не воспламеняет ее), а несколько осколков легко поранили лицо. Протерев его рукой, я увидел, что другой танк, как бы прихрамывая, подошел близко. Взяв нужный запал, я вставил его в гранату и бросил ее, но попал только в гусеницу. Танк, дернувшись, остановился. Все это время четвертое орудие продолжало стрелять по подходившим танкам (семь из них остановились, три загорелись).

Однако теперь мы были обнаружены, и нас засыпали минами. Упал замертво левый наводчик, а правый, Дыскин, получил, как выяснилось вскоре, четырнадцать осколков в спину. Орудие было повреждено, снаряды кончились, и комиссар приказал отступить в ближний лес. Вся наша небольшая группа побежала туда, Дыскин упал, и я наклонился к нему, сделав попытку его приподнять, но он, собрав силы, быстро, к моему удивлению, поднялся на ноги и догнал удалявшуюся группу. За этот бой он был предоставлен к званию Героя Советского Союза.

Новый танк, появившийся на улице деревни, ударил по нашей группе, но снаряд попал в маленькую кузницу, стоявшую на самой опушке леса. Прорвавшиеся немецкие автоматчики поливали нас трассирующими пулями. Инстинктивно я упал и по привычке, приобретенной еще в деревенском детстве, покатился катком и выкатился в лес. В штабе полка в Мамошино я собрал свой расчет. Удалось вывезти и мое орудие, но оно нуждалось в ремонте. В дальнейшем, до начала декабря, мы стреляли лишь по самолетам, но уже из орудий чужих батарей.

После переформирования в Коврове мы получили мощные противотанковые орудия — 76-миллиметровые с пламегасителями. При очередном минометном налете я был тяжело ранен в бедро и эвакуирован в госпиталь за Волгу. За участие в декабрьских боях за Москву был награжден орденом Красного Знамени. В июле-августе 1942 г. в том же полку на Воронежском фронте участвовал в отражении танковых атак и был награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени (1985)».

Прооперированный в госпитале, получив полугодичный отпуск на долечивание, к началу 1943 г. В.В. Соколов вернулся в Москву и восстановился на философском факультете, теперь уже в МГУ. Как сдавшему многие предметы на истфаке МИФЛИ, ему разрешили свободное расписание, и, сдав все предметы учебного плана по философии и 5 государственных экзаменов, он в июне 1943 г. в единственном числе (!) составил выпуск философского факультета этого года.

На факультете В.В. Соколов встретил в то время уже новых профессоров — В.Ф. Асмуса, О.В. Трахтенберга, Г.М. Гака, психологов Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, лекций которых слушать не пришлось, но многое давало внеаудиторное, консультационное общение с ними. В.В. Соколов помнит, как на факультете появились совершенно неизвестные ему А.Ф. Лосев и П.С. Попов. В прошлом не допускавшиеся к преподаванию философии, они получили возможность преподавать ее в условиях патриотической «оттепели». Однако «оттепель» эта оказалась для них и для факультета в целом непродолжительной. В марте 1944 г. в ЦК был обсужден и осужден вышедший в 1943 г. 3-й том «Истории философии» за «неправильное» освещение немецкого идеализма XVIII — XIX вв.».

Позже В.В. Соколов работал старшим редактором в Издательстве иностранной литературы при Совете Министров СССР; был командирован Минвузом СССР (1952–1954) в университет имени Ким Ир Сена в Корейскую Народно-Демократическую Республику во время происходившей там войны; правительством КНДР был награжден орденом Государственного Знамени II степени.

На философский факультет вернулся в 1954 г., став старшим преподавателем кафедры истории зарубежной философии (до

1962 г. — западноевропейской философии), затем доцентом, а после защиты докторской диссертации «Философия Спинозы и современность» — профессором (1963).

По мнению В.В. Соколова, «выживаемость» философии в 50-е годы во многом определялась наличием в составе кафедры старых профессоров — О.В. Трахтенберга, М.А. Дынника, М.П. Баскина, а с 1954 г. — и В.Ф. Асмуса: они имели еще дореволюционное образование и немалый опыт выживания при идеологических проработках.

«Большую роль в педагогическом и политико-дипломатическом руководстве кафедрой сыграл в эти годы Т.И. Ойзерман, сначала как заместитель В.И. Светлова, почти не участвовавшего в работе кафедры ни как лектор, ни как реальный руководитель. Ю.К. Мельвиль, И.С. Нарский и я составляли уже вторую генерацию преподавателей кафедры, набиравшей все больший авторитет. Весьма популярны были лекции Т.И. Ойзермана, посвященные учениям Маркса — Энгельса; мировоззрение Ленина — Сталина рассматривалось на кафедре русской философии.

В конце 50-х — начале 60-х годов XX века на кафедре появились новые кадры из недавних ее аспирантов — А.Н. Чанышев, А.С. Богомолов, В.Н. Кузнецов, П.П. Гайденко — уже “третья генерация”». К концу 60-х — началу 70-х годов XX века к ним присоединились А.Ф. Зотов, А.М. Каримский, Г.Я. Стрельцова, Г.Г. Майоров, а несколько позже — А.Ф. Грязнов, М.А. Гарнцев. В 1968 г. кафедру покинул Т.И. Ойзерман, и ее возглавил Ю.К. Мельвиль. Об авторитетности кафедры истории зарубежной философии может свидетельствовать и тот факт, что в 70-х годах XX века решением Министерства высшего и среднего специального образования она была определена как ведущая историко-философская кафедра СССР.

Научные интересы Василия Васильевича Соколова по-прежнему связаны с историей философии и ее методологией. Он опубликовал более 300 научных работ, включая статьи в энциклопедиях и словарях, и многочисленные рецензии. В 1986 г. за книги «Философия Спинозы и современность», «Средневековая философия», «Европейская философия XV–XVII веков» ему присуждено звание лау-

реата Ломоносовской премии I степени. В течение последних десятилетий они служат основными учебными пособиями для студентов, аспирантов и преподавателей.

Профессор В.В. Соколов подготовил более 50 кандидатов философских наук, включая иностранцев; некоторые из них теперь доктора наук и академики. Василий Васильевич Соколов — действительный член Академии естественных наук, Международной академии педагогических наук, заслуженный профессор Московского университета. Он много лет работал совместителем в Институте философии АН СССР, был одним из руководителей библиотеки «Философское наследие» из серии «Памятники философской мысли».

Книги Василия Васильевича Соколова по истории философии актуальны и по сей день, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания его учебников, ставших уже давно классическими; за последние десять лет переизданы также многие монографии В.В. Соколова по истории философии. При этом ученый много размышляет и пишет не только по конкретным персоналиям и направлениям истории философии, но и по общим историко-философским проблемам, поднимая вопросы связи истории философии и культуры и прослеживая живую связь философии и культуры сквозь тысячелетия истории человечества: нет ничего удивительного в том, что эта книга, о которой ведется речь — «Философия как история философии», будучи издана два раза, в 2010 и 2012 годах — переиздана в 2015 году.

Указами Президиума Верховного Совета он награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» и юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Он отмечен Благодарностью Президента РФ В.В. Путина (2012).

Профессор В.В. Соколов — один из ведущих историков философии в России, пользующийся большим авторитетом в кругах философов-профессионалов и философской общественности.

СТАРЧЕНКО Анатолий Александрович

(1 октября 1926 г. — 7 июля 2014 г.)

Анатолий Александрович Старченко родился 1 октября 1926 г. в селе Ново-Батайск Азовского района Ростовской области. Семь классов средней школы окончил в селе Самарском, стал комсомольцем.

Летом 1942 г. немцы захватили Ростовскую область, и Анатолий Старченко вместе с матерью и младшим братом оказался на оккупированной территории. Отец его, работник Самарского райкома ВКП(б), с первых дней войны был мобилизован в ряды Красной Армии, был политруком роты — в звании капитана; он прошел всю войну от начала до конца и погиб в Германии весной 1945 г.

А в оккупированном немцами селе семеро подростков создали подпольную партизанскую группу, командиром которой был избран восьмиклассник Александр Бондаренко, комиссаром — Анатолий Старченко. Они вели агитационную работу среди населения, собирали оружие и взрывчатку, чтобы подготовить диверсию на железной дороге между Ростовом и Кавказом. В 25-ю годовщину Октября подпольщики решили вывесить красные флаги. В ночь с 7 на 8 ноября 1942 г. один из флагов с надписью «Долой фашизм» был закреплен на крыше двухэтажного кинотеатра, а другой — на воротах районного парка, рядом с немецкой комендатурой. Только спустя месяц, в начале декабря, используя показания одного из прежних комсомольских работников, немцы выследили юных подпольщиков и арестовали четверых из них, но признания выбить не смогли. Приехавшие из Ростова гестаповцы увезли их в тюрьму, где следователи из армейской разведки, используя жестокие методы допросов, тоже безуспешно пытались получить информацию о вывешенных флагах.

В конце января 1943 г., когда после поражения под Сталинградом немцы в панике покидали Ростов, подросткам-заключенным из тюрьмы удалось освободиться. Но молодежь постарше немцы увозили куда-то на машинах — якобы для работ на Украине, и

только потом стало известно, что молодых людей расстреливали в противотанковых рвах.

Анатолий Старченко в 1943 г. получил серьезное ранение: взорвалась в руке немецкая граната, и после излечения в госпитале некоторое время работал библиотекарем в парткабинете Самарского райкома ВКП(б).

В 1944 г. он окончил первый курс Ростовского авиационного техникума, в следующем году — десятый класс Самарской средней школы. Здесь же, в школе, его приняли кандидатом в члены партии. С 1945 по 1950 годы учился в Московском университете.

Послевоенные годы для многих были нелегкими. Старченко с благодарностью вспоминает заботу, которой были окружены первокурсники — инвалиды и участники Великой Отечественной войны.

При поступлении в МГУ А. Старченко — будущий кандидат философских наук — о философском факультете имел весьма смутное представление; он признается: «С Гегелем не знаком, с Кантом тоже; с Асмусом не здоровался. Все шло где-то в стороне...» Выбрал юридический, потому что, сидя в тюрьме, приобрел некоторый опыт, аналитически наблюдая за ходом расследования ситуаций.

На юридическом лекции тогда читали известные профессора криминалистики, уголовного права, логики. Специалистом высочайшего класса считали Александра Сергеевича Ахманова, который читал курс логики с профессиональным уклоном — основываясь не на силлогизмах Аристотеля, а на специальных примерах, на связи с конкретным, практическим материалом. А.А. Старченко нравились академически выдержанные лекции В.Ф. Асмуса: его умные, выверенные мысли облекались в четкие, отточенные фразы.

На старших курсах А. Старченко увлекается теорией судебных доказательств, выступает с сообщениями на заседаниях научного кружка, пишет дипломную работу «Улики в уголовном процессе». Он ищет ответы на многие вопросы, связанные с логикой судебного исследования: как строится доказывание; где начинается граница между вероятностью и достоверностью; можно ли класть вероятность в основу обвинительного приговора; что такое достоверное знание; допустимо ли строить обвинение только на убеждении, как это делал когда-то Генеральный прокурор А.Я. Вышинский, пре-

вращая убеждение в критерий истины, что приводило к нарушению социалистической законности, и т. д.

Отлично выполненную дипломную работу сопровождала рекомендация: продолжать работу на базе философского и логического обоснования правовой деятельности. В качестве диссертации была утверждена юридически ориентированная тема — «Логические основания уголовно-судебных доказательств». Работа была чрезвычайно актуальна для советской философии права, касалась ее логических основ. В 1953 г. журнал «Вопросы философии» опубликовал статью «Проблема истины в советском уголовном процессе», которую впоследствии перевели во многих иностранных философских журналах. Обсуждались проблемы философии судопроизводства, истины в судопроизводстве — это было уже в период хрущевской «оттепели».

После защиты кандидатской диссертации А.А. Старченко направляют в аппарат Минвуза СССР, где в качестве инспектора отдела философии Управления преподавания общественных наук он ведет большую работу по подготовке учебных программ и учебно-методической литературы по логике, а также организации логического образования в вузах. Разработанный А.А. Старченко основной курс логики для юристов совершенствовался в течение многих лет и превратился в уникальный по логико-правовой ориентации курс. В дальнейшем он был использован для подготовки учебника по логике, выполненного в соавторстве с В.И. Кирилловым. Юристы высоко ценили этот учебник, где, по их мнению, дан настоящий анализ процесса мышления.

В 1963 г. А.А. Старченко едет в Америку для ознакомления с зарубежным опытом по теории права. Из Колумбийского университета (там он был всего один месяц) переехал в Йельский, где в течение трех месяцев в прекрасной университетской библиотеке занимался углубленным изучением проблем, связанных с понятиями относительности истины, формами ее выражения. Результатом поездки стала книга «Философия права и принципы правосудия в США», опубликованная в Москве в 1969 г.

За долгие годы преподавательской деятельности он прошел путь от ассистента, старшего преподавателя, доцента к должности

заведующего кафедрой логики (1968–1981) — 13 лет; в 1996 г. получил звание профессора.

Им разработаны общие и специальные курсы по логике, теории аргументации, логике научного познания для студентов философского, юридического и других факультетов МГУ, а также спецкурсы по культуре мышления и искусству аргументации для слушателей ИППК, ФПК, ФПО. Им подготовлено 12 кандидатов наук.

А.А. Старченко в течение ряда лет являлся членом редколлегии журнала «Философские науки» и «Вестник МГУ», ответственным редактором коллективных трудов «Логика и методология научного познания» (1974), «Методология развития научного знания» (1982).

Одной из его актуальных новаций стал комплексный анализ категории «убеждение» и разработка рациональных основ типологии убеждений; обоснование методологических функций аргументации и принципов согласования ее полей.

А.А. Старченко — автор более 80 публикаций: это монографии, брошюры, статьи в научных журналах. Он участвовал в работе многих региональных и международных конгрессов.

В 1993 г. ему присуждена Ломоносовская премия за педагогическую деятельность, а в 2000 г. — звание заслуженного преподавателя Московского университета.

За участие в годы войны в молодежном подполье на оккупированной фашистами территории Ростовской области А.А. Старченко награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени и юбилейными медалями за победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, а также медалью «В память 850-летия Москвы». В 1980 г. в связи с 225-летием МГУ получил орден «Знак Почета», в 2005 г. — юбилейный нагрудный знак «250 лет МГУ имени М.В. Ломоносова».

В течение нескольких лет — с 2000 по 2008 годы — Анатолий Александрович Старченко возглавлял Совет ветеранов войны и труда Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ХАСХАЧИХ Федор Игнатьевич

(21 марта 1907 г. — 5 ноября 1942 г.)

Ценность трудов, созданных философом, неоспорима, а проявление им патриотического долга вызывает чувство глубокого уважения к личности ученого.

22 июня 1941 года, выступая на митинге, декан философского факультета Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского Ф.И. Хасхачих одним из первых записался добровольцем и ушел на фронт вместе со своими студентами, которые стали очевидцами его военной жизни. В 1942 г. вышел приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о том, чтобы вернуть с фронтов людей, имеющих ученую степень, для продолжения научной и преподавательской деятельности. В Москве Ф.И. Хасхачиху предлагали ответственную должность, но ученый-воин ответил: «Пока моя Родина в опасности, я не имею права оставить моих боевых друзей».

Некоторые ценные факты биографии ученого удалось восполнить благодаря общению с дочерью философа-воина — Лирой Федоровной — и ее рассказам о своем отце.

Федор Игнатьевич Хасхачих родился в Приазовье, в селе Чермалык Мариупольского уезда. Семья греческого переселенца крестьянина-бедняка была многодетной, и после смерти кормильца, 12-летнему Федору пришлось не только ходить за плугом и выполнять разную крестьянскую работу, но и нянчить младших братьев и сестер. С ранних лет, отличаясь особой любознательностью, он пристрастился к чтению... Учиться Федор Хасхачих начал только после Гражданской войны, — и сразу пошел в 5-й класс. Учителя вспоминают, что умный, пылливый ученик выделялся из одноклассников своей начитанностью, серьезным отношением к учебе, самостоятельностью в суждениях и огромным интересом к истории, литературе и поэзии.

Семилетку он закончил в 1924 г. и поступил на 2-й курс Мариупольского педагогического техникума; как одного из лучших

юношу направили в Москву для получения высшего образования. После окончания в 1931 г. философского факультета Ф.И. Хасхачих — Сталинский стипендиат — работал в Ростове-на-Дону. В университете молодой ученый возглавляет кафедру диалектического и исторического материализма, а позже — работает в Новочеркасском политехническом и в Институте зерна.

В 1937 г. Ф.И. Хасхачих успешно закончил в Москве аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Познаваемость мира и его закономерности». К 30 годам он становится признанным специалистом в области теории познания, ведущим лектором Института красной профессуры и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б); он читает также курс диалектического и исторического материализма студентам Московского университета; его назначают деканом философского факультета МИФЛИ имени Н.Г. Чернышевского. Одновременно Ф.И. Хасхачих ведет большую научную работу в Институте философии при Академии наук СССР.

Основной интерес Федора Игнатьевича Хасхачиха сосредоточен вокруг проблемы познаваемости мира и его закономерностей. На эту тему им была закончена докторская диссертация, основанием для защиты которой были написанные ученым глубокие по содержанию работы «О познаваемости мира» и «Материя и сознание». Но защите диссертации помешала война, а подготовленные к изданию рукописи этих работ Федора Игнатьевича были опубликованы уже после его гибели. Они переведены на 28 языков мира и стали достойным памятником великому ученому, отдавшему жизнь в борьбе против фашизма.

Книга профессора Ф.И. Хасхачиха «Основы диалектического материализма» была издана еще до окончания войны — в 1944 г. и пользовалась тогда большим спросом среди студентов и преподавателей общественных и философских наук.

Свои исследования в области теории познания Ф.И. Хасхачих связывал с общественно-исторической практикой, с современной наукой и историей философии. Критически анализируя концепции агностицизма и скептицизма, ученый искал перспективные пути развития философского познания мира.

Федор Игнатьевич, человек в высшей степени скромный и чуткий, уважительно относился к окружающим его людям и в коллективе пользовался огромным авторитетом и любовью. И недаром трудящиеся Сокольнического района Москвы избрали его депутатом в районный Совет. И в самом начале войны он продолжал выполнять возложенные на него депутатские обязанности: прежде всего, обращает внимание на своевременную эвакуацию на восток малолетних детей, выделяя не только транспорт, но и все необходимое для их перевозки. О человечности Федора Игнатьевича свидетельствует факт, о котором сообщила Лира Федоровна. Зная о том, какие сильные чувства питали друг к другу его студенты Анна Серцова и Григорий Карпов, декан помог Григорию разыскать в медсанбатах раненую подругу; с тех пор они не разлучались.

В грозные для Москвы октябрьские дни 1941 г. Ф.И. Хасхачих, вступив в ряды защитников Родины, возглавил Первый истребительный батальон московского района Сокольники, боевой задачей которого было тушение пожаров от зажигательных бомб на окружной железной дороге в Черкизово. Осенью батальон уже принял участие в обороне Москвы. В начале 1942 г. соединение войск, в котором служил Ф.И. Хасхачих, направили на Калининский фронт под Ржев. В короткий срок он проходит путь от рядового солдата до майора. Именно в эти тяжелые дни боев проявились высокие качества Федора Игнатьевича как политработника и волевого офицера Красной армии, обладавшего навыками не только убеждать, но и умело командовать.

Вот лишь один из военных эпизодов. В февральских боях 1942 г. 158-я стрелковая дивизия, в состав которой влился истребительный батальон Ф.И. Хасхачиха, прямо с марша предприняла наступление на укрепленный пункт врага — Холмец. В ожесточенных боях погибли один за другим командир и комиссар 865-го полка, смертельно был ранен начальник штаба. Однако полк продолжал сражаться, получая приказы политработника Ф.И. Хасхачиха, взявшего командование полком на себя. Это никого не удивляло: его мужество и умение воевать ценили не только студенты, сражавшиеся рядом со своим деканом, но и другие бойцы, безгранично веря ему и беспрекословно выполняя его распоряжения.

Его однополчане-студенты иногда могли наблюдать, как поздней ночью, когда после тяжелого марша бойцы уже расположились на ночлег, Федор Игнатьевич, несмотря на усталость, при свете огарка свечи писал письмо своей любимой дочурке. Одно из них, бережно хранимое ею, написано стихами.

ЛИРА!

Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои:
К тебе от меня непростая дорога,
И много писать мне мешают бои.

Враги — недалеко. И в сумке походной
Я начатых писем десяток ношу.
Не печалься! Я выберу часик свободный,
Настроюсь — и сразу их все допишу!

Поверь мне, родная: к тебе аккуратно
Длиннющие письма пишу я... во сне,
И кажется мне, что сейчас же обратно
Ответы, как птицы, несутся ко мне.

Но враг — недалеко, и сплю я немного:
Меня будит работа родных батареей...
У писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.

Пусть эта песенка вместо письма:
Что в ней не сказал — угадаешь сама.
И утром, ее напевая без слов,
Ты знай, что твой папа жив и здоров!

*Папа Федя.
5 июня 1942 г. Фронт.*

Дивизионная газета «За Родину» неоднократно отмечала бесстрашие и храбрость ученого, который уже после первых боев в числе немногих политработников дивизии был награжден боевой медалью «За отвагу». Вскоре он стал известен как один из лучших пропагандистов 39-й армии. Он вел огромную агитационно-политическую работу среди личного состава объединения: выступал с докладами о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о зверствах оккупантов и реакционной природе нацизма. В землянках и окопах, в строю и на привале разъяснял смысл и цели борьбы против гитлеровцев, вселяя уверенность в победе, поднимая моральный дух бойцов.

За две недели до своей гибели он написал для газеты статью «Чтобы победить врага, надо научиться его ненавидеть», в которой как истинный патриот писал: «Красная армия уничтожает немецких солдат не потому, что они немцы, она их уничтожает как оккупантов, которые с оружием в руках хотят поработить народы нашей страны».

В дни тяжелых боев он поддерживал своих товарищей. Вот строки из письма Федора Игнатьевича, адресованные к раненому бойцу: «Кровь, пролитая Вами и нашими товарищами, не пройдет даром. После победы жизнь будет еще лучше и прекрасней». Самому Ф.И. Хасхачиху не довелось дожить до этих дней. Он погиб на боевом посту — на передовой, выступая перед бойцами с докладом о 25-й годовщине Великой Октябрьской революции. Вражеский снаряд оборвал жизнь талантливого ученого и выдающегося пропагандиста.

100-летний юбилей со дня рождения ученого, воина, патриота Ф.И. Хасхачиха МГУ имени М.В. Ломоносова отметил расширенным заседанием Ученого совета на философском факультете. В те же дни радиостанция «Голос России» транслировала на греческом языке передачу о Ф.И. Хасхачихе на Грецию. Рубрика «Греки России: исторические судьбы» воссоздала образ этого незаурядного человека, его многогранную личность.

ШКУРИНОВ Павел Семёнович

(15 февраля 1921 г. — 16 апреля 2002 г.)

Павел Семенович Шкуринов родился в г. Запорожье в многодетной трудовой семье. Рано лишившись родителей, он проживал у своих родственников — в Белгороде, под Харьковом, в Москве. Среднюю школу и школу парашютизма закончил с аттестатом отличника. В 1939 г. поступил в МИФЛИ на философский факультет, но вскоре был призван в армию и направлен на учебу ШМАС в г. Оршу. С первых дней Великой Отечественной войны он участвует в боях на Западном фронте — в составе 123-го истребительного авиационного полка, а также в ряде «групповых» боев в 13-й армии под Минском, Оршей, Стародубом, Новгород-Северским, Шосткой. Почти полгода был одновременно командиром и политруком 507-й пулеметной роты 654-го стрелкового полка.

После второго тяжелого ранения весной 1943 г. был демобилизован по инвалидности, вернулся в Москву и восстановился на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Осенью его избрали секретарем бюро ВЛКСМ и членом партбюро факультета. Одетого в шинель и гимнастерку, в кирзовых сапогах, его можно было видеть вместе со студентами факультета в Серебряном бору на разгрузке барж, дежурным бойцом МПВО на крыше здания Института психологии.

То время памятно П.С. Шкуринову: «Горький осадок ложился на душу при виде аудиторного корпуса старого университетского здания с разбитой крышей и следами разорвавшейся бомбы; были изуродованы углы библиотечного корпуса, сброшен с пьедестала и искорежен бюст М.В. Ломоносова. И все это на фоне почти полностью разрушенного архитектурного памятника столицы — московского Манежа».

В 1944 г. П.С. Шкуринов был избран в состав Объединенного профкома МГУ и назначен председателем комиссии по делам инвалидов и участников Отечественной войны. Именно от этой комиссии берет свое начало деятельность нынешнего Совета ветера-

ранов войны МГУ. Комиссия помогала инвалидам и участникам войны лучше организовать учебу; оказывала им материальную помощь; организовывала лечебное питание, открыв столовую для инвалидов Отечественной войны; ежегодно предоставляла многим инвалидам и участникам войны бесплатные путевки.

После окончания аспирантуры и защиты в 1950 г. кандидатской диссертации «Вопросы теории социалистического строительства в трудах М.И. Калинина» он стал преподавателем на кафедре философии естественных факультетов МГУ, затем на кафедре истории философии народов СССР. В 1962 г. году получил звание доцента, а защитив докторскую диссертацию («Философия и социология В.И. Танеева и некоторые вопросы истории русской философии XIX века»), через три года стал профессором (1970).

Лекционные курсы П.С. Шкуринова, разработанные по новым разделам учебной программы, включали анализ философских построений С. Яворского, П. Левшина (митрополита Платона), Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и др. Лекции Павла Семеновича пользовались успехом у студентов и аспирантов не только философского, но и других гуманитарных факультетов — журналистики, филологического, исторического. Изложение материала отличалось творческим характером и концептуальной новизной. Ученого приглашали в Минск, Киев, Ростов-на-Дону, Ташкент, Алма-Ату, Тбилиси, в университеты других городов; П.С. Шкуринов читал циклы лекций и за границей — в Австрии, Болгарии, Германии, Финляндии, Польше, Японии, в Монгольской Народной Республике.

Педагогическую деятельность П.С. Шкуринов сочетал с активной научно-исследовательской работой, проявляя при этом особый интерес к изучению архивных материалов. Одним из первых П.С. Шкуринов начал исследовать философию Г. Сковороды, П.Я. Чаадаева, феномен русского ученого монашества XVIII века.

Очень долго — с 1966 по 1990 годы — Павел Семенович был членом редколлегии журнала «Философские науки», был заместителем декана факультета, председателем Научно-методического совета Минвуза СССР, руководил Научно-методическим советом

МГУ, избирался делегатом международных конгрессов и симпозиумов. Он подготовил более 40 кандидатов философских наук, консультировал 9 докторов и 10 иностранных стажеров. Им опубликовано свыше 100 научных работ; некоторые из них отмечены почетными грамотами. За книгу «Позитивизм в России XIX века» автор получил Золотую медаль Высшей школы (1983) и Большую серебряную медаль братьев Гумбольдтов (ГДР, 1988). Значительной популярностью пользовалась книга «Философия России XVIII века» (1992), получившая гриф учебного пособия. Результаты исследований ученого в области истории философии вошли в состав основных разделов общего курса истории отечественной философии.

Павел Семенович Шкуринов удостоен звания Почетного гражданина г. Ельца — одного из исторически славных городов России, в освобождении которого он участвовал в годы Великой Отечественной войны; а за творческие успехи в науке, в обучении и воспитании университетской молодежи получил звание заслуженного профессора Московского университета.

Прощание с Павлом Семеновичем Шкуриновым и его отпевание прошло в историческом университетском храме Святой Мученицы Татианы на Моховой.

Трудовой фронт

Работать, жить не для себя,
а для величия России!

БОРУНКОВ Юрий Филиппович

(11 сентября 1926 г. — 12 января 2006 г.)

Свой трудовой путь Юрий Филиппович Борунков начал в 16 лет: в годы Великой Отечественной войны работал шлифовщиком на московском оборонном заводе. В 1951 г. окончил Московский государственный институт международных отношений при МИД СССР и аспирантуру (1956) по кафедре философии в Московском областном педагогическом институте. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Диалектика причинно-следственных отношений»; был сотрудником издательства общества «Знание».

45 лет жизни (с 1961 года) ученого связаны с философским факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Работал вначале доцентом, затем профессором кафедры истории и теории атеизма (ныне кафедра философии религии и религиоведения). В течение ряда лет выполнял обязанности заместителя декана философского факультета по работе с иностранными студентами.

Основной областью научных интересов Ю.Ф. Борункова стало исследование религиозного сознания как целостного когнитивно-эмотивного явления в его основаниях, уровнях, существенных характеристиках и свойствах. В его работах содержательно рассматривается естественное и сверхъестественное как абстракции высокого порядка; раскрывается специфика познавательных процессов в

религии. Ученый вводит и дает определение таких понятий, как «религиозное мышление», «религиозный язык», и обосновывает положение, что религиозное чувство является высшим предметным чувством, — так же как эстетическое и нравственное.

Ю.Ф. Борунков впервые в отечественной литературе последних десятилетий предпринял анализ религиозной и нерелигиозной веры, рассмотрел различия веры и интуиции, веры и научной гипотезы.

Эти аспекты научной деятельности отражены в докторской диссертации «Религиозное сознание (философский анализ)» (1994), в трудах «Вера и убежденность», «Структура религиозного сознания» и др. В последние годы он разрабатывал проблему диалога религиозных и секулярных мировоззрений.

Ю.Ф. Борунков подготовил десятки специалистов в области философии религии, кандидатов и докторов наук. Он один из авторов учебных пособий «История и теория атеизма» (1987) и «Основы религиоведения» (1993). Глава «Диалог религиозных и нерелигиозных мировоззрений о человеке, обществе, мире» вошла в учебник «Основы религиоведения», изданный в 2007 г.

КОЗИКОВ Иван Андреевич

(р. 5 ноября 1928 г.)

Иван Андреевич Козиков родился 5 ноября 1928 г. года в селе Орловка Сергиевского района Куйбышевской области. Его трудовая деятельность началась в 1941 г. после окончания семи классов Черновской неполной средней школы: работал рядовым колхозником, счетоводом, учетчиком тракторной бригады. В 1948 г. был призван в ряды Советской армии. За это время И.А. Козиков закончил Вольскую школу авиационных механиков и служил в воинской авиационной части в качестве механика и техника до декабря 1952 г. Демобилизовавшись, работал слесарем, а затем секретарем партийной организации в сборочном цехе завода имени Сталина (позже — завод «Прогресс») в г. Куйбышеве.

Закончив в 1955 г. 10 классов вечерней школы, поступил на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. В это время на факультете преподавали такие выдающиеся ученые и педагоги, как профессора В.Ф. Асмус, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, П.Т. Белов, Е.К. Войшвилло, и другие. Студенты получили счастливую возможность приобщиться к процессу формирования профессиональных качеств, так необходимых будущему преподавателю и ученому. Наглядным примером творческого чтения лекций, по воспоминаниям Ивана Андреевича, были лекции по психологии Петра Яковлевича Гальперина, которые впоследствии оформились в цельную научную теорию, названную ученым как деятельностьная теория. На этих лекциях студенты-первокурсники были непосредственными участниками творческого процесса. Ученый не излагал добытые истины — он искал их на лекциях: трудные, неясные вопросы обсуждались совместно со слушателями. В своих рассуждениях П.Я. Гальперин намечал контуры будущих ответов, рассматривая особенности, механизмы и пути умственных действий и понятий.

С благодарностью вспоминает И.А. Козиков Валентина Фердинандовича Асмуса, с которым молодому ученому посчастливилось

общаться не только в студенческие годы, но и в аспирантском семинаре, на экзаменах и зачетах. Его воздействие как педагога на студентов и аспирантов было особенно исключительным. Читая лекции по истории античной философии, он уводил студентов в далекий мир платоновских идей, наглядно рисовал картины прошлого, в котором жили и творили философы. Философские идеи в лекциях В.Ф. Асмуса как бы «вырастали» из тех конкретно-исторических условий, в которых они зарождались.

Яркий след в памяти студентов оставил Павел Тихонович Белов, который читал часть курса по отечественной философии — «Философские взгляды российских естествоиспытателей». Вспоминает И.А. Козиков лекции М.Ф. Овсянникова, И.Я. Щипанова, Д.И. Чеснокова, Г.М. Андреевой.

В 1964 г., после окончания аспирантуры, он защитил кандидатскую диссертацию «Философские основы естественнонаучных трудов В.И. Вернадского». На философском факультете МГУ молодой ученый прошел путь от ассистента кафедры научного коммунизма до профессора кафедры мировой и российской политики. С 2009 г. И.А. Козиков — профессор кафедры истории и теории политики на факультете политологии.

После защиты докторской диссертации — «Соотношение социальной и научно-технической революции в современную эпоху: методологический аспект» (1980) И.А. Козикова командировали в качестве советника Министерства высшего образования Республики Куба; в дальнейшем состоял членом Совета советско-кубинской дружбы при Обществе дружбы СССР с зарубежными странами.

В апреле 1996 г. ученый избран членом-корреспондентом Международной академии информатизации, а через два года — академиком Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Основные направления научной деятельности И.А. Козикова — философия, политология, история общественно-политической мысли. Ряд работ посвящено исследованию метода и методологии науки, истории отечественной философии. Им опубликовано более 160 работ, в том числе и за рубежом: «Философские воззрения В.И. Вернадского», «Метод научного коммунизма», «Об истори-

ческих формах социализма», «Ноосферный подход к информатизации общества»; в соавторстве — «Теория мирового революционного процесса», «Современная научно-техническая революция» (учебное пособие), «Современная эпоха и мировой революционный процесс». Часть научных работ опубликована в сборниках и монографиях. В 2011 г. в издательстве МГУ к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова вышла его монография «М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский о России».

И.А. Козиков за время работы на факультете подготовил более 60 кандидатов наук, консультировал докторов наук и магистров. С 2008 года И.А. Козиков — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ. Он имеет звание «Заслуженный профессор МГУ». Иван Андреевич награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и юбилейными медалями в честь Победы, а также медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы»; имеет нагрудные знаки: Госкомитета СССР по народному образованию — «Высшая школа СССР» и Всесоюзного общества «Знание» — «За активную работу».

СЕВЕРИКОВА Нина Михайловна (р. 18 октября 1926 г.)

Нина Михайловна Северикова родилась 18 октября 1926 года в Ленинградской области в многодетной крестьянской семье.

Мечта стать учительницей привела ее в Вытегорское педагогическое училище, куда поступила в 1941 г. после окончания семилетки в Андомской средней школе. В это лихое время доставалось и студентам педучилища: они и учились, и ухаживали за ранеными в госпитале; помогали убирать урожай на колхозных полях; дежурили ночами на колокольне Сретенского собора, на коммутаторе в военкомате; патрулировали в ночное время с оружием по улицам города; таскали из реки бревна для строительства защитных укреплений по Ленинградскому шоссе. Так что выражение «трудовой фронт» не было просто метафорой: работа в тылу ради победы тоже была тогда фронтом, особенно для 15–16-летних подростков.

После войны Н.М. Северикова была назначена внештатным инспектором РОНО. В 1946 г. Н.М. Северикова получила от имени Президиума Верховного Совета СССР свою первую правительственную награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1947 г. поступила в Вологодский пединститут. Она всегда была в гуще коллектива: комсорг курса, член редколлегии общепедagogической газеты, член научного студенческого общества, активный участник многих научных конференций. По окончании вуза Н.М. Северикова работала в средней школе, а с 1958 г. в течение 15 лет преподавала во Всесоюзном заочном химико-технологическом техникуме, переименованном в 1970 г. в Московский политехникум им. В.И. Ленина.

С 1964 по 1984 годы она выполняла ответственное общественное поручение: руководила созданным при Минвузе СССР Методическим объединением преподавателей техникумов Москвы и Московской области. В те годы Н.М. Северикова была также чле-

ном Научно-методического совета при НМК Минвуза СССР, членом Института эстетического воспитания АПН РСФСР и Центрального совета Педагогического общества при Академии педнаук.

В 1967 г. она с отличием закончила философский факультет Вечернего университета. С 1971 г. Н.М. Северикова по совместительству работает на историко-филологическом факультете Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В 1973 г. Н.М. Северикова была приглашена работать на филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Методические пособия, которые разрабатывала Н.М. Северикова на каждый семестр в помощь студентам 1 и 2 курса, в 1985 г. рекомендованы проректором Ф.М. Волковым на Выставку достижений народного хозяйства для экспозиции «Университеты страны — ведущие учебно-методические и научные центры».

По поручению деканата она готовила «Пособие для поступающих в МГУ» для зарубежных университетов — издание «Московский университет. Каталог-справочник. Учебный процесс». Как член Научно-методического совета философского факультета и НМС философских факультетов университетов Российской Федерации, Нина Михайловна участвовала в составлении проектов нормативных документов по совершенствованию учебного процесса.

В 1985 г. Н.М. Северикова защитила кандидатскую диссертацию по теме «А.В. Луначарский об искусстве как средстве эстетического воспитания». Ее монография «А.В. Луначарский о воспитании» вышла в издательстве «Высшая школа» в 1990 г.

В 1984 г. Н.М. Северикова была назначена председателем общества «Знание» философского факультета. В 2002 г. вышла юбилейная книга «Философский факультет. Очерки истории», в которой вторая часть — «Отзвуки времени» — о ветеранах философского факультета подготовлена Н.М. Севериковой.

Ею опубликовано более 300 работ; из них около 50 — отдельные издания — учебники, монографии, методические разработки. Успешная научно-методическая, педагогическая и общественная деятельность Нины Михайловны Севериковой многократно отмечалась Почетными грамотами и благодарностями в приказах Главного

управления Министерства ВССО СССР, Московского университета имени М.В. Ломоносова и указах Президента Российской Федерации о награждении ее всеми юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы»; она имеет юбилейный нагрудный знак «250 лет МГУ имени М.В. Ломоносова».

Приложение

Нет у солдата выше долга,
чем устоять и победить

Зиновьев А.А.

Воспоминания о войне¹

Начало войны

Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась на самом деле, она разразилась как гром среди ясного неба. Я не могу описать первые дни войны отчетливо и систематично. Да в этом и нет никакой необходимости: общеизвестно, что это была неслыханная паника и хаос. Это была паника не от животного страха, но паника от хаоса и бессмысленности происходившего. Вдруг обнаружилось, что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом деле фиктивной и не поддающейся управлению. Это была паника самого худшего сорта — паника развала системы, казавшейся надежной. Впавших в панику от страха людей можно было остановить. А тут люди, не знавшие страха, оказались в состоянии полной растерянности. Люди вдруг потеряли какую-то социальную ориентацию в огромной хаотичной массе людей и событий. Ощущение было такое, будто какой-то страшный ураган обрушился на землю, поломал и перепутал все, лишил людей пространственно-временных коорди-

¹ Из книги: *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999.

нат. Куда-то вдруг исчезла вся гигантская командная машина, и командовать людьми стало некому. В этом паническом хаосе мы были предоставлены самим себе.

Отдельные эпизоды этих дней описаны в моих книгах, и я не буду здесь повторяться. Ограничусь краткими замечаниями.

Наше бегство перешло в отступление с боями — приходилось как-то обороняться. Ожидалась атака немецких автоматчиков. Наше сильно поредевшее подразделение было не способно долго обороняться. Было приказано отступать, оставив прикрытие. Несколько человек вызвались добровольцами, я в их числе. Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойно умереть. Это не слова, а вполне искреннее решение. Я заметил, что активная готовность умереть снижает страх смерти и даже совсем заглушает его. Мне не было страшно умереть в бою. Страшно было умереть, будучи совершенно беззащитным и не имея возможности наносить удар врагу. Это мое состояние идти навстречу смерти было лишь продолжением и развитием моего детского стремления преодолевать страх, идя навстречу источнику страха. Скоро показались немцы. Мы начали стрелять. И они открыли стрельбу.

Мне не раз приходилось читать описания психологического состояния людей в первых боях. Может быть, в этих описаниях была доля истины. Но со мной, так же как и с моими товарищами, ничего подобного не было. Мы начали стрелять так, как будто были старыми солдатами, привыкшими убивать. И дело было не только в том, что враги были на расстоянии, мы не видели их лиц и не знали, в кого именно мы попадали. Потом мне пришлось участвовать в уничтожении группы немецких автоматчиков, оторвавшихся от своей части. Два немца залегли около будки высокого напряжения. Я и еще один солдат встали во весь рост и пошли на них с винтовками. Они не стреляли, может быть, растерялись от неожиданности. Мы прикололи их штыками. Произошло это так быстро, что мы просто не имели времени испытать все те психологические переживания, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели.

В этой операции я был ранен в плечо. Ранение оказалось не опасным. Но плечо распухло. Я долго не мог двигать рукой. Ни о

каком госпитале и думать было нечего. Некому было даже перевязать плечо. Я был горд тем, что был по-настоящему ранен. И был рад, что уцелел.

Еще до войны я прошел медицинскую комиссию и был признан годным к службе в авиации. Тогда говорили, что по личному приказу Сталина всех молодых людей, годных по здоровью и имеющих среднее образование, послать из частей в авиационные школы. Я служить в авиации не хотел и не воспринял решение комиссии всерьез. А с началом войны я вообще забыл об этом. И вот в самый, казалось бы, критический момент начала войны меня вызвали в штаб полка, выдали мне на руки мои документы, посадили на грузовую машину, где уже сидело несколько таких же счастливчиков, и куда-то повезли. Оказалось, нас направляли в авиационную школу. Явление это заслуживает внимания: в такой критический момент высшее командование думало о том, чтобы начать готовить летчиков для еще не созданной новой авиации, соответствующей требованиям времени. Значит, еще тогда думали о том, что война будет длиться долго. Должен заметить, что даже в самые трудные периоды войны ни у меня, ни у тех, кто окружал меня, не было сомнения в будущей победе. Воспитание, какое мы получили в школе тридцатых годов, давало знать о себе, несмотря ни на что.

Мудрость командования, однако, прекрасно уживалась с великой глупостью. Вместо того чтобы направить нас в тыл, нас направили на тот же фронт, только на несколько сот километров севернее. Когда мы прибыли (со множеством нелепых приключений) под Оршу, немцы уже были там. Авиационную школу уже эвакуировали. Наша армия готовилась к обороне города. Нас включили в особый батальон, составленный из такого же «сброда», как мы. Документы у нас отобрали, и они затерялись где-то. Батальону было приказано занять район, в котором, по данным разведки, предполагалась высадка немецкого десанта.

После выполнения задания остатки батальона двинулись обратно в расположение главных сил дивизии. По дороге нас задержали части НКВД, обезоружили нас и хотели тут же расстрелять как переодетых диверсантов или как дезертиров: мы были одеты в форму тех родов войск, где служили, и выглядели действительно

как сброд отбившихся от частей дезертиров. Не знаю, почему они не выполнили это решение.

После сдачи Орши мы отступали в направлении к Москве. Я тогда установил для себя, что война — это на пять процентов сражения и на девяносто пять процентов — всякого рода передвижения и работы. А из пяти процентов сражений противника в лицо видит лишь ничтожная часть воюющих. Большинство солдат погибали, ни разу не увидев врага, а многие — даже не сделав ни одного выстрела.

Пустяки почему-то часто лучше запоминаются, чем серьезные явления. Я не могу сейчас достаточно точно описать ни один бой, в котором мне пришлось участвовать. Зато до мелочей помню многие нелепые и смешные случаи. Например, помню, как в расположение нашей части въехали два грузовика с деньгами — эвакуировали какой-то банк. Попросили принять эти деньги, так как они с таким грузом вряд ли смогут пробиться из угрожающего окружения. Какой-то интендант в чине капитана (я сейчас вижу его отчетливо) написал на клочке бумаги расписку, что он принял столько-то мешков денег. У интенданта было такое выражение лица, что никаких сомнений относительно его намерений быть не могло. Мы сказали нашему взводному командиру об этом. Он лишь усмехнулся: мол, если этому идиоту жить надоело, пусть бежит с этими деньгами. Только куда?! Нам почему-то было смешно. Я тогда выдвинул новую трактовку полного коммунизма: при нем деньги будут выдавать по потребности, только купить на них будет нечего. Ребята смеялись над шуткой. Про возможность доноса все как-то позабыли.

Другой смешной случай произошел с необычайно толстым полковником, решившим сыграть роль полководца. Он вылез на бруствер окопа, чтобы осмотреть позиции немцев, которых на самом деле поблизости не было. Но просвистел шальной снаряд, и полковнику срезало голову. Он, однако, продолжал стоять без головы, широко расставив ноги. Мы хохотали до коликов в животе. Смотреть такое зрелище прибегали люди из соседних полков.

Однажды я решил нарушить свои правила осторожности и написал письмо матери. В письме я написал такие слова: «Противник

в панике бежит за нами». Наши письма просматривали особые лица из военной цензуры. Письма просматривали на выбор. Мое письмо случайно оказалось таким. Меня вызвал политрук и потребовал объяснить смысл моей фразы. Я сказал, что противник действительно в панике, но что мы все-таки отступаем из стратегических соображений. Он сказал, что так и нужно написать без выкрутасов: в стратегических целях мы организованно отходим на заранее подготовленные позиции, нанося противнику удары и обращая его в паническое бегство. И упрекнул меня в том, что хотя я студент, а писать грамотно не умею. Письмо я переписывать не стал. Второй раз его не просмотрели, и оно дошло. Мать долго его хранила.

Конечно, война не была развлечением. Были все те ужасы, о которых писали бесчисленные авторы и которые показывались в бесчисленных фильмах. Я их видел и переживал так же, как и другие. Кое-что досталось и мне самому. Я не могу добавить к тому, что уже сказано на эту тему, ничего нового. Кроме того, мое сознание всегда было ориентировано так, что все очевидные ужасы проходили мимо меня стороной. Я видел в происходящем то, на что не обращали внимания другие, а именно нелепость, уродливость и вместе с тем чудовищную заурядность происходившего.

В командных верхах, надо полагать, кто-то все-таки думал о создании авиации, способной конкурировать с немецкой и в конце концов завоевать господство в воздухе. Нас, уцелевших кандидатов в будущие летчики, нашли и направили в Москву, а оттуда — в авиационную школу под Горьким.

Авиация

В последующие годы — 1942–1944-е гг. — я учился в авиационных школах, несколько месяцев был в наземных войсках, служил в различных авиационных полках. Многочисленные мелкие эпизоды, имевшие место со мной в эти годы, дали мне много материала для литературы. Но в реальности они были чрезвычайно прозаичными. И в них не было ничего такого, что сыграло бы принципиальную

роль в моей личной эволюции. Я расскажу лишь о некоторых событиях этих лет, чтобы описать мой образ жизни и мыслей в эти годы.

Особыми способностями в летном деле я не могу похвастаться. Но летал я вполне прилично. В эти годы рухнуло представление о летчиках как о существах особой породы, так как летать стали обучаться не исключительные единицы, а массы случайно отобранных людей. Большинству из них пришлось стать летчиками в силу обстоятельств, а не по призванию. Лишение летчиков ореола исключительности сказалось, в частности, в том, что ликвидировали особую авиационную форму и всякие привилегии. Оказалось, что летать могут научиться практически все здоровые люди. Процент неспособных оказался незначительным, причем многие симулировали неспособность из боязни попасть на фронт и быть сбитым.

Другое открытие сделал я сам. Заклучалось оно в том, что процесс обучения можно было сократить буквально до нескольких недель и упростить. Я встречал некоторых летчиков, которые как-то ухитрились научиться летать на боевых машинах, минуя всякие предварительные и промежуточные. Процесс обучения растягивался в авиационных школах не из-за человеческих возможностей, а из-за недостатка машин и горючего, а также из-за соображений создания резерва летчиков. Как это и характерно для советской системы, бросающейся из одной крайности в другую, к концу войны в стране образовалось перепроизводство летчиков и из авиации стали увольнять даже опытных и заслуженных офицеров.

Я летал на различных типах самолетов, уже к тому времени устаревших. В конце концов стал летчиком на штурмовике Ил-2. Это была машина замечательная. Скорость ее, правда, была незначительная — немногим более четырехсот километров в час. Зато она имела мощное вооружение, была бронированной в самых важных местах, имела очень высокую степень выживаемости. Машина была предназначена специально для борьбы с танками, для бомбежки мостов, железнодорожных узлов и вообще для уничтожения небольших объектов, когда требовалось точное попадание бомб. Очень скоро Илы стали грозой для немцев. Они их прозвали «черной смертью». Илы сбивались истребителями, зенитным огнем и даже из танков. Средняя продолжительность жизни летчиков на

фронте была менее десяти боевых вылетов. В наших наземных частях их называли смертниками. И, несмотря на это, Илы сыграли огромную роль в войне. Они были созданы именно для условий этой войны. После войны они очень скоро были сняты с вооружения.

Трагикомизм жизни

Летали мы с перерывами — кончался «лимит» горючего. В перерывах мы вели жизнь обычных солдат: ходили в наряды, работали, занимались строевой подготовкой и спортом, изучали теорию полетов и историю партии, ходили в самовольные отлучки, пьянствовали, занимались мелкими махинациями. Мы были молоды, не голодали в медицинском смысле, не выматывались физически. На фронтах гибли люди, а мы пока что были в безопасности. Нам предстояло летать, а не ползать в грязи. Моя озабоченность социальными проблемами ослабла и отошла на задний план. Я встречал людей, подобных мне, и вел с ними острые политические разговоры. Некоторые из них были еще более яростными антисталинистами, чем я. Но эти разговоры не имели никакого влияния на наше поведение как обычных курсантов. Я не смотрел на это как на подготовку к какой-то будущей деятельности — о будущем вообще не думалось. Я распропагандировал нескольких курсантов, привив им мои взгляды. Но я не уверен в том, что это влияние было глубоким. Я, конечно, постоянно думал о происходящем, анализировал, обобщал. Но эта интеллектуальная деятельность принимала совсем иной характер, чем в прошлые годы. Она стала более жизнерадостной и литературной. Приведу пример моего шутовства из тех, которые мне запомнились. Инструктор парашютного спорта объяснял нам, как пользоваться парашютом. Сказал, что, если не открылся главный парашют, нужно дернуть кольцо запасного парашюта. Кто-то спросил, что делать, если запасной парашют не открывается. Я тут же ответил за растерявшегося инструктора: надо пойти в склад и обменять парашют на исправный. Над этой хохмой долго потешались потом в школе. Инструктор парашютного спорта взял эту хохму на

вооружение и в своих занятиях с другими курсантами использовал ее для оживления лекции.

Мои шутки принимали порою довольно острый политический характер. Но в те годы критическое отношение ко всему все более распространялось и становилось все более заметным. Так что мои шутки обходились без катастрофических последствий. Я не был единственным хохмачом. Были и другие, имевшие больший успех, чем я. Мои шутки были все-таки слишком интеллигентными. Не все их понимали. В нашем же звене был парень — прирожденный комический актер и импровизатор. Он насыщал свои шутки грубостями, нецензурными выражениями и скабрзностями, имевшими особенно большой успех.

Я выпускал, повторяю, «боевые листки». Помимо сатирических стихов для них и фельетонов, я сочинял шуточные и иногда совсем не шуточные стихи просто так, от нечего делать и для развлечения. Все это куда-то потом пропадало. В 1942–1943 годы я сочинил большую «Балладу об авиационном курсанте». Тогда в школе по рукам ходила другая «Баллада», не знаю, кем сочиненная. Она была сплошь из мата и скабрзных выражений. Я несколько отредактировал ее, но устранить скабрзности полностью было невозможно. Тогда-то я и сочинил свою «Балладу». Сочинил я ее одним махом, то есть за одну ночь в карауле. Она получилась вполне приличной с точки зрения свободы от мата и скабрзности, но зато явно политической. Я прочитал ее своим друзьям, которым мог доверять. Они посоветовали уничтожить ее во избежание недоразумений. В 1975 году я переписал ее заново, припомнив кое-что из первичного варианта. Отрывки из нее были опубликованы в книге «Зияющие высоты», а полный текст в книге «В преддверии рая» (1979).

«Баллада» была написана в духе народного творчества, которое оживилось в войну. Образцом ее была поэма А. Твардовского «Василий Теркин». В 1942–1943-е годы в нашей авиационной школе циркулировала стихотворная поэма, написанная в подражание поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Поэма называлась «Кому в УВАШП жить хорошо» (УВАШП — Ульяновская военная авиационная школа пилотов). Кто был ее автор, не знаю. Может быть, тот же парень, который сочинил хулиганскую «Балла-

ду». Эта поэма была сочинена великолепно. Сюжет ее был такой. На лестнице в учебно-летном отделе встретились семь курсантов и решили выяснить, кому хорошо живется в УВАШП. Они обошли военнотружущих всех категорий, начиная от моториста и кончая начальником школы. Оказалось, что у всех было на что жаловаться. Отчаявшись, курсанты пришли в казарму. И тут они увидели, что, спрятавшись под матрац, прямо на железной сетке спал курсант — сачок Иванов. Увидев его, курсанты поняли, что нашли того, кого искали, — человека, которому действительно хорошо, привольно и весело жилось в УВАШП.

В той замечательной поэме был создан образ армейского сачка. Но это явление стало обычным в советском обществе в послевоенные годы и вне армии. Сачок возник как наследник дореволюционного Обломова, но уже в специфически советских условиях. В моей книге «Желтый дом» есть такой персонаж — младший научно-технический сотрудник Добронравов, ухитрившийся хорошо (с его точки зрения) жить на самой низшей должности в институте. Это был сачок более высокого уровня, чем тот армейский Иванов.

Я много занимался спортом. Некоторое время — боксом. В школе была боксерская секция. Тренером был мастер спорта по боксу. Однажды я стоял в группе зевак, смотревших на тренировку команды школы, готовившейся к соревнованиям. Тренер предложил мне попробовать побоксировать. Я надел перчатки первый раз в жизни. Тренер приказал мне ударить его. Неожиданно для меня самого я ударил его левой рукой и нокаутировал. Он не ожидал этого и не успел защититься. После этого меня приказом по школе включили в команду, освободили от полетов и приказали готовиться к соревнованиям. Я быстро освоил основы боксерской техники и на соревнованиях гарнизона занял первое место: мои противники были такие же «мастера», как и я. Но потом начальник команды приказал мне сражаться с парнем из танкового училища, который на две весовых категории был тяжелее меня, рассчитывая на мою «техничность». И тот парень, конечно, побил меня, хотя техникой бокса владел еще хуже, чем я. После этого я боксом заниматься бросил. Меня за это не наказали, так как наш тренер попал в штрафной батальон за воровство и наша команда распалась.

А главное — я научился ценить реальные блага жизни и пользоваться ими. Спать на посту, наворовать картошки и испечь ее в печурке в караульном помещении, ускользнуть в самовольную отлучку к девчонкам, ухитриться получить дополнительную порцию еды, достать выпить какой-нибудь одуряющей дряни, что еще нужно солдату?!

Пустьяковые на первый взгляд явления бытовой жизни давали мне для понимания реального коммунизма неизмеримо больше, чем толстые и заумные тома сочинений теоретиков. Приведу несколько примеров. Один курсант совершил вынужденную посадку — «обрезал» мотор. Чтобы охранять самолет, создали особый трехсменный пост. Часовые продавали местным жителям бензин, масло, обшивку самолета. Последняя шла на кастрюли, ложки и вилки. Таким путем за несколько дней буквально ободрали самолет до каркаса. Судили тех, кто стоял последним на этом посту. Или другой случай. Один из складов нашей школы был расположен рядом со складом молочного комбината. Часовые, охранявшие склад, проделали дырку в стене склада молочного комбината и через нее воровали сыр. На этом посту и мне довелось стоять. И мне удалось, просунув в дыру винтовку, наколоть штыком головку сыра. Один такой часовой уронил винтовку. Воровство раскрылось. Судили лишь этого парня, хотя было очевидно, что он один не мог сожрать по меньшей мере полсотни килограммов сыра.

Мы относились к подобным историям как к мальчишеским забавам, а не как к преступлениям. Ульи, сыр, самолет и т. п. принадлежали обществу, то есть никому, с точки зрения отдельных индивидов на нашем уровне. Урвать что-то из этого ничейного источника не означало воровство. Только страх наказания удерживал и удерживает людей от хищений «социалистической собственности». Наше поведение было типичным для советских людей. Потом нам политруки «разъясняли», что преступники воровали из «общенародного котла». Но мы воспринимали это как чисто идеологическую болтовню. Обещания пропаганды и идеологии, будто при коммунизме сознание людей достигнет такого высокого уровня, что люди вообще перестанут совершать преступления, мы воспринимали с презрением и насмешкой.

Сейчас уже забыли о том, что в сталинские годы производились регулярно подписки на заем. Это была лишь замаскированная форма снижения заработной платы.

Подписывались на заем и мы, курсанты. Поскольку деньги нам платили мизерные и один заем следовал за другим, я решил одним ударом отделаться от них; я подписался на тысячу процентов месячной зарплаты. Это означало, что десять месяцев я вообще не должен был получать денег. Мой поступок начальство оценило как верх патриотизма, так как остальные курсанты подписались кто на двести процентов, кто на триста, самое большее — на пятьсот. Но тут вдруг политрука осенила мысль: ведь если будет новый заем, мне уже не на что будет подписываться и в эскадрилье не будет стопроцентного охвата курсантов подпиской на заем. Дабы избежать такой перспективы, в подписной ведомости политрук сам стер один нолик в моей сумме. В результате я оказался подписанным лишь на одну месячную зарплату, то есть на сто процентов. Это было меньше всех в эскадрилье. Такого рода «шуточками» я потешался неоднократно. Страх наказания был ослаблен сознанием того, что «дальше фронта не пошлют, больше вышки не дадут» («вышкой» называли высшую меру наказания — расстрел).

На низших уровнях жизни, так же как и на высших, совершается умышленное искажение реальности, которое потом воспринимается как бесспорная истина. В нашем звене был один курсант. Подлиза, наушник, трус. Поскольку служба в авиации стала массовой и принудительной, в ней трусов оказалось не меньше, чем в других родах войск. Но этот парень был трус даже среди трусов. Мы по программе обучения должны были совершить несколько прыжков с парашютом. Этот парень наделал в штаны в прямом смысле слова и облевался от страха уже в самолете. А когда его выбросили из самолета, он умер от разрыва сердца. На землю он спустился уже мертвым. Слух о том, что один летчик погиб, распространился по городу. Наше начальство решило его похороны использовать в воспитательных целях. В газете напечатали его портрет и статью, в которой он был изображен пламенным патриотом и отличником боевой и политической подготовки. О смерти его написали, что он героически погиб при исполнении задания

командования. Похороны его превратились в демонстрацию. Впереди шли мы, курсанты из звена героически обосравшегося пламенного патриота. Шли с полотнищем, на котором большими буквами были написаны слова из «Песни о буревестнике» М. Горького: «Безумству храбрых поем мы славу!» Так и вошел этот трус в «золотой список» школы как образец храбрости. Каюсь, это полотнище было моей затеей. Когда я писал этот лозунг, все присутствовавшие буквально плакали от смеха.

Мы, естественно, жили в атмосфере слезки и доносов. Время от времени какой-либо курсант исчезал. Ходили слухи, что его «взяли за политику». Мы обычно избегали разговаривать в опасном направлении и были осторожны. Выработалось умение сразу определять, с кем и о чем можно было говорить. Кроме того, было ясно, что «органы» работали сугубо формально, то есть отбирали жертвы более или менее случайно и в соответствии со своими собственными критериями: им надо было «обозначать» свою деятельность перед вышестоящим начальством («щелкать каблуками»), но так, чтобы не вредить подразделению, в котором они работали, и самим себе. Им надо было показать, что они «бдят», но что часть является здоровой в идейно-политическом отношении. Имея в изобилии осведомителей и доносы, сотрудники «органов» производили отбор жертв так, что серьезные идейные враги (вроде меня) оставались порою нетронутыми, а в их сети попадали люди, сдуру сболтнувшие лишнее слово.

В моих личных взаимоотношениях с «органами» все это время не произошло ничего особенного, если не считать случая с аварией самолета, не имевшей никакой связи с прошлым.

«Гусарство»

После окончания военной школы я принял решение начать бездумную жизнь «гусара» современной армии — рядового летчика без всяких карьеристских амбиций. Я начал пить водку. Я обнаружил, что могу нравиться женщинам. Мне стало нравиться проводить время в разгульных компаниях, участвовать в рискованных

приключениях. Все это создало мне репутацию бесшабашного гуляки и балагура. За это меня любили на самом низшем уровне армейской иерархии.

За боевые вылеты нам давали по сто грамм водки. Мы к ним добавляли еще всякие одуряющие напитки, добытые на стороне. Мой стрелок был большой мастер по этой части. Во время войны на такое «гусарство» смотрели сквозь пальцы: лишь бы человек хорошо летал. Но все же это учитывали, ограничивая присвоение званий, присуждение наград и повышение в должностях. А я к этому и не стремился. Я не был исключением: такими было большинство рядовых летчиков.

С такими пороками я, как и другие, мог бы вполне нормально продолжать службу и даже вознаграждаться за нее, если бы не «политика». В полку уже был летчик, пострадавший за «политику». Хотя он совершил около ста боевых вылетов, у него не было никаких наград и не было никакого звания. Он был разжалован, лишен наград и осужден на десять лет за антисталинские высказывания. Был в штрафном батальоне, кровью искупил свое преступление и был возвращен в полк. Мы с ним почувствовали друг в друге родственные души и подружились. В моей жизни это был самый глубокий антисталинист.

В книгах и фильмах многократно прославлена фронтовая дружба. Не спорю, общая опасность сближает людей. Но совсем не так сильно, как принято считать. Уже в начале войны я заметил, с каким равнодушием люди относились к гибели товарищей. Погибших забывали очень быстро. Людьями владели другие чувства — страх, стремление к самосохранению, к выгоде хоть в чем-либо. Тяжелые и опасные условия не ослабляли, а усиливали общие принципы поведения людей в массе себе подобных. Героические и самоотверженные поступки люди совершали в порядке исключения. В большинстве известных мне случаев люди, слывшие героями, были отобраны на эту роль начальством. Награды выдавались тоже в зависимости от решений начальства. Настоящие герои обычно погибали и редко вознаграждались. Коммунистические принципы распределения наград, должностей и даже репутации действовали и в условиях человеческой бойни.

Это время было весьма противоречивым. С одной стороны, я все глубже погружался в трясину «гусарства», а с другой стороны, во мне стали усиливаться мои социальные и литературные наклонности. Я принципиально отказался от всяких попыток выслуживаться и делать карьеру, отдавшись с этой точки зрения во власть обстоятельств. Таких, как я, было много. Служба в авиации располагала к этому. С одной стороны — привилегированные условия, уважение к ним как к смертникам. С другой стороны — возможность быть сбитым в ближайшем же бою и готовность погибнуть в любой момент. Считается, что плохие условия жизни способствуют развитию безразличия к жизни и готовности к смерти. Я на основе своих наблюдений убедился, что это далеко не всегда верно. Я не раз видел, как люди в самом жалком состоянии цеплялись за жизнь любой ценой и как люди с довольно благополучными условиями отважно шли на смерть. Именно хорошие условия в авиации развивали в нас готовность к смерти, ибо все равно уклониться было нельзя. Да мы и не стремились уклоняться, за редким исключением. Участие в боях делало нас исключительными личностями, уклонение же от этого каралось презрением.

Я время службы в авиации считаю одним из самых лучших в моей жизни. Самые опасные для штурмовиков годы войны прошли. Советская авиация завоевала господство в воздухе. Нас сбивали, но не так часто, как раньше. Средняя продолжительность жизни летчика увеличилась с десяти до пятнадцати, а к концу войны даже до двадцати боевых вылетов. Кормили нас по тем временам превосходно. Одевали по общевойсковым нормам, но мы ухитрились раздобывать щегольское обмундирование. Плюс летное обмундирование тоже придавало нам вид аристократии армии. После полетов нам давали водку официально. Мы добавляли еще. Вечерами проводили время на танцах. В полку было много девушек — радистки, мотористки, механики. Многие из них были красивыми и имели среднее образование. Плюс к тому в зенитных батареях, охранявших наши аэродромы, служили в основном девушки.

Дело шло к победе. В армии назревало состояние ликования по этому поводу. Это было время наград. Летать стало не так опасно,

а награды получать стало легче. Началась оргия наград. Причем награды как из рога изобилия сыпались на начальство и на всех тех, кто вообще в боях не участвовал. Я тогда произвел свои измерения и установил, что более семидесяти процентов наград были даны людям, вообще не участвовавшим в боях в собственном смысле слова. Много лет спустя, когда признали конкретную социологию, я с удивлением узнал, что произвел свои те вычисления военных лет вполне корректно. Вся масса людей, от которых зависела наша жизнь, становилась добрее и великодушнее. Люди стали свободнее себя чувствовать в смысле выражения мыслей.

Я не буду описывать конкретно боевые эпизоды. Это обычно была рутинная работа, интересная только опасностью и приятными последствиями, если ты уцелел. Помню лишь общее психологическое состояние, связанное с ними. Должен сказать, что я, как и другие, с удовольствием принимал участие в боевых вылетах. Настроение было праздничным, приподнятым. Было приятно ощущать себя обладателем мощной боевой машины, было приятно бросать бомбы и стрелять из пушек и пулеметов. Жертвы нашей «работы» мы не видели близко. Они фигурировали в наших отчетах в виде чисел убитых солдат и офицеров противника и уничтоженной техники. Иногда мы летали бреющим, то есть на малой высоте, расстреливая из пушек и пулеметов мечущихся на земле людей. И это тоже доставляло удовлетворение. По нас, конечно, стреляли зенитки. На нас нападали «мессера». И многих сбивали. В этом было мало приятного, но мы знали, что если тебе суждено погибнуть, то «это только раз». Смерть в штурмовой авиации была быстрой и безболезненной. В случае попадания штурмовик, начиненный бензином, бомбами и снарядами, обычно взрывался в воздухе или при ударе о землю. Кроме того, немцы летчиков-штурмовиков в плен не брали: убивали на месте.

Машина, на которой я летал (Ил-2), была потрясающей во многих отношениях. Я ее считаю самым гениальным изобретением для целей войны. Однажды я должен был фотографировать результаты работы эскадрильи по бомбежке железнодорожного узла. Я должен был зайти на цель, включить фотопулемет и ни в коем случае не маневрировать, то есть не уклоняться от зенитного огня.

И меня основательно изрешетили. Один снаряд угодил в ящик для пулеметных лент, другой — в мотор. Несколько цилиндров вышло из строя. Но я все-таки дотащился до ближайшего аэродрома, где «сидел» другой полк, и приземлился. Осматривавшие мою машину инженеры заявили, что в таком состоянии самолет теоретически не мог лететь. Но я все-таки долетел.

Натура общества

Одновременно с нарастанием тех благ, о которых я говорил выше, происходило нарастание явлений противоположного характера. Страна оправилась от шокового состояния поражений и восстановила уверенность в способности выжить. Объективные закономерности отношений между людьми и их поведения стали заявлять все настойчивее и очевиднее. В условиях поражений, растерянности и перестройки страны в ходе разрушительной войны социальный аспект жизни отошел на задний план. Теперь же он снова стал заявлять претензии на главные роли. Например, награды стали самым циничным образом распределяться в соответствии с чинами и формальными принципами оценки людей, а не в зависимости от личных заслуг. Карьеристы, подхалимы и приспособленцы получили преимущества в продвижении по службе и в получении чинов. Фиктивные дела стали занимать место дел фактических, преувеличение успехов в отчетах стало принимать гротескные формы.

Однажды я сказал по этому поводу, что если бы в наших отчетах о военных успехах была хотя бы половина правды, то у немцев уже не должно было бы остаться ни одного солдата, ни одного танка, ни одного самолета. О моем высказывании донесли политику, и я имел с ним неприятную беседу. В результате мою кандидатуру на должность старшего летчика отклонили. Вместо меня назначили только что прибывшего в полк неопытного летчика, который успел стать комсоргом полка и кандидатом в члены партии. Я же был беспартийным. Такого рода случаи, когда «тыловикам» отдавали предпочтение, становились обычными. А что касается

наград, то со мной произошел случай, весьма характерный с этой точки зрения. В один из совершенно безопасных боевых вылетов мне вместо стрелка посадили майора из политотдела дивизии. Майору нужно было иметь в своем активе личное участие в боях, чтобы получить высокую награду. Ко мне его посадили потому, что я считался самым «мягким» (или «плавным») летчиком эскадрильи. Полет был фактически прогулкой — мы бомбили какой-то мирный населенный пункт. Я решил проучить майора. Я вел машину специально так, что его стало мутить. К тому же он перед вылетом выпил для храбрости стопку водки. Он облевал всю кабину стрелка и фюзеляж самолета. Когда мы приземлились, он чуть живой вылез из самолета и хотел уйти, но я его заставил вымыть кабину и фюзеляж, угрожая пистолетом. Мне за эту выходку дали двое суток ареста. А майора наградили орденом Красного Знамени за участие в боях и «проявленную при этом храбрость». Кроме ареста, я был наказан тем, что меня отстранили от очередной законной награды.

О том, до какой нелепости дошла наградная система, говорит хотя бы такой факт. К нам в воздушную армию прибыла важная комиссия из Москвы. Я был дежурным по полку, когда комиссия должна была прибыть к нам. Зная по опыту, на что обычно обращают внимание в таких случаях, я мобилизовал всех людей, не занятых на аэродроме, на уборку мусора в расположении полка и в помещениях. Я попал, как говорится, в яблочко. В других полках комиссия возмущалась именно захламленностью территории, окурками в помещениях, плохой заправкой коек. В нашем полку она была потрясена порядком. За это ряд старших офицеров полка был награжден орденами и медалями, а меня наградили почетным оружием — немецким пистолетом «вальтер».

Германия

Германия ошеломила нас своим сказочным (сравнительно с нашей российской нищетой) богатством. Миллионы советских людей вдруг увидели, что тот уровень жизни, о каком они мечтали как о

коммунистическом изобилии, уже был обычным уровнем в Германии, а значит, так думали люди, и в других капиталистических странах. Как мыльный пузырь, лопнул образ капиталистических стран, создававшийся советской идеологией и пропагандой. Достойной насмешки стала марксистская сказка об обществе изобилия в будущем. Еще более убогой стала выглядеть российская убогость. Советские люди, придя в Германию, не увидели того, как добывалось такое изобилие, какую цену люди тут платили за него. Они видели лишь очевидные результаты — дома, дороги, одежду, обувь, посуду и другие вещи, которые до сих пор являются предметом мечтаний и мерилем богатства для советских людей. И то, что они видели, оказывало на них гораздо более сильное влияние, чем слова идеологии и пропаганды об эксплуатации и каторжном труде. И до сих пор советским людям Запад представляется как общество изобилия материальных ценностей. До сих пор советские люди игнорируют то, что за это изобилие западным людям приходится платить высокую цену — цену, которую сами советские люди платить не хотят.

Миллионы советских людей вошли в Германию как победители. Массы населения Германии бежали от советской армии, бросая все свое имущество. Это усиливало видимость богатства. Причем богатство это было доступно. Оно рассматривалось как военные трофеи. Началось организованное и стихийное разграбление брошенных ценностей. И не только брошенных.

Военнослужащие полка стали стремительно «обарахляться». За трофеями снаряжались специальные машины и команды. Потом трофеи делились в полку в соответствии с чинами и званиями. Началась оргия посылок в Советский Союз. Опять-таки по нормам. Я категорически отказался участвовать в «обарахлении» и в дележе трофеев. Я сказал себе, что, если даже под ногами у меня будут валяться бриллианты, я не унижусь до того, чтобы нагнуться за ними. Я до сих пор горжусь тем, что не взял в брошенных домах даже зубную щетку. Такое мое поведение вызывало недовольство у прочих офицеров полка. Они чувствовали себя грабителями, глядя на меня. Со мной имел длинный разговор новый замполит полка, убеждая меня в том, что трофеи есть законная плата немцев за ущерб,

причиненный ими нашей стране. Я не оспаривал его мнение, но оставался при своем. Я говорил, что не имею ничего против того, что наши солдаты и офицеры подбирают вещи, брошенные немцами. Я лишь сам не хочу это делать принципиально.

Подавляющее большинство солдат и офицеров нашей армии вообще не имели возможности приобретать «трофеи» или получали ничтожные подачки. Грабежом Германии занималось меньшинство. Но все равно этих «барахольщиков» было много, и они влияли на общие настроения «барахольства» в армии. У нас в полку было несколько таких хапуг. Их презирали. Настоящими грабителями, однако, были офицеры, сержанты и солдаты частей, обслуживавших боевые части, специальные трофейные команды, старшие офицеры и генералы. Многие грабили очень практично, умело и со знанием дела. Они вывезли из Германии действительно огромные ценности. Выше я упоминал об офицере, который симулировал потерю ориентировки и стал адъютантом эскадрильи. После окончания войны он сразу же демобилизовался из армии. Уехал он с двенадцатью битком набитыми чемоданами. Не знаю, сумел он довести их до дома или нет. Он увозил вещи на первый взгляд бессмысленные, например швейные иголки и копировальную бумагу для пишущих машинок. Но в то время такие вещи были дефицитом в России и стоили больших денег. Один из генералов нашей армии, случайно напоротившийся на забытую мину и раненный в ноги, уехал в Союз с двумя вагонами «барахла». В этом «барахле» были дорогие концертные рояли, мотоциклы, зеркала, фарфоровая посуда, серебряные и золотые столовые приборы, картины, рулоны мануфактуры, ящики вин. Уже находясь в резерве, я познакомился с бывшим офицером трофейной команды. Он уезжал домой «налегке»: с мешочком драгоценностей.

У этого офицера сложилась забавная судьба. Он был летчиком-истребителем, успешно летал, сбил несколько немецких самолетов, был награжден многими орденами, был сбит и ранен, после госпиталя допущен к полетам лишь на легкомоторных самолетах, стал летчиком связи при штабе корпуса. Однажды ему надо было доставить политического генерала в штаб армии. Он спяну потерял ориентировку и сел на территорию, занятую немцами. Генерал

вылез из самолета. Летчик увидел немцев, бегущих к самолету. И генерал их увидел. Но летчик не стал ждать, пока генерал влезет в кабину, дал газ и пошел на взлет. Генерал успел схватиться за руль глубины. Схватился с такой силой, что прорвал обшивку. Так с генералом на хвосте, то подпрыгивая на несколько метров, то плюхаясь обратно на землю, самолет проскочил линию фронта. Генерал все-таки выжил. Летчик оправдался тем, что все-таки спас генералу жизнь. Из авиации его отчислили. И он через каких-то друзей устроился в трофейную команду.

Германия поразила нас также обилием общедоступных женщин. Практически доступны были все, начиная от двенадцатилетних девочек и кончая старухами. Сейчас мне иногда приходится слышать, будто советская армия насильовала немецких женщин.

В той мере, в какой мне была известна реальная ситуация, могу сказать, что это утверждение абсурдно. Когда мы вошли в Германию, немецкие женщины уже почти все были изнасилованы, если они вообще оказывали сопротивление. И почти все были заражены венерическими болезнями. В нашей армии за изнасилование судили военным трибуналом, а заболевших венерическими болезнями отправляли куда-то на принудительное лечение. Я видел однажды эшелон, полностью набитый такими больными. Вагоны (конечно, товарные) с больными сифилисом были заперты снаружи, окна были затянуты колючей проволокой. В одной деревне нас распределили на ночлег по домам. Хозяин дома, старик, вышел к нам и предложил в наше распоряжение дочь и внучку. В руках у него был лист бумаги, в котором расписывались те, кто пользовался его «гостеприимством». Немцы чувствовали себя соучастниками Гитлера и виновными в том, что немецкая армия творила в Советском Союзе. Они ожидали нечто подобное и со стороны советской армии. И готовы были услужить чем угодно, и в первую очередь — женским телом. Надо сказать, что советские солдаты эту возможность не упускали. Сколько из них заболело венерическими болезнями, трудно сосчитать.

Моя служба на территории Германии началась с трагикомического случая. Я мог объясняться по-немецки. Поэтому некоторые офицеры, желавшие завести амурные дела с немками, обращались

ко мне за помощью. В их числе оказался тот самый майор из политотдела дивизии, о котором я уже упоминал. Я познакомил его с очень красивой женщиной, на которой несколько ребят подцепили гонорею. Потом в дивизии потешались над тем, что «Зиновьев наградил триппером майора К.». Тайну выдал он сам: обнаружив болезнь, он пожаловался на меня в Особый отдел.

Однажды в расположении полка задержали мальчика, прокалывавшего шилом шины наших автомашин и мотоциклов. Много лет спустя я рассказал об этом моим аспирантам из ГДР. Один из них покраснел и сказал, что это был не он. Но я подозреваю, что это был именно он, так как он был родом как раз из этого поселка и по возрасту подходил. Он стал членом компартии и сделал приличную карьеру.

Последние бои

Хотя война перенеслась на территорию Германии, немцы воевали с ожесточением. Временами нам приходилось туго. Во время одного из боевых вылетов немцы сбили сразу четыре наших самолета. В этот вылет подбили и меня. В моей машине насчитали более тридцати пробоин.

Около Берлина мы впервые увидели в воздухе немецкие реактивные самолеты Me-262. Они вызвали у нас восхищение, а не страх. Война кончалась, и эти чудесные самолеты не могли изменить ее очевидный исход. Мы дважды подвергались их атакам и оба раза успешно отразили их. В 1982 году в Мюнхене мне позвонил человек, назвавшийся доктором Мутке. Он узнал обо мне от швейцарского генерала, читавшего мои книги и приглашавшего меня на конференции. Из разговора с ним я узнал, что во время войны он летал на Me-262 как раз на нашем участке фронта. Мы потом встречались не раз и подружились. Он, как и я, сохранил психологию летчика той войны.

Из-под Берлина наш полк перебросили в Чехословакию, где мы встретили капитуляцию Германии. На радостях мы бросились на аэродром и расстреляли весь боевой комплект в ознаменование победы. Но оказалось, что для нас война еще не окончилась. Нам при-

шлось воевать еще несколько дней. И эти полеты были не безопасными. Один летчик был подбит, сел в расположении противника. Его со стрелком сожгли живьем вместе с самолетом. У меня был поврежден руль глубины. При посадке тяга руля совсем оборвалась. Если бы я в воздухе сделал резкое движение, то гибель была бы неизбежна.

Первые дни мира

Война окончилась. Но я и многие другие летчики не испытывали по этому поводу ликования. Наоборот, мы жалели, что война кончилась. Роль смертника меня вполне устраивала. В этой роли я пользовался уважением, мне прощалось многое такое, что не прощалось тем, «кто ползал». С окончанием войны все преимущества смертника пропадали. Мы из крылатых богов превращались в ползающих червяков.

Этот перелом мы почувствовали сразу. Одного заслуженного летчика посадили под арест и затем судили офицерским судом чести за то, что не отдал честь штабному офицеру, старшему по чину. Судили в назидание другим, так как армия на глазах разлагалась. После нелепого и оскорбительного суда летчик застрелился. Узнав об этом, я понял, что мне не место в армии мирного времени, и принял решение при удобном случае демобилизоваться.

На банкете в Кремле в честь победы Сталин поднял тост за русский народ. Он имел в виду этнических русских. По поводу тоста я сочинил стихотворение. В 1975 году я восстановил его и включил в книгу «Светлое будущее». А тогда, в 1945 году, мне пришлось отречься от авторства, когда Особый отдел пытался найти автора.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТОСТ

Вот поднялся Вождь в свой невзрачный рост
И в усмешке скривил рот.
«Поднимаю, — сказал, — этот первый тост
За великий русский народ!
Нет на свете суровой его судьбы.

Всех страданий его не счесть.
Без него мы стали бы все рабы,
А не то что ныне мы есть.
Больше всех он крови за нас пролил.
Больше всех источал он пот.
Хуже всех он ел. Еще хуже пил.
Жил как самый паршивый скот.
Сколько всяческих черных дел
С ним вершили на всякий лад.
Он такое, признаюсь, от нас стерпел,
Что курортом покажется ад.
Много ль мы ему принесли добра?!
До сих пор я в толк не возьму,
Почему всегда он на веру брал,
Что мы нагло ввали ему?
И какой народ на земле другой
На спине б своей нас ютил?!
Назовите мне, кто своей рукой
Палачей б своих защитил!»
Вождь поднял бокал. Отхлебнул вина.
Просветлели глаза отца.
Он усы утер. Никакая вина
Не мрачила его лица.
Ликованием вмиг переполнился зал.
А истерзанный русский народ
Умиления слезы с восторгом лизал,
Все грехи отпустив ему наперед.

Социологические размышления

За время войны моя юношеская «социологическая болезнь» ослабла, но не исчезла насовсем. Время от времени она давала знать о себе, в особенности в связи с наградами, присвоением званий, продвижением по службе и прочими «бытовыми» явлениями, включая даже распределение женщин. Общие законы коммунизма тут действовали с

циничной обнаженностью. Конечно, были многочисленные случаи, когда личные заслуги и способности играли роль. Но в общей массе их было не так уж много. Я не знаю ни одного случая, чтобы молодой человек за счет личных достоинств поднялся бы выше полковника. Стремительные карьеры совершались по законам сугубо социальным, а не профессиональным. Василий Сталин быстро стал генералом, будучи полным ничтожеством. Такого рода взлеты в карьере, как в Гражданскую войну, в эту войну были исключены. Тогда унтер-офицеры и младшие офицеры молниеносно поднимались на высшие военные должности. Гражданская война была войной революционной. Война же с Германией была войной уже установившегося коммунистического общества от внешнего нападения. В ней главную роль играли законы утвердившегося коммунизма, а не законы революционной эпохи. Несколько ускорились карьеры внутри каждого из трех (грубо говоря) слоев армейской иерархии — низшего, среднего и высшего. Лейтенанты быстрее продвигались в капитаны, майоры быстрее продвигались в полковники, генерал-майоры быстрее двигались к званиям генералов армий и маршалов. Это происходило за счет потерь, расширения армии и общего повышения людей в чинах и званиях. Но переход из низшего слоя в средний и из среднего в высший в массе почти не ускорился. И в подавляющем большинстве случаев такой переход происходил не на основе реальных заслуг людей, а на основе социальных взаимоотношений, ничего общего не имевших с героизмом и талантом. Я этой проблемой интересовался специально. И если уж война не поколебала стабильность системы продвижения по служебной лестнице, так думал я, то тем более эта система должна стать стабильной в мирное время. Время Наполеонов прошло.

О войне

Понимание причин, сущности хода и последствий войны есть один из пробных камней западного способа мышления. Мне приходилось вести сотни разговоров на темы прошлой войны с западными людьми самых разных категорий и национальностей. Я был пора-

жен тем, как мало эти люди знали о войне и как извращенно они ее оценивали. Я не хочу сказать, что все люди на Западе таковы. При желании и тут можно найти знающих и понимающих людей, более или менее объективные книги. Я здесь имею в виду состояние массового сознания, причем в той мере, как мне это удалось заметить. Характерным для него, на мой взгляд, является игнорирование социальной сущности войны, искажение роли западных стран, недооценка роли Советского Союза и его армии, переоценка интеллекта западных политиков и вклада западных стран в разгром Германии. С методологической точки зрения характерным для западного способа мышления обо всем, что касается Советского Союза, является стремление найти некое сенсационное разоблачение неких секретов, одним махом объясняющих все. Одеревенелость и поверхностность суждений, ползучий эмпиризм и прочие явления мышления, которые мы в школьные годы называли «метафизическим» способом мышления, оказались вполне реальными свойствами западного массового понимания важнейших событий современности.

В мою задачу не входит исследование войны, как таковой. Я касался и намерен впредь касаться войны лишь постольку, поскольку она была фактором в моей жизни, конкретнее говоря, в моем жизненном эксперименте и в моем понимании советского общества. Лишь с этой точки зрения хочу обратить внимание читателя на некоторые уроки войны, которые я извлек лично для себя.

Выражение «мировая война» не является научным понятием. Оно обозначает лишь тот факт, что в войну вовлекаются страны, играющие в соответствующее время решающую роль в мировой истории. Но тем самым еще не определяется социальный тип войны. Чтобы охарактеризовать социальный тип войны, нужно охарактеризовать социальный тип стран, участвующих в войне, и их цели. А с этой точки зрения между Первой и Второй мировыми войнами имеется существенное различие. Первая мировая война была войной между социально однотипными противниками. Это была война за передел мира. Классически ясное описание этого типа войны дано Лениным, и я здесь не хочу повторять общеизвестные истины на этот счет. Что же касается Второй мировой войны, то тут сложилась прочная традиция умолчания относительно

ее социального характера. Советская концепция вносит некоторое разнообразие, рассматривая эту войну со стороны Советского Союза как войну отечественную. Но слово «отечественная» несколько не характеризует социальный аспект войны.

Я утверждаю, что Вторая мировая война была социально неоднородной. Она содержала в себе два типа войн: империалистическую войну в ленинском смысле (войну однотипных капиталистических стран за передел мира) и войну социальную, то есть войну между двумя социальными системами — между капитализмом и коммунизмом. Война гитлеровской Германии против Советского Союза была, по существу, попыткой стран Запада раздавить коммунистическое общество в Советском Союзе. Причем это не была война одинаково виновных с точки зрения ее развязывания партнеров. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготовиться не успел.

Социальная война как составная часть Второй мировой войны, причем главная и фундаментальная ее часть, показала, что коммунистический социальный строй способен выдерживать трудности и катастрофы эпохального и глобального масштаба. Он родился в результате Первой мировой войны как следствие катастрофальной ситуации в России и как средство преодоления этой ситуации. И в годы после революции, в годы Второй мировой войны и в последующие годы после нее он доказал со стопроцентной очевидностью, что он есть социальный строй, как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их. В эти годы стало также очевидно, что этот социальный строй не способен успешно конкурировать с капиталистическим строем в сфере экономики и поднять жизненный уровень населения выше такового в странах Запада. Но это бесспорное обстоятельство несколько не колеблет первое, а именно поразительную способность коммунистических стран выживать в условиях, немислимых для стран Запада. И с этим объективным обстоятельством Запад должен так или иначе считаться. Потоком слов, скрывающих это, можно затуманить сознание людей. Но словами не уговоришь историю эволюционировать в том направлении, как хотелось бы.

Бесспорно, что страны Запада помогли Советскому Союзу разгромить гитлеровскую Германию. Но ведь они это сделали не из любви к коммунизму. Сначала они приложили титанические усилия к тому, чтобы направить гитлеровскую экспансию на Советский Союз. Стать союзниками Советского Союза их вынудили исторические обстоятельства. Важен фактический результат: они помогли. Вторая мировая война переросла в войну социальную. Коммунизм вышел победителем из нее. Инициатива мировой истории перешла к коммунизму. Капитализм оказался в позиции обороны. Проблема реального коммунизма и его исторических перспектив стала главной проблемой современности. И никаких иных, более глубоких, «секретов» во Второй мировой войне нет. Всякого рода «новые» ее концепции касаются лишь хода войны и ее второстепенных событий, а не ее сути, или являются лишь новыми формами фальсификации истории.

За что боролись

В начале войны несколько миллионов советских военнослужащих оказались в плену у немцев. Многие люди на Западе усматривали и до сих пор усматривают в этом признак отрицательного отношения к советскому социальному строю. Это мнение абсурдно. В плен сдавались целые подразделения, даже армии. Сдавались не из ненависти к коммунизму, а в силу военной безвыходности положения, бездарности командования и других причин, не имеющих ничего общего с отношением людей к своему социальному строю. Под Сталинградом в плен сдалась армия Паулюса вовсе не из-за того, что немцы вдруг невзлюбили национал-социализм. Когда в плен сдается целое подразделение, мнение отдельных солдат не спрашивают. Конечно, многие советские люди сотрудичали с немцами. Но многие ли из них делали это из ненависти к советскому социальному строю?! Большинство делало это из шкурнических соображений, из желания просто выжить, из страха. Среди советских людей шкурников, трусов, подлецов, приспособленцев, двурушников имеется не меньше, чем среди западных людей. Приписывать массам советских людей поступки в силу ненависти к социальному строю — значит сильно

идеализировать их. Можно не любить советский строй и мужественно сражаться на войне за него. Можно любить его и быть при этом трусом и предателем. Генерал Власов стал предателем, потому что ему не повезло. Сложись иначе его военная судьба, он вошел бы в число сталинских холуев. Советская официальная концепция войны утверждает, что война была освободительная и отечественная, что советские люди были охвачены чувством патриотизма и благодаря этому мы победили. Не спорю, в массе народа было много патриотов. Но победа в войне была прежде всего победой социального строя страны и лишь во вторую очередь победой патриотизма, героизма и прочих общечеловеческих качеств.

Абсурдно также мнение, будто советские люди сражались за Родину, а не за советский социальный строй. Ко времени начала войны коммунистический строй для большинства советских людей стал их образом жизни, а не политическим режимом. Отделить его от массы населения было просто невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита ими себя и своей страны означала защиту нового социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносильен разгрому самой России. Победа России означала победу коммунизма.

Несмотря ни на какие потери в первые месяцы войны, несмотря на превосходство немцев в технике и организации операций, в моем окружении я не встречал ни одного человека, который не верил бы в нашу победу. Конечно, тут играла роль боязнь людей высказываться откровенно. Но дело не только в этом. Уверенность в победе базировалась на факторах, которые были очевидны для всех нас и общеизвестны. Главные из этих факторов суть способность самого коммунистического социального строя выживать в трудных условиях и неоднородность стран, считавшихся «капиталистическим окружением». Мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей. Они были уверены в том, что победа Германии была бы для них катастрофой. Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее.

Сила и слабость

Считается, что наши слабости суть продолжения наших достоинств. Но в такой же мере верно и другое: наши достоинства суть продолжения наших слабостей. Во всяком случае, война обнаружила, что в отношении Советского Союза было верно как то, так и другое. Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, что как сила, так и слабость Советского Союза проистекали из одного и того же источника — из его социального строя.

Поражения начала войны обычно сваливают на высшее руководство страной и на Сталина лично. Но ведь уже перед войной в основном сложилась коммунистическая организация населения страны и система власти и управления, пронизывающая все общество. Уже тогда дала о себе знать низкая степень деловой эффективности коммунистической системы, причем даже в таком деле, как подготовка к войне. Эта система обнаружила способность сравнительно быстро поднимать страну из состояния разрухи до некоторого уровня, высокого сравнительно с уровнем разрухи. Но она при этом быстро достигала потолка, и в действие вступали тенденции к застою, к разрастанию бюрократии, к волоките, к очковитирательству и другие явления реального коммунизма, о которых лишь теперь заговорили в Советском Союзе. Впрочем, и теперь говорят о них как о недостатках, которые явились результатом ошибок прошлого руководства и которые можно преодолеть. Начав «думать по-новому», советские руководители так и не рискнули углубиться до объективных законов своего общества как главной причины уже очевидных всем недостатков.

Поражения начала войны вынудили советское руководство к тому, чтобы использовать преимущества советского строя, позволяющего мобилизовать все силы и все ресурсы страны на оборону и использовать их централизованным образом. При этом не надо думать, что перед войной и в начале войны проявились лишь негативные свойства строя, а потом — лишь позитивные. Во все периоды действовали и те и другие. Просто в различных условиях получали некоторые преимущества те или другие.

В оценке возможностей и способностей коммунистического

строю надо быть диалектиком в хорошем смысле этого слова, то есть проявлять гибкость мышления, избегать односторонности и одеревенелости мысли. Это я заметил уже тогда на массе жизненных примеров. Вот некоторые из них, на которые я обратил внимание еще в годы войны. Перед войной в армии произошла «чистка», было арестовано огромное число командиров всех рангов, особенно высших. Это катастрофически сказалось на состоянии высшего командного состава армии и внесло свою долю в поражения начала войны. Но нет худа без добра. Эти репрессии привели к обновлению низшего и среднего командного состава армии. На место малограмотных командиров пришли люди со средним и высшим образованием. И этот фактор сыграл важнейшую роль в войне. В свое время Бисмарк сказал, что в битве при Садовой победил немецкий народный учитель. О нашей войне можно сказать (разумеется, в том же метафорическом смысле), что в ней победил советский десятиклассник, то есть выпускник советской школы тридцатых годов.

Тысячи летчиков стали готовить с самого начала войны. Готовили медленно, причем не с сознательным намерением замедлить процесс подготовки, а потому что не могли делать быстрее в силу общих принципов организации всякого дела. Но опять-таки эта медлительность сыграла и свою положительную роль. К концу войны накопили огромные резервы летчиков. Аналогично произошло с самолетами. К концу войны страна имела мощную авиацию.

Война шла долго, а между тем никто из тех образованных и способных молодых людей не поднялся в ряды высшего командования. Последнее так и сохранили за собою люди, ставшие генералами еще до войны и бывшие сталинскими «выдвиженцами». В этом была серьезная слабость советской армии. Не только слабость, но и сила. Война была не просто решением «технических» задач убийства солдат противника. Это было прежде всего социальное сражение. Главным было удержать армию под социальным контролем, а не «технические» военные проблемы.

Понимало это сталинское командование или нет, оно действовало в духе времени и возможностей.

Вследствие поражений начала войны пришлось самые важные в военном отношении предприятия эвакуировать в глубокий тыл и

создавать новые. Волонтеристские сталинские методы сыграли при этом свою положительную роль в смысле ускорения темпов создания военной промышленности и рационализации ее работы, в смысле преодоления косности бюрократической системы управления. Одновременно сталинистский волонтаризм становился препятствием в проявлении положительных качеств государственно-бюрократической системы управления.

Одним словом, наблюдая предвоенную ситуацию в стране и ход войны с позиций человека, погруженного в самые недра советского общества, я накопил достаточно материала, чтобы сделать для себя вывод: если я хочу понять сущность, внутренние механизмы, объективные закономерности грандиозного жизненного потока, я должен снова начать учиться.

Знать и понимать

Невозможно в деталях проследить, какими путями формируется мировоззрение и характер человека. Хотя я себя в этом отношении делал сам и постоянно занимался самоанализом, все равно многое из того, что когда-то играло роль, испарилось бесследно. Иногда серьезные, казалось бы, события и явления не оказывают никакого влияния на этот процесс. А иногда пустяки производят перевороты в сознании. Еще до войны, работая в секретном отделе полка, дивизии и корпуса, я просматривал немецкие карты и схемы расположения наших войск, составленные немецкой разведкой. Эти материалы наша разведка, в свою очередь, как-то раздобыла у немцев. Эти карты и схемы были сделаны лучше, чем наши собственные. Офицеры отдела подшучивали в связи с этим над немецкой аккуратностью. Меня особенно сильно поразил такой факт. На одной схеме расположения нашего полка была точно обозначена уборная. Уборная эта переполнилась, ее закрыли и засыпали, и на новом месте построили новую. Через какое-то время мне попала на глаза новая немецкая схема, и на ней было отмечено, куда переместилась уборная. Прислушиваясь к разговорам офицеров отдела, я узнал, что немцы знали о положении в нашей стране и в армии лучше, чем

само наше руководство и командование. Немцы педантично изучали жизнь нашей страны и фиксировали все до мельчайших деталей вроде той, о которой я упомянул выше. И, несмотря на это, они ровным счетом ничего не поняли в сущности советского строя, допустили грубейшие ошибки в оценке жизненного и военного потенциала страны. Для нас это стало ясно уже к концу 1941 года. А еще до войны в тех разговорах о немецкой педантичности я слышал высказывание о том, что немцы «за деревьями не видят леса». Один из офицеров, посмеявшись над историей с уборной, рассказал историю с немецкой энциклопедией, в которой педантично проверили весь текст, но проглядели ошибку на обложке: там было написано «*Энциклопудия*». Не знаю, насколько этот анекдот верен исторически. Но он оказался по существу пророчески верным.

Установив для себя, что мне надо учиться понимать общественные явления, я тогда еще не знал, что мне предстояло заново открывать или по крайней мере заново переоткрывать сами методы понимания. Научиться пониманию было не у кого и негде.

Из интервью с профессором Александром Митрофановичем Ковалевым Беседу ведет доцент А.П. Козырев¹

КОЗЫРЕВ А.П. Война была неожиданностью или вы предчувствовали?

КОВАЛЕВ А.М. В общей сложности мы чувствовали, но в целом все-таки война была неожиданностью. Тем более что 14 июня было заявление ТАСС, в котором было заявлено, что германские вой-

¹ Публикуется по: Философский факультет МГУ. Страницы истории / Под ред. А.П. Козырева. М.: Издательство МГУ, 2011.

ска концентрируются на наших западных границах, но эта концентрация происходит в результате того, что на отдых они посылают. Это объясняли потом так, что Сталин сказал: «Давайте дадим такое опровержение, если оно опубликовано будет в немецких газетах, то тогда они не начнут войну, а если оно не будет опубликовано, то надо ожидать войны». Это опровержение не было опубликовано в немецких газетах. Так что вот такая была ситуация. Нас записали добровольцами. Пригласили в военкомат: «Какая у вас военная специальность?» — Ну какая специальность... — Пока идите. — И нас послали под Ельню копать противотанковые рвы. Там мы работали часов по 14. Такое было воодушевление. Но немцы выбросили десант сзади нас, а мы с одними лопатами. Мы тут все побросали, и кое-как спасли нас, и мы прибыли в Москву.

КОЗЫРЕВ А.П. Это было летом?

КОВАЛЕВ А.М. Это еще в июне месяце. Июнь-июль. И уже в самом конце июля нас вызвали в военкомат. И всех посылали в военное училище, потому что мы уже имели незаконченное высшее образование. Когда дошла очередь до меня, я сказал: «Я прошу меня послать скорее на фронт, не посылать в училище, я, сколько нужно, отвоюю». — «А почему?» — подполковник спрашивает. — «Я боюсь, что меня потом могут сделать офицером, меня не отпустят из армии, а я хочу снова на философский факультет». — Он улыбнулся и пишет: «Направить в пехотное училище». И меня направили в пехотное училище. Вернее так: Тесницкие лагеря. Это под Тулой. Я сам был рядовым. Я был рядовым сам, и видел, как там формировались маршевые роты. Я потом прочитал Астафьева, «Проклятый или убитый», про маршевую роту. Это меня совершенно потрясает сейчас. Ничего подобного там не было, это ерунда, он придумал это. Особенно меня поражает вот что: тогда ни в этих маршевых, ни во всех других, чтоб кто-то поднял руку на солдата или какая-то дедовщина была, вообще об этом никто не знал. Всю войну, никто вообще... чтоб старшина... А сейчас вот бьют солдат... Я недавно прочитал (роман-газету выписываю): один из них рассказывает, как он там жил (кстати, наш выпускник нашего филологического факультета) — и вот в этом романе опубликованы чудовищные вещи. А в то время ничего такого не

было. Кормили нас там, конечно, не очень густо. Многие хотели быстрее на фронт попасть, потому что там давали паек, а тут... Ну, это понять можно. Мы два месяца побыли в Тесницких лагерях — и нас бросили под Можайск. Можайское пехотно-военное училище. А немцы уже подходили к Можайску в это время. Это была осень. Можайское училище все было на фронте: курсантов посылали. Мы на обучение каждый день приходили с полными рюкзаками, со всей военной амуницией. Потому что в любое время могли немцы прорваться, и нас могли сразу послать на фронт. Но нас на фронт не послали, а поступил приказ училищу пешком направиться в город Иванов. И мы 300 километров шли мимо Москвы, на юге мы шли. И там видим: над Москвой самолеты, прожектора и даже один, видимо, сбили самолет, мы видели, как это происходило. Жуткое зрелище. Но особенно меня поразило: мы остановились в какой-то деревне. И один хозяин, уже пожилой человек, говорит: «Как же вы допустили, немцы уже к Москве подходят. Я сколько воевал, Первую мировую воевал, близко не пускали, а тут немец вот уже близко...» И рыдал, плакал, и нам тоже хотелось плакать.

КОЗЫРЕВ А.П. А как Вы проводили время во время походов? Какая была атмосфера?

КОВАЛЕВ А.М. Атмосфера была такая — «ребята, во что бы то ни стало разгромить немцев». Я потом вам расскажу. Я попал под Сталинград, и обстановка была такая. Вот у нас было так: мы, в-первых, знали, где враг, а где мы (сейчас мы это не очень хорошо представляем), и второе, — у нас не было (ну, отдельные случаи были, одного расстреляли, всех нас выстроили и одного расстреляли, он, по-моему, убежал из части, дезертир), но в принципе у любого спросите, — «будем ли мы в Берлине?», — в этом не было никаких сомнений, мы считали, что «мы будем в Берлине», что бы там ни случилось. Вот такой был настрой.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы, собственно, до Берлина дошли фактически?

КОВАЛЕВ А.М. Я не в Берлине, а дошел до Австрии. Тогда быстро: шесть месяцев в Иваново, и нам надели лейтенантские погоны. Мы ходили по Иваново, девушки там посматривали на звездочки, а мы в этих погонах. И меня направили в Ковров в 299-ю

дивизию, командиром стрелкового взвода, там уже было 36 человек. И через несколько дней нам сказали, что будут маневры. Нам надели какие-то белые звезды, а тем красные, или наоборот, я не помню. Нас посадили в поезд, говорят, что это там надо будет на маневрах... Потом мы едем, едем, но видим, что тут не маневры, куда-то уже к Волге приближаемся. Нам говорят: «Это дивизию в Иран направляют». А наши войска тогда в Иране стояли. Но нас привезли на станцию Лапшинская под Сталинград и выгрузили. Это было от Сталинграда, по-моему, 108 километров. И было приказано за четверо суток Сталинград пройти, потому что немцы прорвались в Сталинград. И вот мы шли так иногда по 70–80 километров в сутки. Когда мы подошли километров на 80 к Сталинграду, нас такое зрелище поразило... Было это ночью, и такой огромный бурый дым. Внизу пламя, а к облакам поднимается огромный столб красно-бурого дыма. Когда евреи шли по пустыне, то там столп пламени освещал им путь, вот тут примерено такое же жуткое зрелище, горел Сталинград. И мы подошли 9 августа 1942 года к Сталинграду, немцы прорвались уже к Волге, и мы с севера, километров 10 правее Волги, били в этот фланг. Враг бросил всю авиацию, нас там бомбили страшно. Мы потеряли там многих, месиво было дня три-четыре, — но, несмотря на это, мы немцев немножко потеснили. Мы не прорвались туда, но мы все-таки значительные силы отняли оттуда. Враг бросил их сюда, и Сталинград таким образом в общем был спасен.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы сейчас не были в Сталинграде в этот юбилей?

КОВАЛЕВ А.М. В этот юбилей не был, но я был раньше. У меня там были свои ученики тоже. А в этот юбилей [60-летие Победы, 2005 год] я ездил в Харьков. Вот когда закончили эту войну там под Сталинградом. Это было очень сложно, тяжело было. Но потом мы уже стали воевать в окопах. Мы их командиров никого не знали, а они наших почти всех знали. И вот бывало, когда артиллерийский налет на них совершали, оттуда кричат: «Тищенко, что ты там с ума сходишь». Это был начальник артиллерии полка, наш Тищенко, вот они знали, что это он. Обычно было так: вечером, когда подъезжала наша кухня, и снаряды привозили. «Иван, ты снаряды привез, а почему мин нету?»

КОЗЫРЕВ А.П. Это немцы кричали?

КОВАЛЕВ А.М. Нет, это мы оттуда. Рус, рус, прекрати шум! Опять потом. Тогда они какую-нибудь мину бросят, и вроде прекратится. А у них тоже. У них тоже так было, мы знали: завтрак, обед, ужин, и у них прекращалось... Это метров 300–400 были окопы.

КОЗЫРЕВ А.П. Вам не приходилось читать немецкую литературу?

КОВАЛЕВ А.М. Это я читал. Там многое правдиво описано. И так мы там простояли около шести месяцев. Не мылись. В баню сводят раз в месяц. И так стояли, и ничего не знали. И вдруг с правой стороны гул артиллерийской канонады. Мы не знали, что это, кто это, наши это или немцы. Потому что все тайно было. Да, кстати, еще, ребята, я прошел от Сталинграда до западной границы, я не видел этих самых заградотрядов. Вот некоторые говорят: вот заградотряды гоняли. Ей-богу, я не видел ни одного. Я говорю это, клянусь вам. Не потому что я хочу чего-то скрыть. Не было. И мы не знали, что там. И потом только через 3 дня посмотрели окопы: немцы оставили окопы. Оказывается, наши, когда прорвались там справа, и там началась угроза окружения, они оставили эти окопы. Но у них совсем другие были окопы, там как квартира, оббитая. Ну и оказалось потом, тут тоже надо было добивать. Добивали, и мы брали знаменитый Сталинградский тракторный завод. И там даже написано, что наша 299-я дивизия брала этот завод. Ну и когда мы взяли всех, это было уже весной. Мы оказались в глубоком тылу, потому что наши войска уже подошли к... И мы там побыли, нам месяц дали все-таки. Да и, кстати, пришли, мы же там сидели в окопах, ничего нет. А тут тоже ни одного дома, ничего. Все было разрушено. И мы где-то на втором этаже нашли какую-то комнату. И вот мы кое-как забили окна (все было разбито), и уже обставили. И главное, мы там парашют немецкий взяли, и мы его завесили кругом.

КОЗЫРЕВ А.П. Типа шторы?

КОВАЛЕВ А.М. Да. И мы истопили печку, там печка была. Мы разделись, ну, как дома были. И вдруг этот парашют вспыхнул, как порох, он весь был в пламени. Мы еле выскочили из этой комнаты. Это эпизод такой мелкий. И нас потом через месяц посадили в поезд и повезли под Курск. И там, когда мы ехали, то немцы разбирали листовки: «Спасайся, кто может, псы сталинградские, го-

ловорезы едут», вот это мы были как головорезы. Приехали мы, и на нас не на фронт, а поставили, организован был сцепной фронт, у нас в тылу примерно 110 километров было фронта. Мы там месяца три были, окопы вырыли во весь рост, потому что ожидалось наступление немцев под Курском. Готовилось наступление, а мы стояли сзади, чтобы в случае, если они прорвут фронт, чтобы мы поддержали. А если они не прорвут фронт, те наши уже выдохнутся, а мы потом вступим свежими силами. Так что у нас был сцепной резервный фронт. Им командовал Конев, а нашей армией командовал Монагаров. Вот я помню. Конечно, дедовщины не было, но вот что было. У нас был такой командир полка Бурцев (потом мне пришлось его выносить из боя, ну, не важно). Его все боялись как огня. А приехал командующий армией делать смотр, проверять, Монагаров. Он командует, до сих пор помню: «А ну командир батальона (или командир роты), командуй своей ротой». — Тот командует: «Шагом марш». — «Отставить! Какая это команда. Разве это команда. А ну отставить, еще раз!» — Так раза три-четыре.

КОЗЫРЕВ А.П. Это не дедовщина. Это старший офицер проявляет свои таланты.

КОВАЛЕВ А.М. Да, это совсем другое. Командир полка наш ходил рядом с ним вот так, руки ровно.

КОЗЫРЕВ А.П. А он был в звании?

КОВАЛЕВ А.М. Подполковника.

КОЗЫРЕВ А.П. А Монагаров?

КОВАЛЕВ А.М. Генерал-майор. Когда он чуть-чуть опустит руки. Он ему: «Ну-ка, руки». Это командиру полка. Командир полка — это был тоже большой начальник. Это все перед строем. Он спрашивает: «Ты кем бы в старой армии?» — Это спрашивает Монагаров. «Я был унтер-офицер». — «А я был старший унтер-офицер, я морду имею право набить». Вот перед строем солдат такое было. Вот до сих пор помню этого Монагарова. Я потом его как-то встречал. Ну, не встречал, я с ним не знаком, это было в Крыму. Он, оказывается, там доживал уже свои последние дни. Я вспоминал, какой он был.

КОЗЫРЕВ А.П. А из крупных военачальников вам с кем-то приходилось встречаться, во время войны или после?

КОВАЛЕВ А.М. С крупными я не встречался, но у меня был такой случай. Это когда мы уже вступили в бой. Был такой случай, кстати, с этим вот Монагаровым. У нас был, прислали (вот этого нашего командира полка сильно ранили, я его вытаскивал. Пионеры нашли обо мне, что я его вытащил, опубликовали в газете, но это все ерунда, не в этом дело). И прислали нам командира полка. А он был глухой. Очень плохо слышал. А я как-то случайно попал на наблюдательный пункт полка, а там вдруг звонок, и он мне говорит: «Возьми трубку, потому что я все равно не слышу». А мы три дня не спавши, не евши, еле-еле живые. И вдруг оттуда звонок: «Почему не наступайте! Что такое! Это же безобразие! Нельзя так, вы должны наступать! Где вы находитесь?» А я: «Вы приезжайте сами и посмотрите, где мы тут находимся» (мы же не знали, что командир, думали, что, может, какой-нибудь...). — «Приезжайте сами», — и положил трубку. Через полминуты звонок: «Это кто там говорил?» — Этот командир полка подошел: «Извините». А это командующий армией говорит. Тут я уже говорю: «Подполковник, берите сами». Он сам взял: — «Да я не слышал, извините». — Так вот замяли дело.

КОЗЫРЕВ А.П. А командующий армией это кто был?

КОВАЛЕВ А.М. Монагаров. Да. Я должен сказать, что я после уже встречался с Язовым. Это недавно было. Он маршал, министр обороны. Это уже сейчас, недавно. Мы его принимали почетным членом Международной славянской академии. Он много рассказывал, мы разговаривали с ним. Вот это единственное с кем я с большими начальниками знаком. А так я был лейтенант, потом старший лейтенант.

КОЗЫРЕВ А.П. В звании старшего лейтенанта окончили войну?

КОВАЛЕВ А.М. Да, я закончил войну в звании старшего лейтенанта. Можно много еще интересного рассказывать. Нас потом так вот держали. Потом, когда немцы начали наступление, их отбили. И потом уже началось наступление, нас ввели после того, как Курская битва уже более или менее шла уже. Не сумели они нас окружить, и мы начали наступление. Правда, до этого мы ходили из одной части в другую. То вперед пройдем, потом обратно. Мы говорили: «Что это за командующие такие? Что это за команды?»

Оказывается, это мы маневрировали для того, чтобы показать немцам. А потом нас в бой ввели. Это были очень тяжелые бои. И бои под Харьковом, и бои под Полевым. Там как раз этого нашего Бурцева и ранило смертельно. Он пришел к нам. Я на передовой был. А било страшно. Мины и все это. А он подвыпивший пришел. И как мина где-нибудь рядом разорвется: «Э-э-э, мать твою, туда-сюда, не правильно стреляешь, как ты стреляешь!» И он несколько раз вот так матюгался там, а потом вдруг мина как ударила. А это было рядом, метров 10, может, даже меньше. Ему тут руку оторвало. Я на себя его положил, тяжелый он. И я его оттуда вытащил, вот из этого. Ну а потом я с ним встречался уже после войны, в Курске.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы, наверное, один из немногих у нас на факультете, кто всю войну прошел в действующей армии.

КОВАЛЕВ А.М. Я был на фронте до конца войны. Есть еще одна вещь такая. У нас был такой подполковник... Наверное, какое-то предчувствие, вот есть предчувствие, когда человек может умереть. Был у нас зам. командира полка по политчасти, Шкляр такой, подполковник. Я не знаю, я тоже что-то пришел туда в штаб. А тоже воевали дня три и тоже ни дня ни ночи не было. И тут, наконец, все-таки кое-как немцев отбили, отошли и затишье. И тут копают землянку этому командиру полка и заму. А я тут тоже что-то у них спрашиваю. И вдруг рация: этого подполковника вызывают в штаб дивизии. К нему обращаются: «Товарищ подполковник, вас тут». — Он говорит: «Скажи, что меня нет». — «А что сказать?» — «Скажи, что убит, ранен, пропал без вести, в общем, меня нет и все». И только он это сказал, буквально через три минуты. Землянка готова, командир полка входит в землянку, этот подполковник тут на ступеньках, а я сзади, тоже туда меня вроде приглашают. И в это время снаряд ударил рядом и подполковник, сразу мы увидели, прямо на ступеньках прогремел и скончался. Осколок попал, и насмерть. И второй был такой случай с командиром. Он шел и говорит: «Ну, все, наверное, мы идем сегодня последний раз на передовую». Я говорю: «Ну, что Вы, товарищ майор, ну это самое...» — А он говорит: «Да нет...» И действительно, идем, снаряд под ноги ему вот так вот ударил, и он тут же был убит, а я рядом с ним вот так прошел.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы как философ как это оцениваете? Это судьба?

КОВАЛЕВ А.М. Вообще здесь есть какое-то предчувствие... Я считаю, что есть опережающая активность, что человек уже к этому миру приспособлен. Он существует в нем. И он получает возможность иногда, не всегда, но иногда предчувствовать некий ход событий. Иначе объяснить невозможно. То, что, скажем, Пушкину предсказали в детстве, что он от белого человека погибнет на 37-м году. Это предсказание. Говорят, что Наполеон, когда он еще только сидел, ему сказали, что он станет императором, и что он потерпит поражение чуть ли не под Москвой. Вот такое было предсказание. Но кто это мог предсказать? Вот говорят, что Иоанну Павлу II тоже предсказали, когда он был простым ксендзом, что он будет Папой Римским. Так что я не знаю, как это.

КОЗЫРЕВ А.П. А вы себя ощущаете больше философом или политологом?

КОВАЛЕВ А.М. Нет. Я философ. Я пришел в политологию, смотрю, и начал спрашивать: а законы в политике есть или нет? Вообще не слышали. Я звоню своему одному знакомому, а он написал словарь по политике, Халимов. Звоню: «Слушай, а законы в политике есть?» Он: «О таких мы и не слышали, не знаем». Я говорю: «А какая там наука, если нет законов?» — Ну и тогда я написал такую статью: «Предмет, закон и категории в политике как науке», потому что я считаю, что иначе это не наука. Ну, чему можно учить, если нет законов? Так что, нет, в этом отношении я философ. Причем шел я так: сначала научный коммунизм, это целая эпопея... Потом после научного коммунизма я стал заниматься общими социологическими вопросами. Опубликовал книги: «Общество и законы его развития», «Диалектика способа производства общественной жизни». Меня за это так стали раздвывать, но потом оказалось, что я был все-таки прав, а не они.

Памятные факты о покойном друге Воспоминания о М.Ф. ОВСЯННИКОВЕ

Вернувшись из госпиталя на философский факультет МГУ к началу 1943 года и закончив факультет в июне этого же года, я в сентябре-октябре познакомился с Михаилом Федотовичем. Он еще в начале 1942 года, вырвавшись с группой однополчан из вяземского «котла», вернулся в аспирантуру факультета и где-то в октябре 1943 года защитил кандидатскую диссертацию на сложную и довольно необычную для тех времен тему «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака». Я к этому времени только что стал аспирантом кафедры истории философии (тогда еще единой), не очень-то понимал тему, защищавшуюся моим уже знакомцем, но помню, что его оппоненты Георг (Дьердь) Лукач и М.А. Лифшиц (их имена мне сообщил впоследствии сам М.Ф.) высоко его оценивали.

В конце того же года я все больше сходиллся с открытым и добрым своим старшим товарищем. Он много рассказывал мне о своей жизни крестьянского мальчика (каким был и я сам), потерявшего отца еще в Первую мировую войну, очутившегося в ШКМ (Школа крестьянской молодежи), работавшего затем смазчиком на одном из южных заводов (кажется, в Мариуполе), перебравшегося в Москву и окончившего здесь рабфак (при заводе «Фрезер») и поступившего на филологический факультет Пединститута им. А.С. Бубнова (тогдашнего наркома просвещения РСФРФ), после ареста и последующего его расстрела ставшего пединститутом им. В.И. Ленина. Тепло отзывался о своих учителях, особенно о Франце Петровиче Шиллере (тогда репрессированном), Борисе Ивановиче Пуришеве, но критически о других. В военные же годы он был очень близок со своим оппонентом по диссертации Георгом Лукачем, ученым весьма интересным и добрым. Он помнил его всю жизнь, пытался встретиться с ним в Будапеште (куда Лу-

кач вернулся сразу после войны), но в посольстве ему сделать это запретили (Лукач участвовал в правительстве И. Надя в 1956 году и исключался из партии).

Во многих беседах с М.Ф. (а мы в течение трех лет жили в одной комнате двух общежитий) я убедился, что прийти в философию даже лучше из конкретной науки (я считал тогда — гуманитарной). Собственно философское образование в те времена было сверхидеологизировано и политизировано. Давая мало конкретных знаний, оно толкало многих и многих, получивших только его, к поверхностному схематизированию. М.Ф. на филологическом факультете очень полюбил литературу, хорошо освоил ее (как и искусство, особенно живопись) — и закономерно пришел в эстетику (я и сам пришел в философию, почти окончив исторический факультет МИФЛИ). Перед войной он стал аспирантом-литературоведом в пединституте и одновременно на кафедре философии МГУ им. М.В. Ломоносова. Меня же М.Ф. вводил в более высокие философские круги (в частности, познакомил с М.А. Лифшицем). Оба мы стали весьма близки с заведующим кафедрой истории философии (тогда еще единой) Борисом Степановичем Чернышевым, высокообразованным профессором (у которого я учился еще в МИФЛИ), а затем и Валентином Фердинандовичем Асмусом.

В эти годы на факультете разворачивалась скрытая и явная борьба. Во многом она была связана с партийным осуждением III тома «Истории философии» после его обсуждения на секретариате ЦК и последующей редакционной статьи в «Большевике», из которой мы узнали, что с этого тома, наиболее серьезного и литературно весьма четкого из всех трех опубликованных томов, снимается Сталинская премия за «ошибки» в изображении немецкой классической философии в данном томе (все три тома были «удостоены» этой премии в 1943 году). М.Ф. в Институте философии выяснил, почему это произошло, а Б.С. Чернышев довольно подробно рассказал, как это происходило на секретариате ЦК ВКП(б) (участвовали Маленков, Щербаков, Андреев и многие приглашенные). Оказалось, что инициатором обсуждения был заведующий кафедрой диамата-истмата философского факультета З.Я. Белецкий. Медик по образованию и выпускник Института красной про-

фессуры, не имевший никаких степеней (их тогда имели единицы) и трудов, получил все же звание профессора и возглавлял эту кафедру с довоенных лет. Одновременно в течение нескольких лет он был научным сотрудником Института философии и одновременно его парторгом. Здесь он и представил некий труд, в котором изобразил Фихте и Гегеля вдохновителями немецкого фашизма.

При обсуждении этой рукописи она была расценена как антимарксистская и малограмотная (как мне передавал М.Ф., на его вопрос Г. Лукачу, каков этот труд, тот ответил: «Это же просто ужас. А все кричат, кричат»). Руководство Института уволило З.Я. Белецкого (по инициативе Б.Я. Быховского, реального редактора всех трех томов и автора многих его глав). Тогда тот с позиций заведующего кафедрой диамата-истмата подал многостраничный «разгром» III тома, «разоблачая» весь немецкий идеализм, на имя И.В. Сталина. Жестокая война с тогдашней Германией предопределила успех этого письма. Как так: немцы имели свою классическую философию (по Ф. Энгельсу), а у русских ее не было? Вождь, прирожденный политик, вряд ли читал все это письмо, но, ухватив его политическую суть, поручил «разобраться» названным секретарям. Здесь произошла схватка: Быховский, Чернышев и Асмус стремились показать несостоятельность Белецкого и его антимарксизм (поскольку «классики марксизма», включая В.И. Ленина и даже И.В. Сталина, давали высокую оценку Гегелю и другим немецким идеалистам его времени, ибо без них не было бы и диамата).

З.Я. Белецкий, как передавал нам Б.С. Чернышев, ничего разумительного и убедительного им ответить не мог, но для секретарей ЦК, далеких от философии, но знавших настроение Сталина, любая аргументация была безразлична. Все трое были осуждены в названной статье «Большевика». Чернышев умер в сентябре 1944 года, Белецкий торжествовал. В лектории МГУ он организовал курс лекций с «разоблачением» немецкого классического идеализма, а вместе с ним истории философии вообще как бесполезной для диамата-истмата, подлинная сила которого, по его словам, была заключена в ориентации на современность. Он, правда, тоже был теоретически весьма уязвим, ибо, отвергая историко-философскую платформу диамата и максимально сближаясь с вульгарным

социологизаторством, впадал в грех Шулятикова, в свое время категорически осужденный Лениным. Мы с М.Ф. тоже включились в такое разоблачительство (главным образом в аспирантской среде, которая была включена в семинары Белецкого, без чего невозможно было сдать кандидатский минимум).

Открытая схватка с ним и его кафедрой произошла на моей кандидатской защите по истории философии (проблема необходимости и свободы). Моими оппонентами были Асмус и Овсянников. После их весьма положительных выступлений преподаватели кафедры диамата В.И. Мальцев и С.С. Гольдентрихт выступили с критическими разоблачениями моей диссертации. Их изящно высек О.В. Трахтенберг (мой научный руководитель после смерти Чернышева). Затем весьма резко поносил мою диссертацию сам Белецкий. Мой ответ был, по-видимому, довольно сумбурным, стенограммы тогда не велись, но в своем ответе я, сопляк, пытаюсь раскрыть его промахи и невежество, не щадил его самолюбия. Ждали с М.Ф. провала. Однако Белецкого за его разоблачительство не любили уже многие голосовавшие преподаватели (совета как такового не было). Поэтому к нашему удивлению и радости я прошел «в упор» (при 7 «против»). Конечно, мы с ним, П.В. Копниным (будущим директором Института философии) и И.А. Федосовым (будущим деканом истфака МГУ, а затем и его проректором), нашими друзьями, присутствовавшими на защите и переживавшими за меня, отметили мой успех в ресторанчике «Москва».

Это событие очень обозлило Белецкого не только против меня, но и против М.Ф. А он к этому времени как преподаватель и ученый весьма квалифицированный, открытый и добрый, завоевал большой авторитет в студенческой, аспирантской, да, и в преподавательской среде. Незаурядный психолог, он великолепно разбирался в людях. Нередко видел, что тот или иной «друг» лишь представляется таковым, но все равно не отказывал ему в помощи, если тот о ней просил.

Но его и меня преследовали неудачи. После смерти Б.С. Чернышева заведовать кафедрой уже западноевропейской философии (образовалась кафедра истории русской философии) стал по совместительству профессор В.И. Светлов, директор Института фи-

лософии, а затем заместитель министра высшего образования. Сначала он поддерживал, даже поощрял нас в критике белецкианства (по-видимому, боясь Г.Ф. Александрова, видного начальника ЦК, тоже затронутого в письме Белецкого Сталину по III тому «Истории философии», а затем и в другом письме тому же адресату уже против опубликованной в 1946 году книги самого начальника пропаганды ЦК Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии»). Но Светлов, человек безвольный и истеричный, вскоре сменил свою позицию, ибо Белецкий, человек волевой и по-своему целеустремленный, который руководил профилирующей кафедрой и во многом определял кадровую политику на факультете, «насел» на Светлова, — и тот тоже стал безразличен и даже враждебен по отношению к нам (к тому же Александров покачнулся и назревала дискуссия по его книге).

Для меня был закрыт факультет, и пришлось искать другую работу. Михаил Федотович в это время получил другое задание. Дело в том, что историки философии Института философии должны были написать новый III том, но были растеряны и не знали, как это сделать, поскольку осужденный III том был написан, в сущности, с безупречных марксистских позиций (и со всеми цитатами из «классиков» до доскональности). Тогда и было поручено М.Ф. Овсянникову написать работу о Гегеле — центральной фигуре немецкого идеализма. Но такое задание не волновало декана Д.А. Кутасова, который по требованию Белецкого в 1947 году уволил М.Ф.

Ему удалось поступить на кафедру диамата-истмата Московского областного пединститута, которой заведовал И.Д. Панцхава. Мы продолжали с ним систематически встречаться и здесь (я два года совместительствовал на той же кафедре), и в издательстве иностранной литературы, которое возглавил его институтский друг Б.Л. Сучков, с которым они вместе вырывались из вяземского «котла» в 1941 году. М.Ф. стал заместителем заведующего редакцией философии и психологии (формальным заведующим был М.А. Дынник) и привлек меня в редакцию как редактора. Однако черная полоса продолжалась: органами НКВД был арестован директор издательства Сучков и получил «четвертак» (много позже выяснилось, что здесь Берия «копал» под Жданова, выдвинувшего

Сучкова, который отбыл только каких-нибудь десять лет). Но зловещая угроза нависла и над Овсянниковым, и он ушел из издательства по «собственному желанию».

Все эти удары М.Ф. весьма переживал и стал тяжело болеть. Белецкий, однако, был сдвинут с факультета, что дало мне возможность вернуться на кафедру истории западноевропейской философии, покинув Иноиздат (где я работал уже преемником М.Ф.). В январе 1952 года меня отправили в Университет Ким Ир Сена в воюющую Корею. С грустью я расставался с больным М.Ф. Вернули меня более чем через два года (перемирие Севера и Юга состоялось лишь после смерти Сталина).

Идеологическая атмосфера и в стране, и на факультете радикально изменилась, когда я вернулся сюда в 1954 году. Из КНДР я переписывался с ним, а при встрече убедился, что он вполне выздоровел. За эти два года фактическим руководителем (а вскоре и заведующим кафедрой) вместо заболевшего Светлова стал Т.И. Ойзерман. Когда у нас освободилась ставка, я напомнил ему, что из-за Белецкого (с которым тот тоже воевал) был несправедливо удален Овсянников. Теодор Ильич, согласовав с деканатом кандидатуру Овсянникова, предложил мне связаться с М.Ф. Я немедленно поехал в МОПИ и сообщил ему эту обрадовавшую его весть. Это было уже в первой половине 1955 г., когда он сразу был оформлен по совместительству, а с нового семестра стал полным и активным работником кафедры истории западноевропейской философии. Здесь он и завершил свою многолетнюю, весьма основательную монографию о философии Гегеля, опубликованную в 1959 г. В 1961 г. она была защищена на степень доктора философских наук. Развитие философского факультета потребовало организации новых кафедр. Специально под М.Ф., основательно зарекомендовавшего себя в качестве высококвалифицированного специалиста по эстетике, была создана кафедра эстетики (и этики, разумеется, «марксистско-ленинских»).

Развернулась активная научная деятельность Михаила Федотовича. По его инициативе и под его редакцией появлялись тома фундаментального издания «Памятники мировой эстетической мысли» — от древности до XX века (в конечном итоге 5 томов),

как и его собственные курсы по истории эстетической мысли. Совершенно закономерно, когда возникла необходимость смены многолетнего уже тогда декана факультета, руководство университета предложило этот более чем нелегкий пост М.Ф. Овсянникову. С колебаниями и не сразу он принял это предложение и был избран Советом факультета. Два срока — с 1968 по 1974 гг. — Михаил Федотович пробыл на этом посту. Время его деканства стало новой страницей в истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эти годы хорошо памятли не только фактически всем членам теперешней кафедры эстетики (кафедра стала самостоятельной в деканство М.Ф.), но и большинству преподавателей и сотрудников факультета более старшего поколения. Безвременная смерть М.Ф. Овсянникова в августе 1987 года тяжело переживалась на факультете и в Институте философии, где он многие годы руководил сектором эстетики.

Из интервью с академиком РАН
Теодором Ильичом ОЙЗЕРМАНОМ
Беседу ведет доцент А.П. Козырев. 2004 г.¹

КОЗЫРЕВ А.П. Вы начинали заниматься философией еще в предвоенные годы?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Я защищался перед войной. Незадолго, конечно, всего лишь за месяц до начала войны. Но это, пожалуй, меня спасло. Иначе я бы едва ли уцелел. Потому что из тех ребят, аспирантов, которые со мной учились и которые не успели защититься,

¹ Публикуется по: Философский факультет МГУ. Страницы истории / Под ред. А.П. Козырева. М.: Издательство МГУ, 2011.

уцелели один-два человека, потому что солдатская жизнь — или убьют, или ранят. Вот кого искалечили, тот уцелел. А кто не был искалечен, тот был убит. Через нашу 6-ю армию за годы войны прошло 900 тысяч человек, а в армии обычно бывает не более 80–90 тысяч. Представляете, сколько раз обновлялся ее состав.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы были призваны офицером?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Нет, у меня не было никакого военного звания, но потому что я был кандидатом наук, меня направили в офицерскую школу и через 3 месяца присвоили шпалу, т. е. старшего политрука (потом я стал капитаном), и назначили старшим инструктором политотдела дивизии, причем сначала меня даже назначили на довольно тихую должность в системе ПВО. А потом я из-за чего-то не поладил с начальством, и в 1943 г. меня послали на Воронежский фронт, а в 1944 г. просто перевели в пехоту. И с января 1944 г. я уже воевал в 6-й армии. Мы прошли почти всю Украину, затем бились на правом берегу Днестра, но оттуда нас сняли и отправили на польский плацдарм на Висле. Это был город Сан-домеш. Мы этот плацдарм расширяли. Затем двинулись в наступление, прошли всю Польшу до Ченстоховы, до Одера. Форсировали Одер. И у нас осталось от всей армии всего 5 тысяч активных бойцов.

КОЗЫРЕВ А.П. Вы до Германии дошли в 1945 г.? Там закончили войну?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Ну да, в Германии. И поскольку у нас осталось так мало активных бойцов, нам поручили просто осаду Бреслау, т.е. нынешнего Вроцлава. Причем информация была недостаточная: оказалось, в Бреслау находилось 40 тысяч немецких солдат, а нас — всего 5 тысяч. Правда, нам пришел на помощь танковый полк, затем 16-я воздушная армия помогала. Но, в общем, конечно, взять Бреслау мы не смогли. И так было до конца войны. 7 мая немцы просто сдались нам, поскольку на Западе они уже начали сдаваться, они тоже сдались. И тогда мы обнаружили, что их 40 тысяч. Они, конечно, не представляли, что могли бы легко вырваться из этого окружения, поскольку оно было фактически липовое. Данных разведки у них тоже не было, как и у нас. На этом и кончилась моя война. Но так как я хорошо знал уже тогда немецкий язык, то меня не отпустили, а перевели в Центральную

группу войск в Вену. Там я был лектором политуправления Центральной группы войск. Надо было вести разъяснительную работу с местным населением. Это было очень трудное дело, потому что политика была не продумана, ввели 8-часовой рабочий день, а у них был уже 7-часовой и т.п. В результате на выборах в парламент компартия провалилась, к власти пришла консервативная партия. Я целый год пробыл в Вене, вернее, под Веной, в маленьком городке Бадене. А потом все-таки я подумал, что надо возвращаться. Конечно, официально меня отпускать не хотели, но так как у меня была справка из госпиталя, что я вследствие тяжелой контузии являюсь «годным второй степени» (во время боев на Курской дуге я был контужен), я осмелился, минуя мое непосредственное начальство, т.е. начальника политуправления, обратиться к члену военного совета Центральной группы войск. Это был такой генерал-полковник Галаджев. К счастью, он не был формалистом и спросил: «Зачем Вы пришли?» Я ему протянул свои документы. Ограниченно годен — это значит инвалид. Во всяком случае, не годен к строевой службе, поэтому, мне кажется, меня должны отпустить. Пока шла война, я, конечно, не ставил вопрос о том, что не годен к строевой службе. Но теперь, в 1946 г., войны уже нет. Он говорит: «Конечно же, правильно, завтра же отпустим». И действительно, на следующий день мне позвонил начальник отдела кадров и сказал: «Собирайтесь».

КОЗЫРЕВ А.П. У вас была кандидатская степень. В принципе, может быть, вы даже броню могли получить перед войной? Или кандидатская степень это не давала такой возможности?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Может быть, не знаю, но вообще настроение у людей было дурное. И не только у меня, и у всех других. Я помню такой даже комический случай. Был у нас аспирант Шейдабек Мамедов. Он тоже защитил диссертацию в мае 1941 г. И когда началась война, мы с ним пошли к секретарю Сокольнического райкома партии Леонтьевой. Мы ее хорошо знали, так как одно время она работала у нас доцентом политэкономики. Мы говорим ей: «Людмила Васильевна, мы хотим добровольно пойти на фронт». Она отвечает: «Что вы, ребята, вы же научные работники. Вы должны заниматься наукой, война окончится через три месяца».

Если бы она окончилась через три месяца, то, конечно, она могла бы окончиться только поражением. Но кончилась победой, потому что длилась она достаточно долго. Когда в Австрии люди меня спрашивали, почему мы победили, я отвечал: «У нас, в отличие от немцев, не было другого выхода».

КОЗЫРЕВ А.П. Когда началась война, вы были уже взрослым человеком и состоявшимся ученым. Когда вы надели шинель и в конце войны попали в Германию, было ли у вас ощущение, что это та Германия, которая дала миру Канта, Гегеля, Шиллера. Как-то переживали вы свою профессиональную соотнесенность с немецкой философией и свое присутствие в этой стране?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Понимаете, в чем дело. Мы входили в населенные пункты: они были почти пустые. Народ убежал оттуда. Их настраивали так, что русские, дескать, придут и всех повесят. Ну, были, конечно, отдельные эксцессы, но, в общем-то, солдаты вели себя как положено. Вероятно, в отношении женщин были какие-то непотребные случаи. Был случай в каком-то монастыре — монахинь изнасиловали. По сравнению с тем, что делали немцы в нашей стране, и говорить нечего: спокойно вели себя. Но с населением в деревнях мы почти не сталкивались. Оставляли там какого-нибудь старика, в основном, встречались малограмотные люди. Были какие-то магазины: зашел я в один такой, вижу там пачку с порошком, где написано: «Vernichtet Russen». Russen они называли тараканов, так же как мы их называем прусаками. Я говорю продавцу: «Что это у вас написано?» Он сильно побледнел, испугался, стал что-то лепетать, объяснять. Ни с какой интеллигенцией во время войны мне встречаться не приходилось. Иногда, конечно, попадались какие-то офицеры. Но были люди, знающие в своем деле, но за его пределами совсем не интересные.

КОЗЫРЕВ А.П. В костелы, храмы приходилось заходить?

ОЙЗЕРМАН Т.И. Это не столько в Германии, сколько в Австрии. Ведь, когда мы осаждали Бреслау, то, естественно, не приходилось бывать в каком-либо храме. А вскоре после окончания войны меня отправили в Австрию. В Австрии я, конечно, общался уже с самыми разными людьми, с профессорами и обычными жителями, выступал с докладами перед ними, вел агитационную работу.

КОЗЫРЕВ А.П. Люди удивлялись, что вы — военный, офицер и в то же время доктор философии? Для них вы были доктор, по всей видимости?

ОЙЗЕРМАН Т.И. В Германии нет ученой степени «кандидат наук». Уже после первой защиты диссертации становишься доктором философии. Мне было тогда 30 лет, и с их точки зрения — это был вполне нормальный возраст для доктора философии. Но они скорее воспринимали меня как майора, как офицера, а вовсе не как ученого. Тем более, что и разговор-то шел, скорее, о капитализме, о социализме, а вовсе не о каких-то философских темах.

Из интервью с профессором

Анатолием Александровичем СТАРЧЕНКО

Беседу ведут доцент А.П. Козырев и к.ф.н. Д.Ю. Черников. 2006 г.¹

КОЗЫРЕВ А.П. Анатолий Александрович! В канун Дня Победы разрешите Вас поздравить с этим великим праздником. Вчера Ректор МГУ чествовал ветеранов Великой Отечественной войны. Вы являетесь Председателем Совета ветеранов МГУ. Война пришлась на годы вашей молодости, вы еще мальчишкой были, когда война началась. Давайте начнём с военных лет вашей молодости.

СТАРЧЕНКО А.А. Я был комиссаром в партизанской группе, сами ребята меня выбрали, никто не назначал. Нас арестовали, а потом перевели в Ростов, в Богатыновскую тюрьму, там держали полтора месяца, били, допрашивали: «Кто вешал флаг?» Никто не признался.

¹ Публикуется по: Философский факультет МГУ. Страницы истории / Под ред. А.П. Козырева. М.: Издательство МГУ, 2011.

КОЗЫРЕВ А.П. Это было в 1942 г.?

СТАРЧЕНКО А.А. В 1942 г., в конце 1942 — начале 1943 г. Немцы от Сталинграда отступали и им не до этого было. Наши войска заняли Котельнический, и немцы стали отступать. Они — трусливый народ, это только так кажется, что они были «железной армией». Они как побежали тогда из Ростова до Киева, а дальше до Харькова. А тюрьму, в которой мы находились, взяли. И участников, то есть тех, кто там сидел, а там были уже люди настоящие, то есть люди в военнообязанном возрасте, и была молодежь, например, очень много было ребят молодых, которых называли «шоколадники». Почему? Ну, им сколько лет? 14–15 лет, это не военнообязанные, но: они очень любили по немецким машинам собирать шоколад, всякие вкусные вещи, потому что голод же был в военное время. Их называли шоколадниками. Что с ними делали немцы? Стрелять их — это только против себя: в себя стрелять, потому что народ будет очень недоволен. В тюрьму сажали, держали их там, избивали, еще что-то, а потом, когда прижали наши, отступать надо было, — всех взорвать? — Это было бы страшное хамство даже со стороны немцев. И что они сделали? Молодежь разогнали, то есть молодых ребят. Кстати, и мы попали под это, мне же лет 15–16 было, и с нами так же поступили, подумаешь, деятели великие.

КОЗЫРЕВ А.П. Сколько времени вы находились в тюрьме?

СТАРЧЕНКО А.А. Ну, полтора месяца. Потому что нас схватили, посадили, пытались выбить показания, ничего не получилось, а тут сами немцы отступали, то есть сами немцы уходили из Ростова. А что с нами делать? Да то же самое, что с остальными, разогнали этот неинтересный народ, а тех, которые постарше... это опасные люди, они могли быть и против немцев. И тогда что сделали? Ведь надо воевать! Тогда их на машины, и так каждую неделю вывозили на автомашинах. Говорили, версия такая была: «Мы их увозим на Украину, для использования на работах». Потом, когда немцы ушли, мы установили, что они с ними делали: они их расстреливали в танковых рвах, дабы от них избавиться. Делать это наглядно и повсеместно на людях означало бы стрелять против себя. И тогда они это все скрыли, так сказать, «зачис-

тили». А потом мы узнали, что, оказывается, вот таким образом все происходило. А ребята? — Ребята разбежались, оказались удачливее, и мы под сурдинку остались живы...

КОЗЫРЕВ А.П. Отец на фронте у вас был?

СТАРЧЕНКО А.А. Да. В марте 1945 г.

КОЗЫРЕВ А.П. А где? В Германии?

СТАРЧЕНКО А.А. В Германии.

КОЗЫРЕВ А.П. То есть он всю войну прошел?

СТАРЧЕНКО А.А. Всю войну прошел от начала до конца. Начал с Ленинграда. Он был работником райкома партии, заведующим организационным отделом, рядовым. Сразу же их взяли, мобилизовали...

КОЗЫРЕВ А.П. Он комиссаром был?

СТАРЧЕНКО А.А. Он был политруком.

КОЗЫРЕВ А.П. В каком он звании погиб?

СТАРЧЕНКО А.А. Капитан, политрук роты.

КОЗЫРЕВ А.П. Когда война закончилась, вам было уже 16 лет?

СТАРЧЕНКО А.А. Нет, считайте сами. Для меня она закончилась в 1943 г., когда по ранению я ушел с истребительного батальона — взорвалась немецкая граната в руке. В 1943 г. сколько лет мне было? Семнадцать? Я с 1926 г. Мне было 17 лет... Меня не призывали в армию, я уже исключен был из призывников. А потом побыл, поработал в истребительном батальоне еще год, при партии библиотекарем, а потом поучился в техникуме, набрал образование от семи классов, поехал поступать в университет. По-сту-пил... Начал работать, потом защитился.

ЧЕРНИКОВ Д.Ю. Поступать вам было трудно?

СТАРЧЕНКО А.А. Нет, тогда мало людей было.

КОЗЫРЕВ А.П. Экзамены были?

СТАРЧЕНКО А.А. Были, я сам писал сочинение, мне тройку поставили.

КОЗЫРЕВ А.П. Не помните, на какую тему?

СТАРЧЕНКО А.А. Помню. Тема была свободная. Свободная тема, связанная с войной, с настроениями, патриотизмом. Вот такая тема. Она вольная была, никто нас не ограничивал ничем. Но «тройка» была, конечно, не за содержание темы, тема была рас-

крыта хорошо, «тройка» была за грамотность, поскольку я вырос в сельской местности, а там говорят на русско-украинском, на смешанном языке, то, возможно, были неточности, ошибки в языке... Мне «тройку» засадили. Но сказали: «Мы вас примем, вы потом обратите внимание...» — Я: «С удовольствием».

КОЗЫРЕВ А.П. Вы поступали как фронтовик?

СТАРЧЕНКО А.А. Нет. Я приехал только по ранению в истребительном батальоне. Ну и что? Кстати, тогда, в 1945 г., этого и не было еще, фронтовик — не фронтовик, льгот не было еще. Все сдавали экзамены. А когда приехали сюда, нас выстроили пять человек нечаянно, выстроили и сфотографировали раз-два-три четыре-пять-шесть, в основном, инвалиды, почти все... (показывает фото в газете).

КОЗЫРЕВ А.П. Лица тут радостные. То есть настрой был оптимистический?

СТАРЧЕНКО А.А. Ну, что Вы... Мы только что сдали и нас приняли. В тот же день мы пошли за местом в общежитии. Мы знали, что добьемся все равно, тогда же не было конкурсов.

КОЗЫРЕВ А.П. А как-то помогали тем, кто с фронта вернулся, одежду, например, давали?

СТАРЧЕНКО А.А. Вы что... Давали! Они питались в особой столовой. Студентам помогали! И опекали их, и помогали им. Чем? Питанием, они питались в особой столовой для инвалидов и участников войны, там чуть-чуть лучше и дешевле было питание. Раньше помогали и промтоварами, давали талоны на хлопчатобумажные изделия, на какие-нибудь калоши-малоши, вот у меня один товарищ, Самсин, он всю жизнь мечтал калоши купить, говорил «Вот калоши бы купить», но ему не доставалось. Но он купил потом калоши и все остальное. Летом путевками помогали. То есть помощь всегда была. Насчет жилья... Ну мы же были студентами, какая помощь, нам просто место в общежитии давали, в первую очередь, нежели всем остальным. Относились, словом, доброжелательно.

КОЗЫРЕВ А.П. А со студентами-философами вы дружили? Или тогда даже не знали, что есть философский факультет?

СТАРЧЕНКО А.А. Ну что вы, не знали?! Мы жили, во-первых, вместе, в одной комнате, мы тогда вперемешку жили. Я знал тогда

и философов, но жил потом с юристами. Вначале, кстати, я попал к филологам...

КОЗЫРЕВ А.П. А общежитие где было?

СТАРЧЕНКО А.А. На Стромынке. Это Стромынград, известное общежитие, очень большое. Потом уже свои начали формироваться коллективы, и я попал к своим юристам, с ними жил.

КОЗЫРЕВ А.П. С кем-то познакомились? Из тех, с кем потом пришлось работать — Павел Семенович Шкуринов, я знаю, был тогда активным профсоюзным деятелем.

СТАРЧЕНКО А.А. Да, он был активный профсоюзник. Он нам все помогал со столовыми всякими. А столовая для участников войны была... вот сейчас гостиница «Москва», которую ломают, а с той стороны, ближе к памятнику Маркса, была маленькая пристройка такая, называлась «Восток-кино», восточные фильмы там шли. И потом там организовали в фойе столовую для инвалидов и участников войны МГУ. Ходили все туда, кушали...

КОЗЫРЕВ А.П. Все это недалеко было от юрфака?

СТАРЧЕНКО А.А. Да нет, можно же пойти было перекусить. А потом ехать на метро в Сокольники.

КОЗЫРЕВ А.П. Чем Вы занимались на юрфаке? Диплом-то, наверное, не по логике защищали?

СТАРЧЕНКО А.А. А вы же очень большой кусок выбросили до того. Про поступление... Хорошо, я ехал в Московский университет, я сдал так, что меня приняли, там были и тройки, и четверки. Но по конкурсу прошел. Куда идти учиться? У меня не было такой направленности, вот обязательно на юридический, или на географический, или на философский. О философском факультете смутное представление было тогда, откровенно говоря. После сельской средней школы «философ»: с Гегелем не знаком, с Кантом тоже, с Асмусом не здоровался. Все шло где-то в стороне. Так, пришел сюда, на кого же? Либо мехмат. Почему? — преподаватель был такой в школе, заставил полюбить. Либо на юридический факультет. А почему на юридический? Дело вот в чем. Мы же флаги вешали у себя в селе? Мы же с немцами все же были в конфронтации, они же нас арестовывали с гестапо, сажали в тюрьму Богатыновскую, держали очень долго, били и все прочее. Мы видели, как ведется

следствие, и что такое вообще юридическая работа. Мы же не знали, молодежь зеленая, и там мы увидели, что за нос можно водить и немцев, и кого хочешь можно вести и завести. Так они от нас и не добились ничего! Мы же не сказали, что вешали флаги. А почему нельзя было говорить? Сразу расстреляли бы, тут же на ходу. Правда, тогда была идея такая, у некоторых, таких троглодитов, догматиков: «Лучше сказать, что ты за советскую власть и за Родину, пусть тебя тут расстреляют, нежели...» Иди, и пусть тебя стреляют. А я не хочу. Я хочу еще с немцами побороться. Каким образом? А так я вывернусь от них, зачем я буду говорить, типа я такой-сякой... Что я такой-сякой им там покажу. Тут еще одна особенность была, нас же один парень выдал. Выдал не прямо, а косвенно. На оккупированной территории очень трудно было собирать людей. Мы нашему командиру, который на год старше нас был, уже 7-й класс окончил, великий знаток уже был... Мы его попросили: «Саша, сходи к одному из наших бывших комсомольских лидеров», он был секретарь комсомольской организации школы, это же личность для сельской местности, как говорят. Он пошел, предложил: «Мы вот хотели бы заняться против немцев, подпольная группа, ты не хотел бы с нами вместе?» Тот подумал-подумал и говорит: «Нет, я, наверное, не буду». У него свои соображения были, он отказался. А когда мы флаги повесили, тут пошла такая пляска... Всех вызывают, всех допрашивают, с угрозами расстрела. Допросы с палками такими гнущимися, они кожей обшиты, похоже на шпицрутены, но не совсем. Они и его допрашивали. Они испугался и сказал: «Да вот, мне Бондаренко предлагал». Немцы стали за нами наблюдать, это мы задним мышлением уже догадались, кто с кем дружит. А мы были только — 7-й класс, ни одного детективного романа даже не читали и не знали, как вести себя. Но мы знали, как вести себя по старым канонам дореволюционной деятельности, но это совсем другое. Они за нами посмотрели 20 дней и всех четверых — хоп! И в подвал нашей районной больницы в Самарском, там мертвецкая была. Там не было трупов, правда. Держали, допрашивали два дня, но мы как-то выдержали, а на третий день повезли в Ростов, немцы не могли справиться с нами. Так вот, гестаповцы приехали из Ростова и

увезли нас в Богатыновскую тюрьму. Знаменитая была тюрьма, вся ростовская шобла перебивала там. Дальше — допросы без результатов. Мы хотели дальше воевать, а не рвать рубашку и умирать. Мы еще думали, как дальше действовать. Основная задача была — взорвать железную дорогу между Ростовом и Кавказом. Но не было ни оружия, ни взрывчатки. Тогда что — собирали мины, снаряды, ходили по полям. Но не получилось, нас тогда как раз схватили. Так вот допросы были? Были. И мы только тогда начали определять своим мальчишеским неразвитым мышлением, что у них есть в портфеле, а чего нет. Что это такое? Это логика. Логика расследования. Вот это и запало в душу, но лично мне, почему-то. И когда встал вопрос, а куда же идти учиться, майор, который командовал нашим отрядом, говорит: — «Анатолий, у тебя такой аналитический ум, иди в юристы». — «Ладно, я подумаю, Виталий Иванович». И уже в Москве решил.

КОЗЫРЕВ А.П. Но не разочаровались, когда поступили на юрфак?

СТАРЧЕНКО А.А. Нет.

ЧЕРНИКОВ Д.Ю. А какой майор рекомендовал вам поступать в МГУ?

СТАРЧЕНКО А.А. Я же сказал, что был в истребительном батальоне, МВД. Охраняли железную дорогу, другие объекты. Народ у нас хороший, но есть подлецы, которых нельзя оставлять один на один со всякими вещами. Растянут зерно, магазины растащат. Но стычек не было, когда видели, что охраняется объект, никто его не трогал. Это 1941–1943 годы. Я добровольно вступил, меня взяли в 15 лет. У них людей не было. А майор-командир вел же дело этого нашего предателя, его же судили, приговорили к смерти, потом заменили на срок, потому что ему не было 18 лет. Он и сам не отпирался. Ну мы потом сами это, конечно, пережили, потому что прилив эмоций, неудовольствия, злобы, это только в начале, а потом все проходит.

Помнить вечно

Им слово краткое «Отчизна»
дороже было слов иных

Вечная слава и память преподавателям, студентам, аспирантам философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, павшим в боях за свободу и независимость нашей родины на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Хасхачих Ф.И.
Бодров А.И.
Селивахин А.И.
Хахулин А.П.
Алпатов С.М.
Володин
Гаспарьян М.
Гермаев С.
Егоров М.А.
Зотов Н.
Катаев А.
Караульник Е.М.
Комаров Г.
Медведев
Мосин М.И.
Овсеян
Преверзенко
Шульгач К.

АСПИРАНТЫ

Андрейченко Ф.
Илларионов В.
Саенко

СТУДЕНТЫ

Арзуманов Р.
Бриккер М.
Василенков И.
Вершзовский О.
Воинов Г.
Волкова А.
Гордиевич Г.
Гусакова К.
Евстифеев М.
Зайкин Б.
Зелкинд Ю.
Иванова А.
Ильинский М.
Кондратьев К.
Королев В.
Круглов Б.
Кузнецов В.
Куницын М.
Купавский И.
Майнерт М.
Минкин Б.
Павловский Г.
Параневич Ф.
Певзнер М.

СТУДЕНТЫ

Перцович И.
Петровский Г.
Раппопорт Ц.
Решетников П.
Рыбаков В.
Савушкин В.
Скибинский Б.
Слащев И.
Слуцкий
Степанов Н.
Стомахин А.
Таунлей
Фронштейн Ю.
Хорощук М.
Чепеленко А.
Шилов В.
Шкинев К.
Шмарин М.
Эльберт С.